

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им.Ш.Марджани

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**

Редактор — **Евгений Казаков**

Редакционная коллегия:

Леонид Арсланов

(Елабужский педагогический институт, Россия)

Римма Голдина

(Удмуртский государственный университет, Россия)

Поль Грандволь

(Межуниверситетский центр венгерских исследований, Франция)

Маргарита Иванова

(Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН)

Христиан Карпелан

(Хельсинкский государственный университет, Финляндия)

Сергей Кузьминых

(Институт археологии РАН)

Аин Мяэсалу

(Тартусский университет, г.Тарту, Эстония)

Николай Мокшин

(НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовии)

Татьяна Никитина

(Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им.В.Н.Васильева)

Роман Ковалев

(Миннесотский университет, США)

Элеонора Савельева

(Институт языка, литературы и истории Коми филиала РАН)

Ксенофонт Сануков

(Марийский государственный университет, Россия)

Петр Старостин

(Институт истории АН РТ)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, Венгрия)

✉ Адрес: 420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5.

Институт истории АН РТ. Редакция ж. «ПАНОРАМА-ФОРУМ».

☎ Телефон/факс: (843) 292-91-99; 292-18-09.

✉ E-mail: history@tataroved.ru

Дизайн обложки – Миляуша Хасанова. Оригинал-макет – Айсылу Тухватуллина.

“Fıppo-Ugrıca” издается в качестве приложения к журналу “ПАНОРАМА-ФОРУМ”,
зарегистрированному Министерством информации и печати Республики Татарстан (№440).
Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ. Тел. (843) 292-95-68.

Тираж 500 экз. Объем 6,5 п.л. Цена свободная.

Мнения авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Содержание

От редакции	3
Андрей Чижевский. Сорочьегорское городище	5
Петр Старостин. О халцедоновых украшениях из азелинских погребений	8
Игорь Пастушенко, Вероника Бернц. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья	12
Евгений Казаков. Сылвенско-неволинская керамика памятников ранней Волжской Болгарии и проблемы миграции угров на Волгу в VII–IX вв.	24
Евгений Казаков. О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии	34
Константин Руденко. Этнокультурное взаимодействие кочевого и оседлого населения в Казанском Поволжье в XI–XIV вв. (по археологическим данным)	40
Геннадий Гарустович, Владимир Иванов, Степан Шилов. Средневековые могильники лесостепной зоны Западной Сибири	54
Геннадий Гарустович. Некрофагия и чаши из черепа человека (анализ сообщений письменных источников)	69
Рашо Рашев. Этнический аспект материальной культуры Первого Болгарского царства	80

Критика и библиография

Константин Руденко. Рецензия на книгу Е.П.Казакова «Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.»	93

Хроника

Георги Владимиров, Пламен Павлов, Фаяз Хузин. Памяти профессора Рашо Рашева	101
Список сокращений	103
Сведения об авторах	104

От редакции

Очередной (11-й) выпуск журнала «Finno-Ugrica» включает в себя 11 статей. В основном, они подготовлены на археологических материалах. В небольшой работе А.Чижевского рассматривается история исследования Сорочьегогорского городища раннего железного века. В интересной статье П.Старостина представлено описание некрополей своеобразной культуры первых веков нашей эры, оставленной прикамским финноязычным населением. В качестве украшений оно использовало поделки из халцедона. Привлекая специалистов по естественнонаучным методам П.Н. Старостин убедительно указывает не только привозной характер изделий, но и технику их изготовления. Скорее всего они, также как азелинские мечи, шлемы, шли из мира сармат, которые в это время полностью господствовали в южных регионах.

Данная тема развивается в работе И.Пастушенко и В.Бернц. На основе привлечения, практических всех данных находок по этому направлению в памятниках азелинской и мазунинской культурах, авторы указывают типы изделий, их функциональное применение (в том числе и по работе П. Старостина) и локализацию в Прикамье. Можно согласиться с мнением исследователей, что эти изделия появились в регионе в связи с определенной миграцией к северу групп населения. О вероятной связи их с сарматским миром свидетельствует материал Мокинского, Тураевского, П Старомаинского и других могильников.

В своей статье Е.Казаков возвращается к анализу керамики урало-прикамских истоков из памятников ранней Волжской Болгарии. Рассмотрена своеобразная группа лепной круглодонной посуды неволинской культуры из сылвенского региона. Актер полагает, что ее формированию происходило при участии сарматского компонента, проникшего в Верхнее Прикамье и здесь угризировано. В работе также поднимается вопрос о доболгарской миграции уральских угров на Волге.

Вторая работа этого же автора посвящена проблеме появления столичных городов домонгольской Волжской Болгарии. Привлекая письменные и археологический материал исследователь полагает, что Булгар и Сувар появились в 40-е годы X в., а Биляр значительно позднее.

В объемной статье К.Руденко рассмотрены вопросы взаимодействия кочевого и оседлого населения Казанского Поволжья в XI-XIV вв. Автор отмечает неоднократное проникновение на данную территорию новых этнических групп, вызванное меняющейся военно-политической обстановкой на широких пространствах Восточной Европы. Он подчеркивает сложность взаимодействия разных групп населения и формирования на основе этого новых политических и этнокультурных образований.

В труде Г.Гарустовича, В.Иванова, С.Шилова публикуются материалы средневековых некрополей лесостепной зоны Западной Сибири и южного Урала.

Авторы полагают, что во второй половине I и первой половине II тыс. «лесостепная зона Южного Урала (по обеим сторонам хребта) была заселена близкородственными племенами, связанными своим происхождением с угорским этническим миром».

В статье Г. Гарустовича описываются древние ритуальные действия, связанные с использованием сосудов, изготовленных из черепа человека. Он приводит письменные сведения о связи этого обычая с каннибализмом, а также с культом предков.

В работе трагически погибшего нашего болгарского коллеги Р. Рашева рассматривается этническая принадлежность материальной культуры населения Первого Болгарского царства на Дунае. Характеризуя оборонительные сооружения, жилища, керамику, одежду и украшения, погребальный обряд автор отмечает, что их этническую основу в определенной мере можно предполагать только в истоках (праболгары, славяне, сарматы, фракийцы). В памятниках же Первого Болгарского (681-1018 гг.) все эти элементы смешаны, отражая взаимопроникновение разных этнических групп в процессе формирования нового народа на Дунае.

В разделе «Критика и библиография» публикуется отзыв К. Руденко на книгу Е. П. Казакова «Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия» (Казань, 2007). Автор отмечает, что монография посвящена вопросам взаимодействия волжских болгар с огромным миром их угорских и финноязычных соседей. Сложные этногенетические процессы «впервые доказательно» представлены и обобщены с привлечением многочисленных археологических источников.

В разделе «Хроника» болгарскими и российскими учеными представлен творческий путь крупного археолога и историка, ведущего специалиста по истории и культуре Первого Болгарского царства Р. Рашева, трагически погибшего в железнодорожной катастрофе 28 февраля 2008 г. Он много сделал для укрепления контактов между болгарскими и российскими археологами. Гибель Р. Рашева, находящегося в расцвете творческих сил, является большой утратой не только для болгарской, но и для всей европейской науки в области средневековья.

Андрей Чижевский Сорочьегорское городище

Сорочьегорское городище оставлено носителями постмаклашеевской культуры, входящей в состав ананьинской культурно-исторической области, связываемой исследователями с неразделенной финно-угорской или же финно-пермской общностью.

Городище расположено неподалеку от с. Сорочьи Горы Рыбно-Слободского района Республики Татарстан. До начала строительства грузового причала в 1991 г. подтреугольной формы площадка городища имела размеры 73 x 11 – 72 м с напольной стороны она была отделена «кокошниковидным» валом (размеры до начала строительных работ: ширина в основании – от 8,5-11 м в средней части, высота с внутренней стороны 1,3 м, со дна рва 3 м, длина по гребню около 74 м) и дуговидным рвом (размеры до начала строительных работ: ширина – 6-8 м, глубина – 1-1,7 м) (Габяшев и др., 1981, с.121; Бугров и др., 1994, с.94). В настоящее время сохранилась лишь небольшая (18 x 18 м) северо-западная часть площадки городища и прилегающая к нему часть вала длиной 20 м.

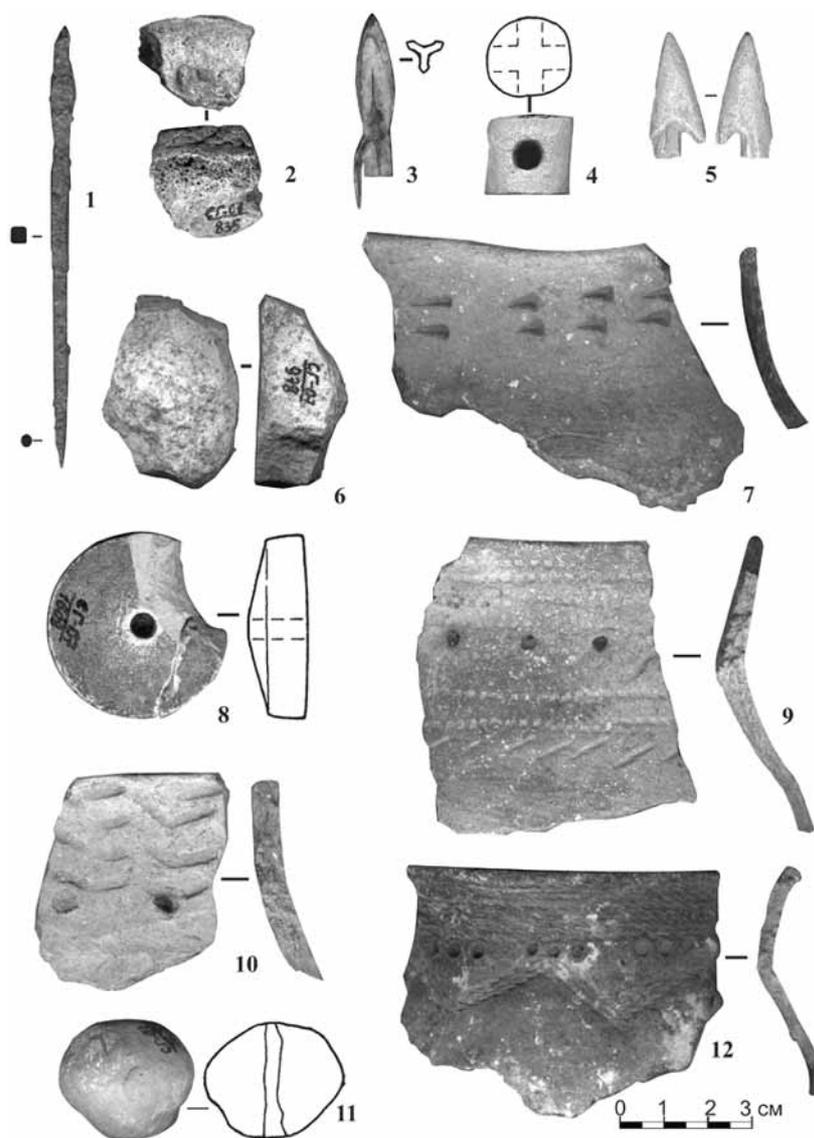
Памятник был открыт в 1879 году П.А. Пономаревым и исследовался им в 1880-1882, 1885 гг. (Пономарев, 1884, с.323-325; Штукенберг, 1884, с.10). В 1909 г. работы на городище производил финский археолог А.М. Тальгрэн (Тальгрэн, 1919, с.62-65). В 1982 г. на Сорочьегорском городище осуществляла работы экспедиция Государственного объединенного музея ТАССР под руководством В.Н. Маркова (Марков, 1984, с. 158-159; Марков, 1984а, с. 5–17). В 1990-1991 гг. на памятнике работала экспедиция Казанского университета под руководством А.Х. Халикова (Халиков и др., 1991, с.78-79; Руденко, 2002). В 2007 г. археологические изыскания были продолжены экспедицией национального центра археологических исследований института истории АН РТ под руководством А.А. Чижевского, который исследовал остатки площадки городища (Чижевский, 2008).

В результате многолетних исследований на памятнике было выявлено два жилища ананьинского времени и собрана значительная коллекция, включающая фрагменты керамики с примесью раковины, многочисленные изделия из рога, кости, кремня, бронзы и железа.

Сорочьегорское городище было заселено в самом начале ананьинской эпохи в IX-VIII вв. до н.э. (Марков, 1984а, с.11; Кузьминых, Чижевский, 2007, с.5) и доживает до VI-V вв. до н.э. (Марков, 2007, с. 33, 43, 44). В середине I тыс. н.э. городище периодически посещалось поволжскофинскими племенами, а в начале II тыс. н.э. использовалось болгарами, вероятно, как наблюдательный пункт. Самые поздние материалы, выявленные на Сорочьегорском городище, относятся к XVIII в. и связаны с д. Сорочьи Горы.

Литература

- Бугров Д.Г., Руденко К.А., Халиков А.Х.* Укрепления Сорочьегорского городища // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.
- Габяшев Р.С., Старостин П.Н., Халиковым А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* О Владимире Николаевиче Маркове и его книге / Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) // Археология евразийских степей. Т.4. Казань, 2007.
- Марков В.Н.* Раскопки городищ на Нижней Каме // АО–1982. М., 1984.
- Марков В.Н.* Керамика городища Сорочьи Горы // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984а.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) // Археология евразийских степей. Т.4. Казань, 2007.
- Пономарев П.А.* Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шурана и д. Сорочьи Горы, произведенных летом 1881-го года действительным членом П.А. Пономаревым // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1884. т.III.
- Руденко К.А.* Остров «Мурзиха» и его окрестности. Казань, 2002.
- Тальгрэн А.М.* Бронзовые топоры с головами животных из Восточной России // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1919, т.XXX, вып.1.
- Халиков А.Х., Бугров Д.Г., Истомин К.А., Руденко К.А., Чижевский А.А.* Исследования Сорочьегорского городища и селища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.
- Чижевский А.А.* Отчет об археологических работах в Рыбно-Слободском районе Татарстана (раскопки Сорочьегорского городища) в 2007 году. Казань, 2008.
- Штукенберг А.А.* Несколько замечаний по поводу раскопок: 1) близ села Шурана и деревни Сорочьих Гор (в Лаишевском у. Казанской губ.) и 2) над так называемым Ройским Истоком (на границе Уржумского и Малмыжского уу. Вятской губ.), произведенных летом 1881-го г. // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1884. т.III.

Инвентарь Сорочьегорского городища. 1 – проколка; 2 – фрагмент литейной формы; 3 – наконечник стрелы; 4 – муфта от конской упряжи; 5 – наконечник стрелы; 6 – кресальный камень; 7 – фрагмент сосуда; 8 – напярслице; 9 – фрагмент сосуда; 10 – фрагмент сосуда; 11 – напярслице; 12 – фрагмент сосуда. 1 – железо; 2, 7, 9-12 – керамика; 3 – бронза; 4, 5 – кость; 6 – кварцит; 8 – известняк.

Петр Старостин

О халцедоновых украшениях из азелинских погребений

Памятники азелинского круга занимают регион от правого берега реки Пижмы, правого притока реки Вятки. Привеска из халцедона обнаружена в погребении 88 Худяковского могильника (Голдина Р.Д., 1987, с. 45, 63, рис. 10-7). Этот могильник азелинского круга наиболее северный.

Восточная часть памятников азелинского круга, в основном, ограничивается правым берегом реки Вятки. В качестве примера можно привести такие памятники как Азелинский (Генинг В.Ф., 1963, с. 96-107 и сл.), Суворовский (Генинг В.Ф., 1963, с. 107-125 и сл.), Тюм-Тюмский (Генинг В.Ф., 1963, с. 135, 136; Ошибкина С.В., 1979) и другие.

Южная часть территории азелинских памятников доходит до реки Камы. По ее правому берегу зафиксированы остатки азелинских могильников. В качестве примера можно привести Масловский могильник. Еще в 1900 г. при строительных работах было вскрыто 19 костяков, при которых было найдено много древних предметов: два железных проушных топора, топор-кельт, три железных копья с листовидными перьями, двулезвийный, костяной наконечник с ромбическим сечением пера и другие предметы (Генинг В.Ф., 1963, с. 126, 127).

В шестидесятые годы XX в. были зафиксированы остатки азелинских погребений в районе Мурзихинской переправы на левом берегу р. Камы. Могильник размыт водохранилищем. В коллекции, собранной на памятнике, представлены фрагменты круглых блях с циркульными узорами, поясных накладок, подвесок и других предметов. Остатки данных находок были зафиксированы в 70-е и 80-е годы XX в. Е.А.Беговатовым. Также в 60-е годы в районе бывшей деревни Кузькино на левом берегу Камы найдены фрагменты лепной посуды с примесями в тесте толченых раковин и илистых включений. Встречены также фрагменты с примесями мелкого шамота. На некоторых фрагментах есть неглубокие ямки. Найдено линзовидное глиняное пряслице с примесями толченых раковин, украшенное ямочными вдавлениями (Старостин П.Н., 1971, с. 41, табл. 1-12) и бронзовая литая подвеска с двумя головками, повернутыми в разные стороны (с. 41, табл. 1-5).

В те же годы на левом берегу Камы на размытом останце надлуговой террасы собраны фрагменты лепной посуды азелинского облика; глиняное пряслице, украшенное ямочными наколами, а также бронзовая двуглавая подвеска, украшенная конскими головками.

В низовьях р. Меши, правом притоке Камы, в 80-е годы XX в. были зафиксированы остатки могильника около бывшего села Мансурова, в котором найдены остатки трех погребений. В них зафиксированы остатки оружия (меч, копье), а также эполетообразная застежка.

Наиболее южный памятник азелинского круга – остатки поселения на правом берегу Волги, около с. Большие Тарханы. Культурный слой поселения был

разрушен оползнем. М.Г.Косменко собрал коллекцию лепной круглодонной керамики серого цвета с примесью ила, без орнамента. Рассматриваемая керамика аналогична керамике с других памятников азелинского круга. Здесь же были найдены стеклянные бусины синего цвета длиной около 1,2 см, эллипсоидные в сечении.

В 1966 г. на правом берегу Волги, на окраине г.Тетюши был обнаружен могильник, на котором выявлены погребения ананьинского облика, погребения ранних болгар, а также азелинские погребения.

По правому берегу Волги в 1927 г. Н.Ф.Калининым были вскрыты отдельные азелинские погребения у Сюкеевского взвоза. Позднее в 1949 г. исследователь предпринимал исследования этого памятника, но погребения не были обнаружены (Генинг В.Ф., 1963, с. 133).

Выше по Волге в семидесятые годы XX в. В.Н.Марков в осыпях обнажения Антоновского городища обнаружил лепную мелкошамотную плоскодонную посуду и фрагменты керамики с примесями растительных остатков. Кроме того, он собрал в осыпях глиняные пряслица, железный нож и другие материалы. Еще выше по правому берегу Волги азелинские памятники практически не выявлены.

На очерченной территории зафиксировано более 20 азелинских памятников, на которых зафиксированы остатки предметов из халцедона. Эти изделия: бусы и круглые диски диаметром в среднем от 3 до 4 см. В центре дисков просверлены отверстия диаметром 3-5 мм. Халцедоновые диски употреблялись для украшения женских поясов, которые застегивались эполетообразными застегками. На некоторых поясах много халцедоновых дисков. В погребении 10 Нармонского могильника найдено 10 дисков на поясе. Поясами иногда застегивалась верхняя одежда, иногда они просто укладывались в область пояса, иногда – вдоль погребенных. Например, в погребении 25 V Рождественского могильника пояса укладывались в жертвенный комплекс. В туеске были уложены литейные формы, мешочек с мелко изрубленными латунными предметами для переплавки.

Остатки очень нарядных женских поясов и халцедоновых дисков зафиксированы в погребениях могильника в районе Старого стекольного завода, в г.Казани, на правом берегу р.Камы в с. Масловке. Судя по остаткам, халцедоновые украшения (диски) находились и в других могильниках.

В некоторых детских погребениях встречены круглые бляшки из бронзы. Так, например, в погребении подростка № 142 V Рождественского могильника найдены остатки ожерелья, основу которого составлял железный дрот. К нему были прикреплены две поздние римские монеты середины III в. н.э. Определение монет проводил В.В.Кропоткин. По-видимому, в III в. н.э. халцедон для изготовления украшений еще не использовался. Можно предположить, что поделки из халцедона стали поступать в Волго-Вятское междуречье в лишь конце III в.н.э. Но основная часть халцедона стала поступать еще позднее. Некоторые ожерелья стали изготавливаться с использованием халцедоновых бусин и дисков.

Некоторые ожерелья бытовали с тремя халцедоновыми дисками; на отдельных бронзовых дротовых кольцах привешивались по два халцедоновых диска, но были распространены ожерелья с одним халцедоновым диском-привеской. Основой ожерелий иногда были бронзовые дроты (Генинг В.Ф., 1963, с. 51, рис. 28; 1963, с. 87, рис. 45). Но встречались и ожерелья, изготовленные на основе жгутика или нескольких нитей с бусами. Такими являются остатки ожерелья из погребения 44 Суворовского могильника (Генинг В.Ф., 1963, с. 47, рис. 24). Ожерелье погребения 5 этого же могильника состояло из низки бусин, к которым на бронзовых пластинках подвешивались два халцедоновых диска (Генинг В.Ф., 1963, с. 111). Близким по форме к отмеченным является ожерелье из погр. 10 Нармонского могильника. Оно с тремя прикрепленными халцедоновыми дисками (Старостин П.Н., 2002, с. 55, рис. 12-24).

Следует отметить остатки погребения № 10 Усть-Брыскинского могильника в низовьях реки Брыски, правого притока р. Камы. Погребение совершено под насыпью кургана, в нем обнаружены остатки женщины с ребенком, который помещен справа у ног женщины. В могильной яме устроен небольшой подбой. Судя по остаткам, у младенца был пояс с эполетообразной застежкой. Здесь же лежали бронзовые диски. Они, по-видимому, заменяли халцедоновые диски. При костяке были найдены вещи. Среди них примечателен пластинчатый «варган» – инструмент. Аналогичные варганы из бронзы бытовали в Прикамье. Был найден слиток металла, по-видимому, латунный; связки бронзовых пластинок, большое количество бус, бронзовый браслет мошинского типа, опубликованный Д.Г.Бугровым.

Вещи из халцедона зафиксированы на многих азелинских памятниках, в основном, в погребениях. Но были встречены также на поселениях (Городище «Гремячий ключ» и на городище «Черепашье»). Дата халцедоновых памятников – приблизительно IV–V вв. н.э.

Встает вопрос, откуда поступали халцедоновые поделки к носителям азелинской культуры? В соседних регионах встречаются халцедоны очень редко. Еще в 80-е гг. XX в. я обратился на геологический факультет Казанского университета к профессору В.И.Игнатьеву с просьбой проанализировать химический состав халцедоновых предметов и определить территории, где добыты эти минералы. Он договорился провести анализ в спектральной лаборатории Средневолжской геологоразведывательной экспедиции ПГО «Центргеология» на приборе ДФС (аналитик М.А.Пичугина). Сопоставление анализов показало, что в халцедонах из местных известняков концентрация ванадия – 0,001-0,0029%, хрома – 0,001-0,005%, вольфрама – до 0,01%, циркония – 0,001-0,005%. В халцедонах из украшений эти примеси отсутствуют. В то же время в материалах (украшениях) зафиксированы концентрации цинка (0,03%), олова (0,003%), германия (0,001). В халцедонах из местных конкреций концентрации цинка, олова и германия отсутствуют. В пробах халцедона из конкреций более высокое содержание магния (свыше 5%), железа (0,5-0,8%), кальция (более 10%).

В 2001 году под руководством доцента геологического факультета Казанского университета Г.Р.Булки, при участии студентки Бакуровой Е.В. был проведен рентгенофазовый структурный анализ халцедонового диска из погребения № 4 Нармонского могильника. Анализ показал низкое содержание кристаллических примесей, что не характерно для минералов, образовавшихся на Нижней Каме.

В 1984 году я обратился к Г.Ф.Коробковой с просьбой определения техники обработки халцедоновых дисков, украшавших женские костюмы азелинского времени V Рождественского могильника. Она отметила, что диски изготовлены с использованием пяти технологических признаков: 1) Обивка при получении заготовок; 2) мелкое очернение заготовок; 3) шлифовка; 4) полировка; 5) сверление станковым сверлом. Шлифование и полировка заготовок, по мнению Галины Федоровны, велись горизонтальным движением заготовки, а не вращением вокруг оси.

Все изложенное позволяет судить, что рассматриваемая категория украшений из халцедона является привозной. Местные мастера не знали о добыче местного халцедона и не использовали его.

Судя по могильникам, в каждой общине были женщины-мастерицы, которые занимались изготовлением украшений и принадлежностей костюма, отличали медные украшения: эполетообразные застёжки, привески, пряжки, накладки, бляшки и другие предметы. Какая-то группа людей занималась изготовлением одежды, другие – кузнечным делом: изготовлением ножей, шильев, топоров. В погребениях мужчин встречаются длинные мечи и кинжалы. Специалисты считают, что они были приобретенными. Уровень технологии изготовления этих вещей довольно сложен. Также они не могли изготавливать кольчуги, шлемы.

Литература

- Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. ВАУ, 5. Ижевск, 1963.
- Голдина Р.Д.* Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров. Йошкар-Ола, 1987.
- Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху средневековья. КСИА, № 158. М., 1979.
- Старостин П.Н.* Этнокультурные общности предбулгарского времени Нижнего Прикамья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Старостин П.Н.* Нармонский могильник. Казань, 2002.

Игорь Пастушенко, Вероника Бернц
Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья

Великое переселение народов сыграло огромную роль в жизни народов Евразии в целом и Прикамья в частности. Его последствия нашли свое отражение практически во всех сферах жизни общества, но, пожалуй, наиболее ярко, с точки зрения археолога, они проявились в материальной культуре. Многочисленные инновации – появление новых категорий и типов вещей, фиксируются достаточно четко и неоднократно привлекали к себе внимание специалистов. В обобщающих многоплановых работах нет возможности рассмотреть все многообразие этих проявлений, а тщательному детальному анализу, как правило, подвергались лишь отдельные, наиболее яркие категории инвентаря, которые ранее были совершенно не известны или представлены отдельными индивидуальными находками не только на территории изучаемой культуры, но и в сопредельных регионах, – шлемы, «косы-горбуши», отдельные типы украшений (например, полихромные изделия или поясная гарнитура), монеты, предметы восточной торевтики.

В данной работе мы остановимся на такой категории находок – как халцедоновые диски. Обращение к литературе и попытка выявить халцедоновые диски в древностях эпохи Великого переселения народов Восточной Европы показало, что основным районом их распространения, как не парадоксально, является Прикамье – здесь найдено более сотни этих предметов. Выбор определяется также специфичностью их места в культуре народов Евразии и Прикамья, а также возрастающим к ним в последнее время интересом в уральской археологии (см например: Колобов А.В., Мельничук А.Ф., Кулябина Н.В., 1999; Вылежнева М.В., 2000; Мельничук А.Ф., Вылежнева М.В., 2002; Бакурова Л.В., 2002; Малых О., 2006). При этом разбираются либо все изделия из халцедона, как диски, так и бусы, либо внимание уделяется лишь отдельным изделиям, значительная масса материала остается «за кадром».

Сами халцедоновые диски в имеющейся в нашем распоряжении литературе описаны крайне слабо, как правило, констатируется их наличие в погребальном комплексе или на памятнике, в редких случаях упомянут диаметр изделия. Поэтому остановимся на их описании. Предметы из халцедона, называемые дисками, с одной стороны довольно однотипны, с другой – отличаются рядом особенностей, при этом их формально-морфологическую типологию и количественный анализ произвести на данном этапе практически не возможно, так как вся совокупность предметов (в силу слабой иллюстративной базы части публикаций) нам не доступна. Выделяются два основных «типа» изделий: первый – диски с сечением в виде овала или эллипса, грань может быть сглажена или слегка уплощена (рис.2-4,5,7), у второго – в сечении сегмент, основание может быть слегка выгнуто, а грань также уплощена (рис.2-6,8), варианты можно было бы выделить по размерам, но размерность указана лишь у отдельных предметов. Особняком

стоят лишь несколько находок – это диск со спиральным орнаментом (рис.2-2) из Усть-Сарапулки (близок находке из погр. 8 кургана 16 Центрального IV могильника), диск из погр. 3 Первомайского могильника с прямоугольным сечением, стороны слегка выпуклы, вместо отверстия в центре – два взаимно перпендикулярных пересекающихся канала с боковых граней (рис.2-3), что сближает его с римской геммой-фалерой из Мокинского могильника (рис.2-1).

Наибольшее количество рассматриваемых предметов известно по материалам погребальных памятников и отдельных находок (часть из которых, возможно, является разрушенными погребениями) азелинского типа: Айшинский (Генинг В.Ф., 1963, с.131; Археологическая карта..., №148), Вичмарский (Машковцев И.А.; Худяков М.Г., 1927), Гремячкинский (Старостин П.Н., 1981, с.113, рис.3-3), Мари Луговской (Халиков А.Х., 1962, с.168-172, табл.XXXV-5-9), Нармонский (Старостин П.Н., 2002, с.3-4, 10, 15-16, 29, 32, рис.4-9, 7-7, 10-5, 12-22,24), Первомайский (Макаров Л.Д., отчет за 1987 г., с.60,63-64, рис.185,206; Голдина Р.Д., отчет за 1988 г., с.19,24-25, рис.63-2, 143-5; Макаров Л.Д., 1995, с.34, рис.6-1,2), Рождественский V (Старостин П.Н., Кузьминых С.В., 1978, с.168-170, рис.1-1,2,4; Старостин П.Н., Петренко А.Г., 1984, с.93,99), Суворовский (Генинг В.Ф., 1963, с.42-43, 69, 111-113, 115-116, 119-123, 125, рис.15, 18, 19, 23, 24, 28, 58, 59, 62, табл.Х-9,10, XXIII-2), Тюм-Тюм (Ошибкина С.В., отчеты за 1979 и 1971 гг.; Ошибкина С.В., Иванова М.Г., отчет за 1972 г.; Ошибкина С.В., 1979, с.76-78), Уржумкинский (Никитина Т.Б., 1994, с.62, 64, 66, 67, рис.46Б-6, 51-2, 59-3), Усть-Брыскинский (Археологическая карта..., №534; Бакурова Л.В., 2002), Худяковский (Голдина Р.Д., 1987, с.45, рис.6-2) могильники, Безводновский клад (Генинг В.Ф., 1963, с.141), Малмыжские (Генинг В.Ф., 1963, с.135), Шуранская (Генинг В.Ф., 1963, с.127) и Шурминские (Генинг В.Ф., 1963, с.137) находки. Найдены халцедоновые изделия и в Казанском I (Старый стекольный завод) могильнике, но здесь упомянуты «20 халцедоновых дисков диаметром 21-36 мм» (Генинг В.Ф., 1963, с.132; Археологическая карта..., №72), к сожалению, рисунки не опубликованы, возможно, что часть упомянутых изделий является просто крупными бусами. Таким образом, найдено не менее 97 предметов.

В мазунинской культуре халцедоновые диски обнаружены в 4 могильниках: Кудашевский (Казанцева О.А., 2004, рис.1-3; Казанцева О.А., отчеты за 1990 и 1999 гг.), Тарасовский (Голдина Р.Д., 2003, табл.2-26, 139-2, 236-33-7, 330-6, 332-8, 339-2; Голдина Р.Д., 2004, с.10, 62, 101, 135, 138, 255), Тураевский I (Генинг В.Ф., 1976, с.60-61, рис.26-13; Водолаго Н.В., отчет за 1988 г.) и Усть-Сарапульский (Арматинская О.В., 1986, с.45, рис.5-26), всего 12 изделий.

Небольшой фрагмент халцедонового диска найден в заполнении сооружения 22 Верх-Саинского I городища (Голдина Р.Д., отчет за 190 г.), одного из интереснейших памятников неволинской культуры, расположенного в среднем течении р.Шаквы. Оригинальная находка сделана пермскими археологами на Мокинском могильнике, где обнаружена римская халцедоновая гемма в виде головки амура (Соболева Н.В., 1991, с.77; Колобов А.В., Мельничук А.Ф., Кулябина Н.В., 1999).

Найден диск и в материалах ломоватовского Деменковского могильника, где он располагался между ног центрального костяка, но определить его принадлежность к деталям одежды или еще чего-либо не т возможности (устное сообщение А.Ф.Мельничука).

В таблице, приведены данные по встречаемости халцедоновых дисков, в прикамских памятниках, а также указано их место среди погребального инвентаря. Из нее видно, что в двух родственных культурах использование дисков было различно, причем отличие разительно. Так для мазунинских древностей характерно использование дисков в качестве наверхий мечей – 83,4%, а для азелинских можно лишь предположить, что небольшая часть изделий (4,1%) использовалась как деталь портупей или наверхие, при этом последнее высказывание остается лишь в качестве предположения. Примечателен только тот факт, что вышеназванные случаи характерны для воинских погребений несколько выпадающих из общей серии захоронений как по набору инвентаря, так и по ряду черт погребальной обрядности.

Более характерно для азелино применение халцедоновых дисков в качестве составных элементов поясов (30,9%) или нагрудных ожерелий (28,9%), столь же велико число случаев, когда место дисков в составе погребального инвентаря определить не удастся (27,8%). Следует упомянуть, что столь характерные для богатых азелинских поясов диски заменены в мазунино на крупные бляхи из створок раковины *Turbo marmaratus*, которые изредка применялись в качестве наверхий (Останина Т.И., 1997, с.62-63) и являются столь же оригинальной чертой материальной культуры прикамского населения как и диски. Возможно, что их «совместное» поступление в регион имело один и тот же характер.

В рассматриваемое время на «сопредельных» с Прикамьем территориях халцедоновые диски встречены еще в двух регионах – на Южном Урале, а также на Боспоре и в Нижнем Подонье и Нижнем Поволжье, причем здесь они использовались только в качестве наверхий для мечей. В первом случае это памятники сарматов, или, по мнению С.Г.Баталова, гунно-сарматов: Лебедевка гр. I к. 1, гр. V к. 23 п. 1, гр. VI к. 1, 3, 24, 37 (Багриков Г.И., Сенигова Т.Н., 1968, с. 83, рис. 14-8; Мошкова М.Г., 1982, с. 82-84; Скрипкин А.С., 1989, с. 176-177; Железчиков Б.Ф., Порох В.Н., 1993, с. 90); Комсомольский IV к. 5 (Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 73, 125, табл. ЛШ-4, 12); Покровский к. 2; Целинный I к. 6; Красный Яр к. 3 (Пшеничнюк А.Х., 1989, с. 103, 117, рис. 3-2, 3); Агаповский к. 6 (Мошкова М.Г., 1978, с. 74); г. Уфа погр. 38 (Ахмеров Р.Б., 1970, 191-192, рис. 13). Во втором – воинские погребения, преимущественно сарматские: ст. Тифлисская к. 11 и Новогригорьевка погр. IX (Хазанов А.М., 1971, табл. XIV-4, 7); Кочетное к. 3 п. 1 (Матюхин А.Д., 1993, с. 158, рис. 1-6, 7); Альт-Веймар к. Д-16 (Мошкова М.Г., 1978, с. 74); Ростов-на-Дону к. 6 (Волков В.И., 1985); Высочино к. 10 п. 2 и Высочино VII к. 12 п. 1 (Максименко В.Е., 1998, с. 134-135, рис. 76-6, 9); Четыре брата к. 3 п. 6 (Мошкова М.Г., 1978, с. 71, рис. 2-1); Три брата гр. II к. 25 (Рыков П.С., 1936, с. 154, рис. 24); Центральный VI к. 16 п. 8 (Безуглов

Таблица

**Распространение халцедоновых дисков в памятниках Прикамья и
их расположение среди категорий погребального инвентаря**

	Памятник (могильник)	Навершие меча и портупея*	Пояс	Гривны и ожерелья	ЖК	Не определено	Все го
мазурино	Тарасовский	4, 765А, 765Б, 782, 1685	312		551Б		7
	Тураевский	1/1, 171					2
	Усть- Сарапульский	89					1
	Кудашевский	8, 34					2
	Всего	10	1		1		12
	%	83,4	8,3		8,3		100
азелино	Уржумкинский			32, 34		5, 15	4
	Худяковский			88			1
	Вичмарский			8			1
	Первомайский	9(2)*		3(2)		44, 67	6
	Суворовский	30*	5(4), 14(2), 28(6)	5(2), 14, 28(3)		18, 19(2), 20	23
	Шуранский			(3)			3
	Мари Луговской		40(4) **	36(2), 40(2)**			8
	Рождествен- ский V		33(2)	33(1x1)	173(2)		6
	Тюм-Тюм	94*/**		60(2), 92, 102	33, 94(5)	71(2), 94(5), 102, 118	20
	Айшинский		(4)				4
	Нармонский		10(8)	10(3)		п.1967г., 4, 11	14
	Гремячинский					с/п	1
	Малмыж (находки)					(2)	2
	Шурма (находки)					(2)	2
	Безводново (клад)					(2)	2
	Усть- Брыскинский						?
	Всего	4	30	28	8	27	97
%	4,1	30,9	28,9	8,3	27,8	100	
Мокинский	98*					1	
Деменковский					196	1	
Верх-Сая I гор.				сооружение 22		1	

* – портупея.

** – предметы входят в состав ЖК.

С.И., 1988, с.104, рис.2-1,4); Сладковский к.20 п.1 (Максименко В.Е., Безуглов С.И., 1987, с.184-185); Боспор не менее 22 экз. (Сокольский Н.И., 1954; Засецкая И.П., 1979, с.15-16; Горончаровский В.А., 1998, с.85-86).

Следует отметить, что для второго региона известны дисковидные навершия и из других материалов: различных пород камня, стекла, кости, а изредка и из крупных бус: Боспор не менее 20 экз. (Сокольский Н.И., 1954, с.123-196); Усть-Лаба II погр.81 (Анфимов Н.В., 1951, с.197); Новоалександровка I кург.20 погр.2 (Беспалый Е.И., 1990, с.220); Ахачархва погр.1 (Шамба Г.К., 1965, с.263); Кобяково кург.5 (Гугуев В.В., Безуглов С.И., 1990, с.164); Калиновский кург.8 (Шилов В.П., 1959, с.343); Солянка I кург.3 погр.2 (Скворцов Н.Б., 2001, с.243); Тузлуки кург.17 погр.1, Сладково кург.12 погр.1, кург.14 погр.1, кург.20 погр.1, Высочино кург.10 погр.1, Высочино VII кург.12 погр.1, Койсуг кург.4 погр.24, Полевой стан II кург.2 погр.1, Гринев кург.2 погр.1, Криволиманное кург.12 погр.2, кург.44 погр.1, Донской кург.5 погр.10 (Максименко В.Е., 1998, с.134-135) и т.д. Встречаются такие предметы и на Южном Урале, но довольно редко – Покровка I кург.16 погр.1 (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с.28, рис.45-1). Достаточно часто встречаются с мечами и крупные бусы, украшавшие темляки и портупей.

Последний факт весьма значим для нас, так как в Прикамье данная черта также встречается: Тарасово погр.1784 – навершие из зеленой стеклянной бусины, Покровка погр.26 и 261 – навершия из раковины, бусы с мечами найдены в Тураево к.1 п.2, к.7 п.1А 1Б, погр.171; Покровка погр.19, 59, 63, 83, 289, 325, 347; Ижевск погр.110, 149; Нивы погр.17; Кудаш погр.5; Концовский погр.8; Первомай погр.9; Азелино погр.5; Суворово погр.1, 17, 20, 30; Старостекольный (Казанский) (?); Тюм-Тюм погр.94, 102. Учитывая, что появление большей части клинкового оружия у нижекамских племен связывают с «импортом» с юга (Овсянников В.В., 1994, с.65; Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1999, с.71), можно предположить, что оно поступало из восточной части Северного Причерноморья, где отмечены все перечисленные выше особенности, но не в качестве товара, а вместе с его носителями.

Как бы то ни было, в Нижнем Прикамье в узкий отрезок времени (IV-V вв.) появляется значительное количество халцедоновых дисков и крупных халцедоновых бус. Пермские археологи во главе с А.Ф.Мельничуком предположили, что поступление халцедона (сапфирина) в Прикамье связано с развитием торговли, где далеко не последнюю роль в качестве посредников играли сарматы (возможно, аорсы) (Колобов А.В., Мельничук А.Ф., Кулябина Н.В., 1999; Вылежнева М.В., 2000; Мельничук А.Ф., Вылежнева М.В., 2002, с.45). Нам данная точка зрения представляется ошибочной, так как на других территориях, через которые должен был бы проходить этот торговый путь (Поволжье и Башкирия), выпадение изделий из халцедона (точнее дисков) не отмечено (отдельные, весьма немногочисленные, находки входят в состав погребальных комплексов в качестве наверший мечей). Скорее всего, поступление халцедона в регион имело место в узкий

отрезок времени или произошло вообще одновременно. При этом он поступил в виде как готовых изделий: мечей и портупей, так и в виде полуфабрикатов: бус и дисков, а также единичных уникальных изделий типа римской фалеры из Мокинского могильника.

Параллельно в регион поступали и иные предметы, которые весьма сложно представить в качестве предметов торговли (для данного региона и в данное время) – шлемы, «косы-горбуши», мечи без металлического навершия и с рюмкообразным навершием, панцири, изделия полихромного стиля и т.д. Таким образом, вполне логично и закономерно напрашивается вывод о том, что большая часть вышеперечисленных предметов поступила в регион вместе с пришельцами в качестве их личных вещей. Но также логично предположение, что помимо «личных» вещей, пришлые группы населения прихватили с собой и престижные (желательно малообъемные и сравнительно легковесные) предметы. В Северном Причерноморье (скорее всего, в Боспоре или близких районах) таковыми могли оказаться и изделия из халцедона (особенно если подверглись разграблению одна-две мастерские по его обработке), в том числе и диски – полуфабрикаты для производства престижных предметов вооружения (в таком же качестве могли выступать и раковины южных морей). Выпадение же этих предметов происходило по мере оседания их собственников (не исключен вариант и коллективной собственности) в различных районах Прикамья: так большая часть халцедоновых дисков осела на территории азелинских племен, а большая часть раковин – у мазунинцев.

Вопрос об участниках этих событий до сих пор является дискуссионным и выходит за рамки данной статьи. Следует лишь отослать читателей к ряду работ, где позиция авторов уже изложена (см например: Пастушенко И.Ю., 1998; Перовщиков С.Е., Пастушенко И.Ю., 2006, с.114-117).

Архивные материалы

- Водолага Н.В. Отчет о работах в Татарской АССР и Пермской области в 1988 году. Т.1. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.275.
- Вылежнева М.В. Культурные связи древнего населения Приуралья с южными культурами сарматским миром I пол. I тыс. н.э. на примере изделий из сапфирина. Дипломная работа. Пермь, 2000. // Архив Кабинета археологии ПГУ.
- Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Верх-Саинского городища в Березовском районе Пермской области и Первомайских могильника и поселения в Слободском районе Кировской области. 1988 г. Т.II. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.300.
- Голдина Р.Д. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской Республики и Березовском районе Пермской области в 1990 году. Т.II. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.299.
- Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1990 году // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.293.
- Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1999 году (раскопки 1998 г.) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.346.

- Макаров Л.Д. Отчет о работах 1987 года в Кировской области. Т.П. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.264.
- Машковцев И.А. Древние погребения в д.Вичмарь, Кильмезской волости // Архив Малмыжского музея. Регистрационная книга Малмыжского музея. Ч.П.
- Ошибкина С.В. Отчет о работе Вятской археологической экспедиции за 1970 г. // Архив ИА РАН. Р.1. №4258.
- Ошибкина С.В. Отчет о работе Вятской археологической экспедиции за 1971 г. // Архив ИА РАН. Р.1. №4496.
- Ошибкина С.В., Иванова М.Г. Отчет о работе Вятской археологической экспедиции за 1972 г. // Архив ИА РАН. Р.1. №4740.
- Литература
- Анфимов Н.В., 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. Вып.23. М.-Л. С.155-207.
- Армаутынская О.В., 1986. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов. С.26-46.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М. 1981. 211 с.
- Ахмеров Р.Б., 1970. Уфимские погребения IV-VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М. С.161-192.
- Багриков Г.И., Сенигова Т.Н., 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II-IV и XIV вв.) // Изв. АН КазССР. Серия общ. №2. С.71-89.
- Бакурова Л.В., 2002. Халцедон в украшениях азелинской культуры на Нижней Каме // Материалы XXXIV Урало-Поволжской археологической конференции. Ульяновск. С.99.
- Безуглов С.И., 1988. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. №4. С.103-115.
- Безуглов С.И., 2000. Сарматы и их соседи на Дону // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып.1. Ростов-на-Дону. С.169-193.
- Богданов А.В., 2001. К историографии вопроса о этнической интерпретации курганной части Тураевского I могильника // XV УАС. Оренбург. С.151.
- Волков В.И., 1985. Охранные раскопки в Ростове-на-Дону // АО-83. М. С.111-112.
- Волков С.Р., 1996. Погребения со шлемами в Камско-Вятском междуречье IV-V вв. н.э. // Congrtssus Octavus Internationalis Finno-Ugristarum Jyvaskyla 10.-15.8.1995. Pars VII/ Litteratura, Archatologia & Antropologia. Jyvaskyla. P.407-410.
- Генинг В.Ф., 1962. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. Вып.2. Свердловск. С.72-80.
- Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III-V вв. / Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Ижевск. 160 с.
- Генинг В.Ф., 1976. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань. С.55-108.
- Голдина Р.Д., 1987. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Йошкар-Ола. С.41-63.
- Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск. 464 с.
- Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Ижевск. Т.П. 721 с.
- Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Ижевск. Т.1. 318 с.
- Голдина Р.Д., Волков С.Р., 2000. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. №2. С.98-122.

- Горнчаровский В.А., 1998. Погребения с оружием в некрополе Илурата // Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб. С.85-89.
- Гугуев В.В., Безуглов С.И., 1990. Всадническое погребение первых веков н.э. из курганного некрополя Кобякова городища Дону // СА. №2. С.164-175.
- Железчиков Б.Ф., Порох В.Н., 1993. Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С.88-92.
- Засецкая И.П., 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. №158. С.5-17.
- Казанцева О.А., 2004. Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Ижевск. С.132-139.
- Колобов А.В., Мельничук А.Ф., Кулябина Н.В., 1999. Римская фалера из Пермского Приуралья // ВДИ. №1. С.46-52.
- Кульчак В., 2000. Новые аспекты этнического определения сарматских погребений из Хевиздёрка // Донская археология. №1. Ростов-на-Дону. С.64-71.
- Макаров Л.Д., 1995. Окрестности поселка Первомайский в древности // С.Серкин. Баллада о Чуршинском городище. Л.Макаров. Окрестности п.Первомайский в древности. Слободской. С.27-68.
- Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) / Донские древности. Вып.6. Азов. 304 с.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И., 1987. Позднесарматское погребения в курганах на реке быстрой // СА. №1. С.183-192.
- Малых О., 2006. Халцедоновые навершия мечей, или «камни жизни» // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической конференции. Астрахань. С.164-165.
- Матюхин А.Д., 1993. Новые памятники раннего железного века из Саратовского Заволжья // Археологические вести. Вып.1. Саратов. С.158-169.
- Мельничук А.Ф., Вылежнева М.В., 2002. Изделия из халцедона-сапфирина в Восточной Европе как индикатор культурных связей населения Прикамья с сарматским миром в первой половине I тыс. н.э. // Оборинские чтения. Вып.2. Пермь. С.43-45.
- Мошкова М.Г., 1982. Позднесарматское погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. Вып.170. М. С.80-87.
- Никитина Т.Б., 1999. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. Т.V. Йошкар-Ола. 160 с.
- Овсянников В.В., 1994. Погребения «военачальников» (к проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа. С.52-88.
- Останина Т.И., 1992. Покровский могильник IV-V вв.: Каталог археологических коллекций. Ижевск. 95 с.
- Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск. 327 с.
- Ошибкина С.В., 1979. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. №158. С.71-79.
- Пастушенко И.Ю., 1998. К вопросу об этнокультурной принадлежности «тураевцев» // Урал в прошлом и настоящем. Ч.I. Екатеринбург. С.187-189.

- Первошиков С.Е., 1997. Еще раз о «косах-горбушах» // Конференция «Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях» (на примере региона Среднего Прикамья): Тезисы докладов. Сарапул. С.67-68.
- Первошиков С.Е., Пастушенко И.Ю., 2006. «Косы-горбуши» в средневековых памятниках Прикамья // Российские немцы: история и современность. Ижевск. С.105-121.
- Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. 200 с.
- Пшеничнюк А.Х., 1989. Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа. С.99-119.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1999. Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М. С.70-72.
- Рыков П.С., 1936. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области // СА. Т.1. С.115-157.
- Скрипкин А.С., 1989. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. №4. С.172-181.
- Соболева Н.В., 1991. Раскопки Мокинского могильника // АО Урала и Поволжья. Ижевск. С.75-77.
- Сокольский Н.И., 1954. Боспорские мечи // МИА. Вып.33. С.123-196.
- Старостин П.Н., 1981. Гремячкинский могильник // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань С.110-114.
- Старостин П.Н., 2002. Нармонский могильник. Казань. 62 с.
- Старостин П.Н., Кузьминых С.В., 1978. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. С.168-172.
- Старостин П.Н., Петренко А.Г., 1984. О погребениях с остатками коня Рождественского V могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып.8. Йошкар-Ола. С.91-112.
- Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М., 175 с.

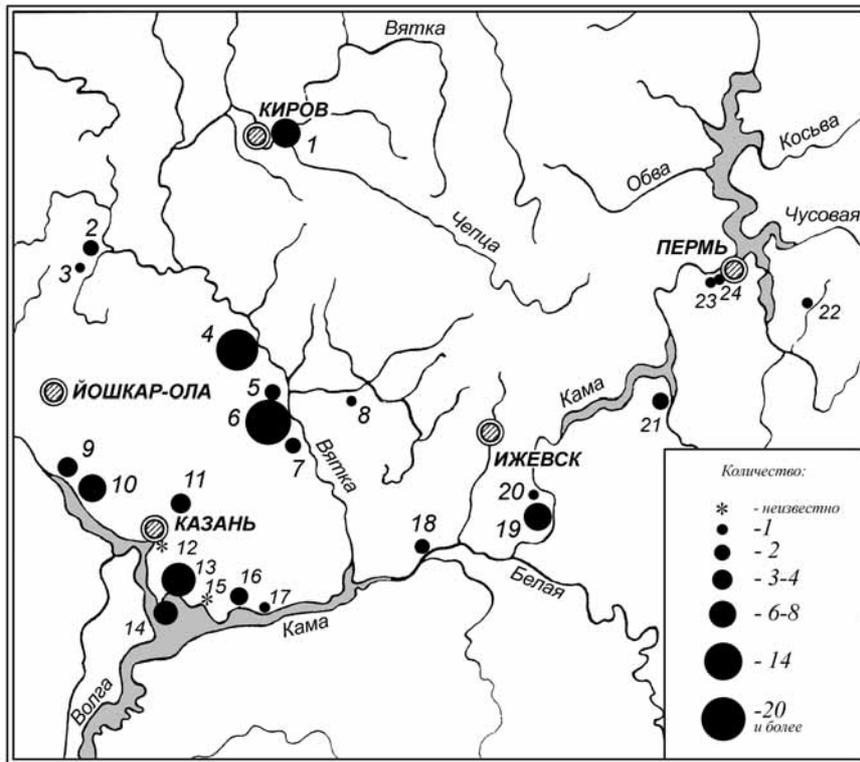

Рис. 1. Памятники Волго-Камья, где сделаны находки халцедоновых дисков.

1 – Первомайский м-к (6 экз.), 2 - Худяковский м-к (1 экз.), 3 - Безводновский клад (2 экз.), 4 – Суворовский м-к (23 экз.), 5 – Шурминские находки (2 экз.), 6 – Тюм-Тюм м-к (20 экз.), 7 – Малмыжские находки (2 экз.), 8 – Вичмарский м-к (1 экз.), 9 – Уржумкинский м-к (4 экз.), 10 – Мари-Луговской м-к (8 экз.), 11 – Айшинский м-к (4 экз.), 12 – Казанский I (Старый стекольный завод) м-к (?), 13 – Нормонский м-к (14 экз.), 14 – Рождественский V м-к (6 экз.), 15 – Усть-Брыскинский м-к (?), 16 – Шуранский м-к (3 экз.), 17 – Гремячинский м-к (1 экз.), 18 – Тураевский I м-к (2 экз.), 19 – Тарасовский м-к (7 экз.), 20 – Усть-Сарапульский м-к (1 экз.), 21 – Кудашевский м-к (2 экз.), 22 – Верх-Саинское I гор. (1 экз.), 23 – Мокинский м-к (1 экз.), 24 – Демёнковский м-к (1 экз.).

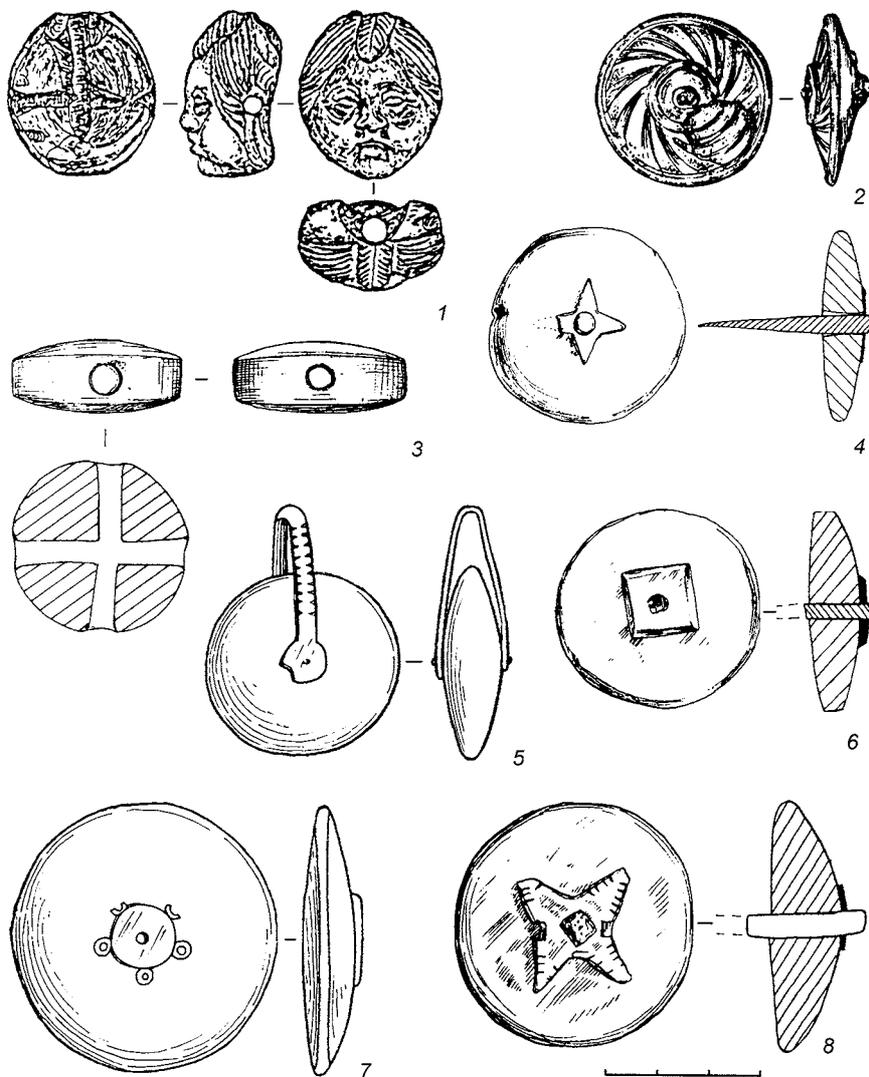

Рис. 2. Халцедоновые диски.

1 – Мокинский могильник погр.98 (по Колобову А.В., Мельничуку А.Ф., Кулябиной Н.В.); 2 – Усть-Сарапульский могильник погр.89 (по Арматинской О.В.); 3 – Первомайский могильник погр.3 (по Макарову Л.Д.); 4 – Тарасовский могильник погр.765А (по Голдиной Р.Д.); 5 – Уржумкинский могильник погр.34 (по Никитиной Т.Б.); 6 – Тарасовский могильник погр.765Б (по Голдиной Р.Д.); 7 – Уржумкинский могильник погр.5 (по Никитиной Т.Б.); 8 – Тарасовский могильник погр.4 (по Голдиной Р.Д.).

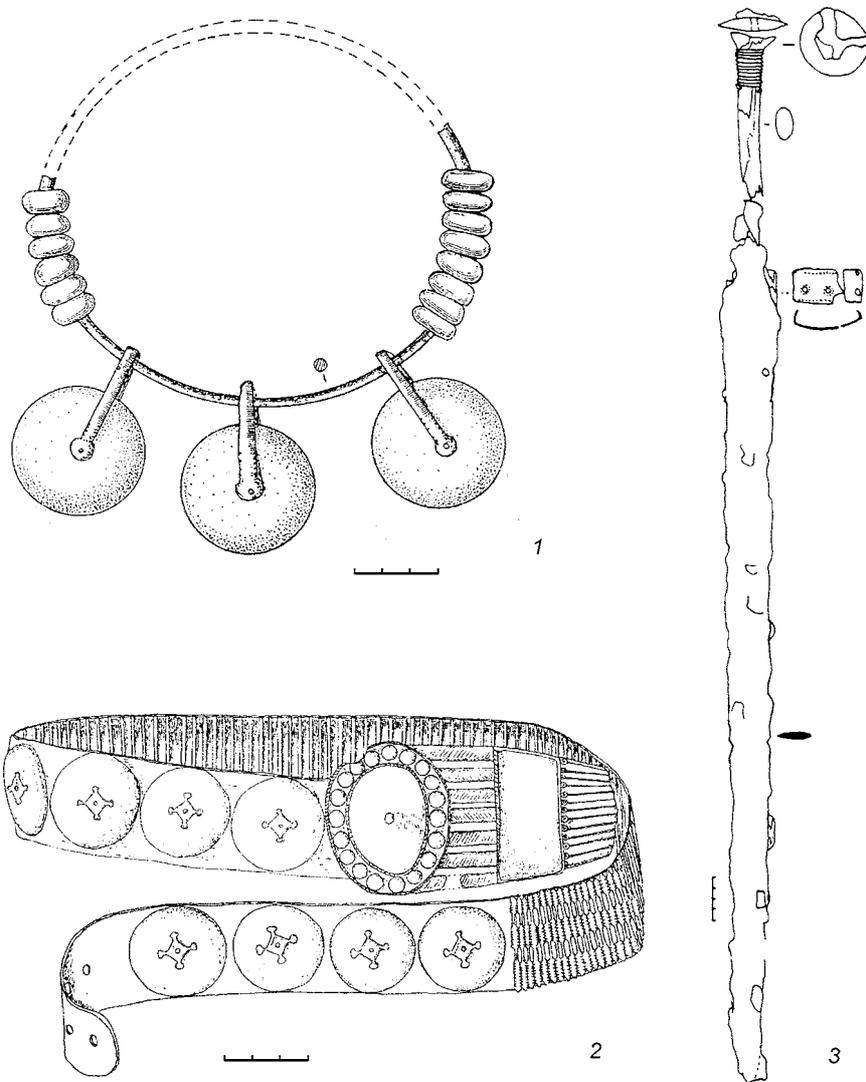

Рис. 3. Варианты использования халцедоновых дисков населением Волго-Камья.
 1 – в составе гривен и ожерелий (Нормонский могильник погр.10, по Старостину П.Н.); 2 – в качестве поясной гарнитуры (Нормонский могильник погр.10, по Старостину П.Н.); 3 – в качестве наверший длинных мечей (Тураевский I могильник погр.171).

Евгений Казаков

Сылвенско-неволинская керамика памятников ранней Волжской Болгарии и проблемы миграции угров на Волгу в VII–IX вв.

В памятниках ранней Волжской Болгарии, прежде всего некрополях, выделяются группы посуды, имеющие аналоги в средневековых древностях Сылвенского региона Верхней Камы, относимых к неволинской культуре. Вся она лепная горшковидная или чашевидная с округлым или уплощенным дном. В составе теста, как правило, толченая раковина или органические примеси. Такая посуда присуща многим культурам Среднего Урала и сопредельных территорий, но у всех из них имеются особенности в форме и орнаментации. Вся она относится к угорскому населению (Казаков, 2007, с. 20-30).

Наиболее многочисленными группами урало-прикамской керамики в памятниках ранней Волжской Болгарии являются поломско-ломоватовские, украшенные веревочно-ребенчатой орнаментацией. Меньшей являются сылвенско-неволинская, а также кушнаренковская. Образцы неволинской посуды выявлены в Большетарханском и Танкеевском могильниках. Специфическим элементом ее является резной или резе ребенчатый орнамент по шейке или верхней части тулова. Композиционно преобладает зигзаг или горизонтальная елочка (рис. 1 – рис. 4). Такая керамика характерна для неволинской культуры (Erdelyi u.a., 1969, Taf.I, 9-11; Taf.LVI, a-h; Голдина, Водолаго, 1990, с. 154, табл. LVII, 1-5, 9; с. 155, табл. LVIII, 2, 3, 7-13) Верхнего Прикамья (рис. 5).

Наиболее ранние образцы сылвенско-неволинской посуды фиксируются в погребениях Большетарханского могильника (Генинг, Халиков, 1964, табл. VIII, 10, 12-19). Датируются они VIII – первой половиной IX в. и входят в сравнительно небольшую (13 экз. – 10% всей посуды) группу прикамско-приуральской керамики памятника (рис. 1). В их числе имеется сосуд со шнуровой орнаментацией, сохраняющей традиции петрогромской культуры Среднего Урала (рис. 1, 3). Большинство остальных украшены резным и ребенчатым орнаментом.

Включение урало-прикамских угров в состав волжских болгар в таком раннем времени, да еще на левобережье р. Волги требует своего объяснения. Несомненно, это произошло до мадяро-печенежской конфронтации, в результате которой на Волге отмечается массовая миграция уральских угров во второй трети IX в. (Казаков, 2007, с. 35). Возможное время появления такой посуды на правобережье Волги – VIII – первая половина IX вв. В это время волжские болгары, находясь вместе с приуральским населением в едином политическом пространстве Хазарии по р. Каме, осуществляли связи с последними. Об этом свидетельствуют находки типично салтовских круговых сосудов, аналогичных большетарханским, на городище Лобач и других памятниках неволинской культуры (материалы В.Ф.Генинга, И.Ю.Пастушенко и др.). В то же время в Больших Тарханах имеются бронзовые соединительные кольца уздечки (Генинг, Халиков, 1964, табл.

XIII, 13-14), характерные для конского снаряжения IX в. кушнаренковских угорских кочевников Южного Приуралья хусаиновско-большетиганского этапа (Мажитов, 1977, с. 195, табл. I, 178). С неволинским воздействием в этом памятнике можно связывать такие черты обрядности, как коллективные захоронения, восточная ориентировка костяков, которые известны на Верхней Каме и совершенно чужды болгарам (Казаков, 2007, с. 45-46).

Указанная круглодонная посуда в Больших Тарханах ставилась только в могилы детей в возрасте до 4-5 лет. В качестве примеси в тесте вместо раковины использовались растительность, шамот и даже песок, что свидетельствует о достаточно длительном проживании носителей такой посуды среди болгар, вследствие чего некоторые традиции отмирают. Об угорском влиянии свидетельствует и находка в большетарханском погребении 102 лепного кувшина с петлеобразной ручкой по тулову (рис. 1, 1). Вместе с ним в комплексе был поставлен и лепной с округлым дном сосуд с гребенчатым орнаментом в виде горизонтальной елочки (рис. 1, 4). В кувшине явно отражены традиции западносибирской кувшинообразной посуды угров лесостепи – Перейминский могильник и другие (Чернецов, 1957, с. 172, табл. XIV, 4; Казаков, 1992, с. 46).

Таким образом, болгары уже в VIII – первой половине IX в. контактировали с урало-прикамскими уграми. Хорошее знакомство тех и других, видимо, способствовало массовому переселению угров вследствие печенежских нападений во второй трети IX в. в Западное Закамье (Казаков, 2007, с. 39-40).

Однако не исключено и более раннее появление урало-сибирских угров на Волге. На громадных пространствах лесостепи Южного Зауралья и Западной Сибири, своеобразном «чреве народосозидания» в эпоху средневековья, постоянно отражались эпохальные военно-политические события, происходившие в Центральной Азии. Сказывалось это и на взаимоотношениях племен Урало-Поволжья.

В VII в. происходит какая-то конфронтация между турбаслинско-именьковским (позднесарматским?) населением, занимавшим широкую территорию Урало-Поволжья, и кушнаренковскими угорскими кочевниками, проникающими из Зауралья. Последствия этого мы видим в появлении раннекушнаренковской посуды с «гусеничками» на именьковских памятниках Западного Закамья (Старостин, 1967, табл. 26, 4). В конце VII – начале VIII в. кушнаренковские группы проникли на правобережье р. Волги, опередив появление здесь болгар первой волны (материалы К.А.Руденко). Не исключено, что вместе с ними пришли бакальские группы населения, которые могли оставить следы пребывания в памятниках северо-востока Самарской области (см. ниже).

О том, что кушнаренковские кочевники занимают турбаслинско-именьковскую территорию, свидетельствует то, что на их территории в Восточном Закамье появляются кушнаренковские могильники (Казаков, 1981, с. 115-135). В Западном Закамье исследованы именьковские памятники, погибшие в результате вражеских нашествий. На именьковском поселении «Девичий городок» – важном пункте торговли и ремесла второй половины VI–VII вв. – вскрыты жилища, покину-

тые во время нашествия, обожженные хозяйственные ямы, полные зерен (Казаков, Иванова, 2003, с. 97-102). В других ямах этого селища расчищены сброшенные туда изрубленные останки людей. Возможно, с этими событиями связан клад у д. Кузубаево Алнашского р-на республики Удмуртия, явно связанный с высокоразвитым ремеслом турбаслинских ювелиров VII в.н.э., уходивших далеко на север от врагов (Останина, 2007, с. 125-127).

Возвращаясь ко времени наиболее массовой миграции угров на Волгу, следует отметить, что материал по нему достаточно основательно рассмотрен в ряде монографий и многих статьях. В них проведен анализ многочисленных групп урало-прикамской полумско-ломоватовской круглодонной керамики (Казаков, 1992; Казаков, 2007 и др.). Однако слабо освещались древности неволинской культуры. В числе прочего это объясняется и тем, что отсутствует обобщающая работа по ней. В основном, неволинская культура освещалась по данным наиболее богатых вещами некрополей: Неволинского, Верхне-Саинского, Бартымского и других (Gening u.a., 1969; Голдина, Водолаго, 1990 и др.).

Реперным памятником, утверждающим массовую миграцию угров Урало-Прикамья на запад, является Танкеевский могильник, на котором изучено 1200 богатых материалом захоронений (Казаков, 1992, с. 87-200). В нем круглодонная посуда угров не уступает болгарской, а на ранней части некрополя (вторая половина IX в.) вдвое превосходит ее (Казаков, 1992, с. 255-265). Как отмечалось, она представлена полумскими, ломоватовскими, неволинскими и кушнаренковскими группами. Из 200 экземпляров 86 не орнаментированы, но по круглодонности, примеси раковины они явно исходят из урало-прикамской посуды. Около 30 сосудов по вышеуказанным признакам принадлежат к неволинской группе (рис. 2 – рис. 4).

По форме и примесям рассматриваемая посуда несомненно относится к урало-прикамским уграм неволинского круга. Однако по наиболее информативной части ее орнаментации можно выделить ряд групп. Одной из них является керамика с однорядной резной орнаментацией по верхней части тулова (рис. 2, 1-6). Среди них выделяются горшки с выделенной шейкой, венчик которых украшен насечками (рис. 2, 1, 3), а также экземпляры с бомбовидным туловом (рис. 2, 4, 5). Один из образцов по верхней части цилиндрической шейки украшен пояском вертикальных «палочных» оттисков (рис. 2, 6). Аналогии такой посуде имеются в Неволинском могильнике бассейна р. Сылва (Gening u.a., 1969, taf. XII, 4; Голдина, Водолаго, 1990, с. 157, табл. LX, 1, 2).

К этой группе близки экземпляры с волнистым орнаментом (рис. 2, 7), а также образцы с многорядным резным орнаментом по верхней части тулова (рис. 2, 8; рис. 3, 1, 2). Один из них орнаментирован пояском вертикальных насечек по верхней части шейки (рис. 2, 8), другой имеет насечки по венчику (рис. 3, 2). Тонкостенность последнего и бомбовидность тулова могут свидетельствовать о связи с керамикой кочевых угров лесостепи.

Несомненно, неволинскими являются сосуды с резным орнаментом в виде горизонтальной елочки (рис. 3, 3-5). Они находят многочисленные аналогии в

неволинских древностях (Голдина, Водолаго, 1990, с. 154, 1, 4, 5, 9; с. 155, 3, 7, 8, 13 и др.). На одном экземпляре имеется орнамент совершенно такой же, как в неволине: в виде «полуторной» елочки, когда нижняя половина насечек является верхней половиной елочки, направленной вершиной в противоположную сторону (рис. 3, 3). Такая орнаментация типична для неволинской культуры (рис. 5, 4-6).

Близки к этим образцам и горшки с многорядным зигзагообразным орнаментом, сопровождающие и дополнительным рисунком в виде перекрещивающихся резных линий (рис. 3, 6, 7). Аналоги им также имеются в неволинских материалах (Голдина, Водолаго, 1990, с. 154, табл. LVII, 5).

К неволинскому комплексу можно отнести и сосуды, украшенные по верхней части тулова пояском косо поставленных линий (рис. 3, 8-9). Выделяется группа сосудов с гребенчатым орнаментом в виде косо поставленных линий или зигзагов (рис. 4, 1-4, 7). Среди них имеются три образца с пальчатыми оттисками, наиболее характерными для западносибирских культур (рис. 4, 1-3). Один из таких сосудов имеет тонкостенность, резко отогнутую от тулова шейку и бомбовидность тулова, что характерно для угорских кочевников лесостепья (рис. 4, 3). О влиянии кочевничества на неволинское население свидетельствует и сосуд с двумя ушками, украшенный гребенчатыми оттисками в виде зигзага (рис. 4, 4). Подобные сосуды с двумя петлевидными ручками по тулову известны в неволинских некрополях (Голдина, Водолаго, 1990, с. 154, LVII, 2, 3). Один из них украшен косо поставленными оттисками изящной «пальчатой» гребенки, характерной для западносибирских и зауральских культур. Однако, как и в Неволине, пояски оттисков расположены в стиле «полуторных» елочек (рис. 5, 8).

Следует отметить, что в посуде неволинского населения, сохраняющего сильные кочевнические традиции, часть тонкостенных сосудов с тонким резным орнаментом и бомбовидным туловом, выделенной шейкой, имеющей четкий переход к тулову (рис. 3, 2, 7, 8; рис. 4, 5), явно сохраняет традиции посуды кочевнической посуды лесостепных утров кушнаренковского круга.

Находясь в окружении среднеуральского населения с гребенчато-шнуровой посудой (петрогромская, ломоватовская культуры), неволинское население с необходимостью включало их представителей в свой состав. В Неволинском и других могильниках многие экземпляры украшены веревочно-гребенчатой орнаментацией (Голдина, Водолаго, 1990, с. 154, табл. LVII, 7, 8, 11, 13; с. 155, табл. LVIII, 1, 14). Там петрогромская посуда сохраняет высокую, близкую к цилиндрической шейку со скошенным внутрь венчиком, веревочный пояс по шейке и гребенчатый зигзаг по верхней части тулова (рис. 5, 12).

Отмеченные группы несомненно связаны с неволинской керамикой, также украшенной резным и гребенчатым орнаментом в виде зигзага, горизонтальной елочкой, перекрещивающихся линий (рис. 5). Подобная посуда, правда, с большим количеством ямочных оттисков известна в памятниках бакальской культуры лесостепного Зауралья (Финно-угры и балты..., 1987, с. 323, табл. LXXV). Нельзя говорить о тождестве той и другой посуды, но родственность здесь несомненна. Видимо, вместе с кушнаренковскими группами носители ее в силу каких-то при-

чин, мигрировали на запад. Одна группа осела в Сылвенской лесостепи, принеся сюда ряд существенных элементов, связанных с культурой поздних сармат. Среди них бронзовые кольцевидные, колесовидные и фигурно-усложненные подвески с выступами по краю и другие поделки (Голдина, Водолаго, 1990, с. 165, табл. LXVIII, 52-58, 62, 64, 65). Первые из них являются культовыми поделками, связанными с половой магией турбаслинско-именьковского и аланского (Предкавказье) населения (Казаков, 2006, с. 155-162).

К изделиям, находящим аналогии в древностях джетысарской культуры Приуралья, относятся подвески в виде головы джина, коробочки из бронзы (Там же, табл. LXVIII, 68, 71). Возможно, что у неволинского населения существовала, как и у сармат, искусственная деформация черепов. Хотя авторы об этом не пишут (возможно, из-за плохой сохранности костей проследить это трудно), но на ряде зарисовок захоронений черепа погребенных имеют явно вытянутую форму (Голдина, Водолаго, 1990, с. 113, табл. XIV, 6-А; с. 114, табл. XVII, 7). Эти и другие данные позволяют видеть в неволинском населении угризированных сармат Зауральской лесостепи, где в эпоху средневековья происходили сложнейшие взаимодействия различных народов (Боталов, Мосин, 2007, с. 10-72).

Как отмечалось, движение западно-сибирского населения на запад, возможно, шло не только по р. Каме, но и по Волго-Уральской лесостепи. Памятники с керамикой, близкой бакальской, Д.А. Сташенков выявил на северо-востоке Самарской области (правда, они плохо датированы).

Литература

- Боталов С., Мосин В. Урало-сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслению праугро-самодийского единства) // *Finno-Ugrica*, № 10, 2007.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Казаков Е.П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
- Казаков Е.П. К проблеме выявления древностей средневековых сармат Урало-Поволжья // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Казань, 2006.
- Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.
- Казаков Е.П., Иванова Р.Г. Исследование селища «Девичий городок» // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 97-102.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977.
- Останина Т.И. Клад ювелира из д. Кузубаево Удмуртской республики // *Finno-Ugrica*, № 10, 2007.
- Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ, вып. Д1-32. М., 1967.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА, 1967, № 58. С. 172, табл. XIV, 4.
- Erdelyi G., Ojtozi E., Gening W. Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1969.

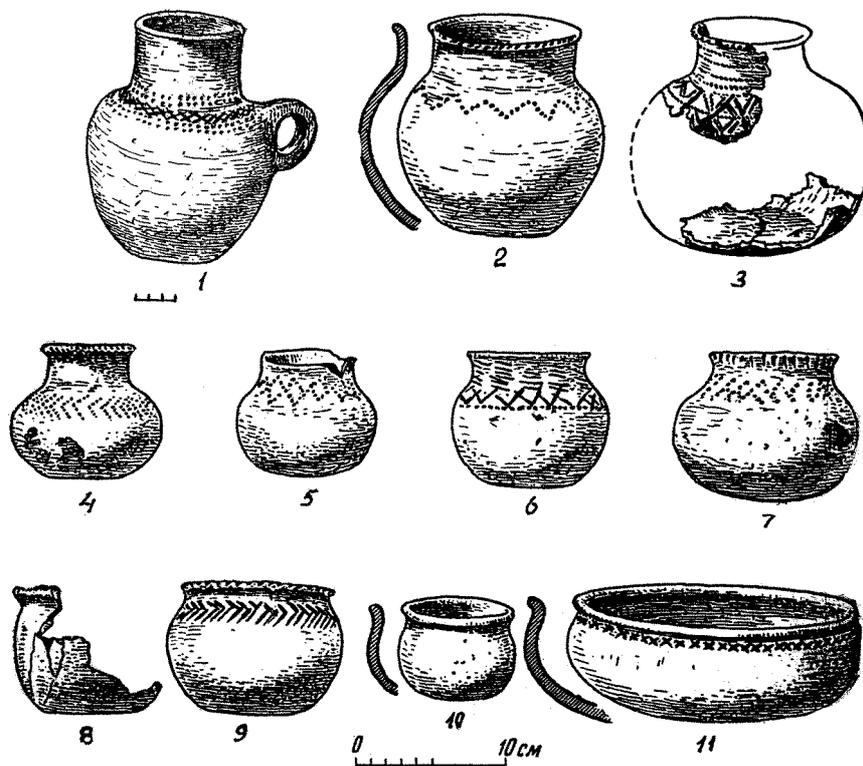

Рис. 1. Керамика Большетарханского могильника (по В.Ф.Генингу и А.Х.Халикову).
 1,4 – погр. 102; 2 – погр. 297; 3 – погр. 61; 5 – погр. 128; 6 – погр. 2; 7 – погр. 78;
 8 – погр. 38; 9 – погр. 87; 10 – погр. 156; 11 – погр. 286.

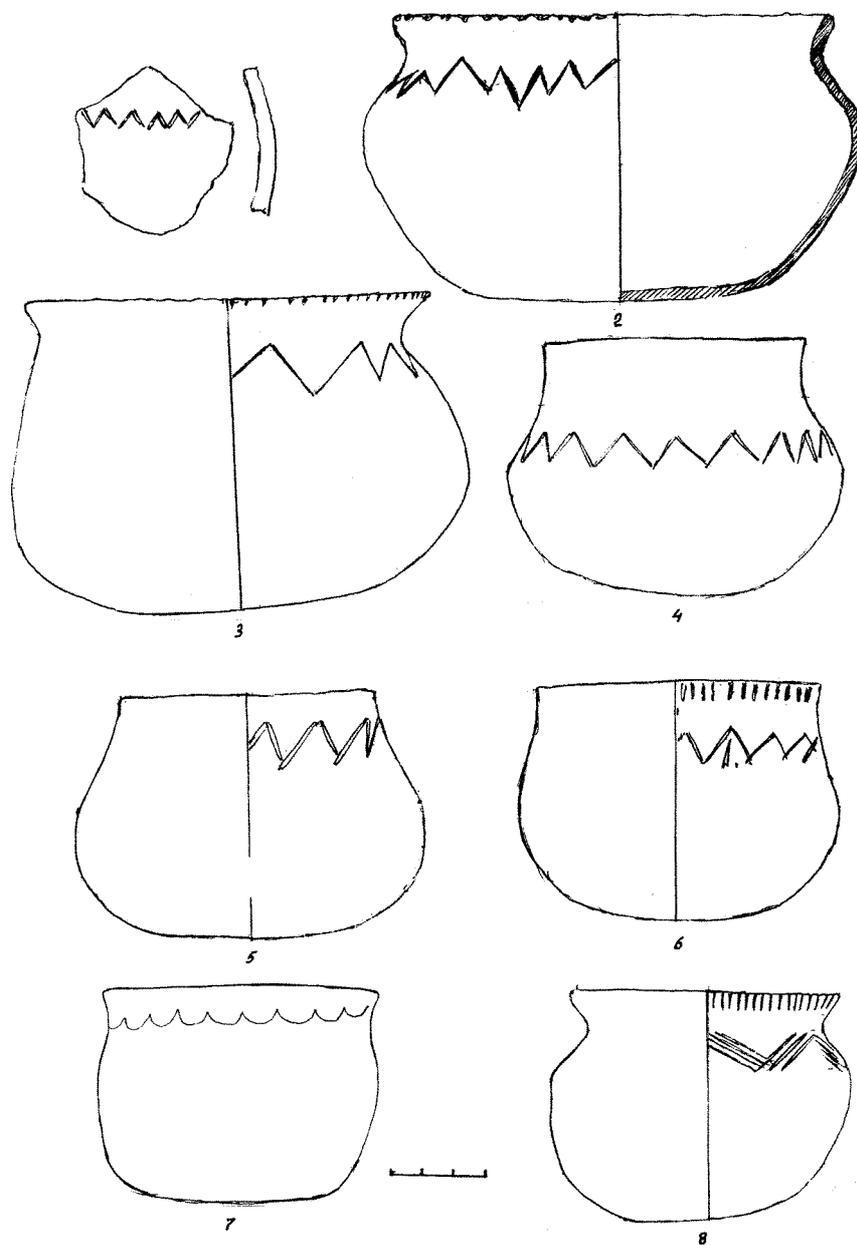

Рис. 2. Керамика Танкеевского могильника. 1 – уч. В/10-11, р. XII; 2 – погр. 20; 3 – погр. 155; 4 – погр. 629; 5 – погр. 539; 6 – погр. 242; 7 – погр. 454; 8 – погр. 950.

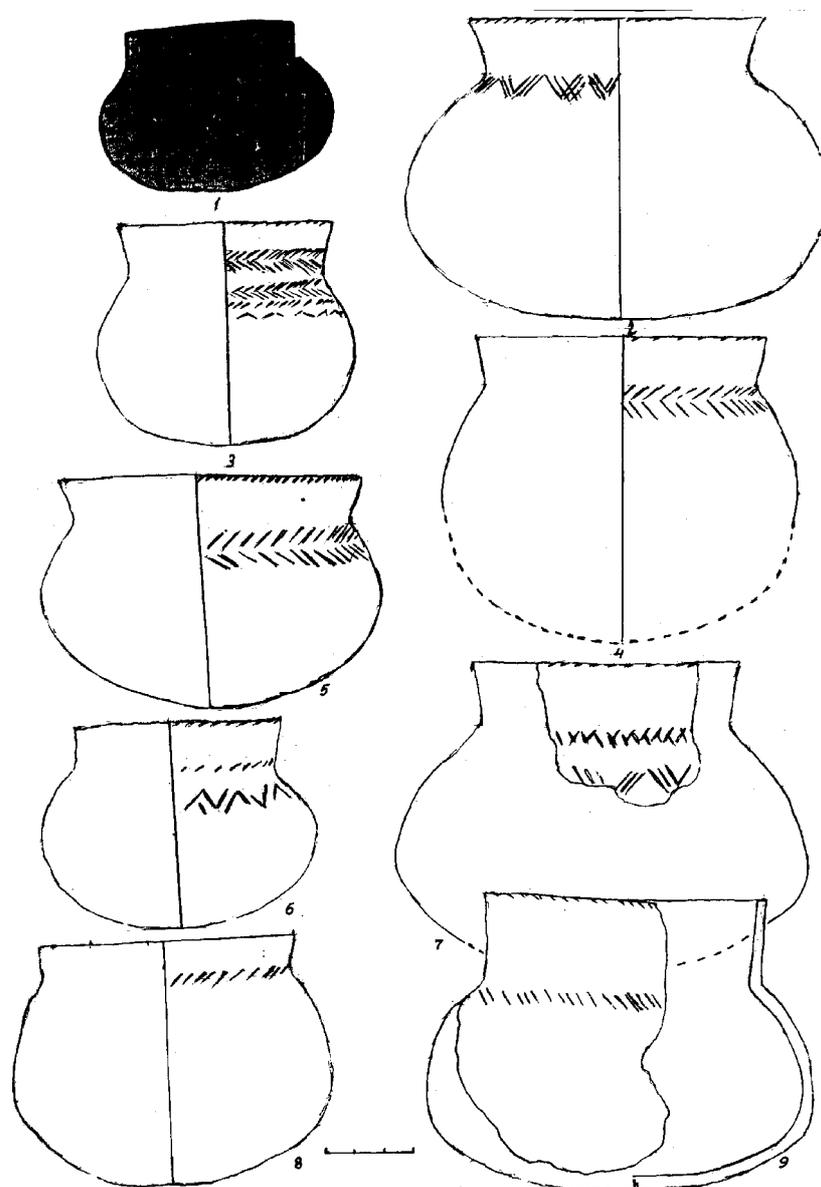

Рис. 3. Керамика Танкеевского могильника. 1 – погр. 972; 2 – погр. 445; 3 – погр. 530; 4 – погр. 468; 5 – погр. 54; 6 – уч. 5, р. V; 7 – погр. 513 (?); 8 – уч. Д/9, р. XII; 9 – погр. 463.

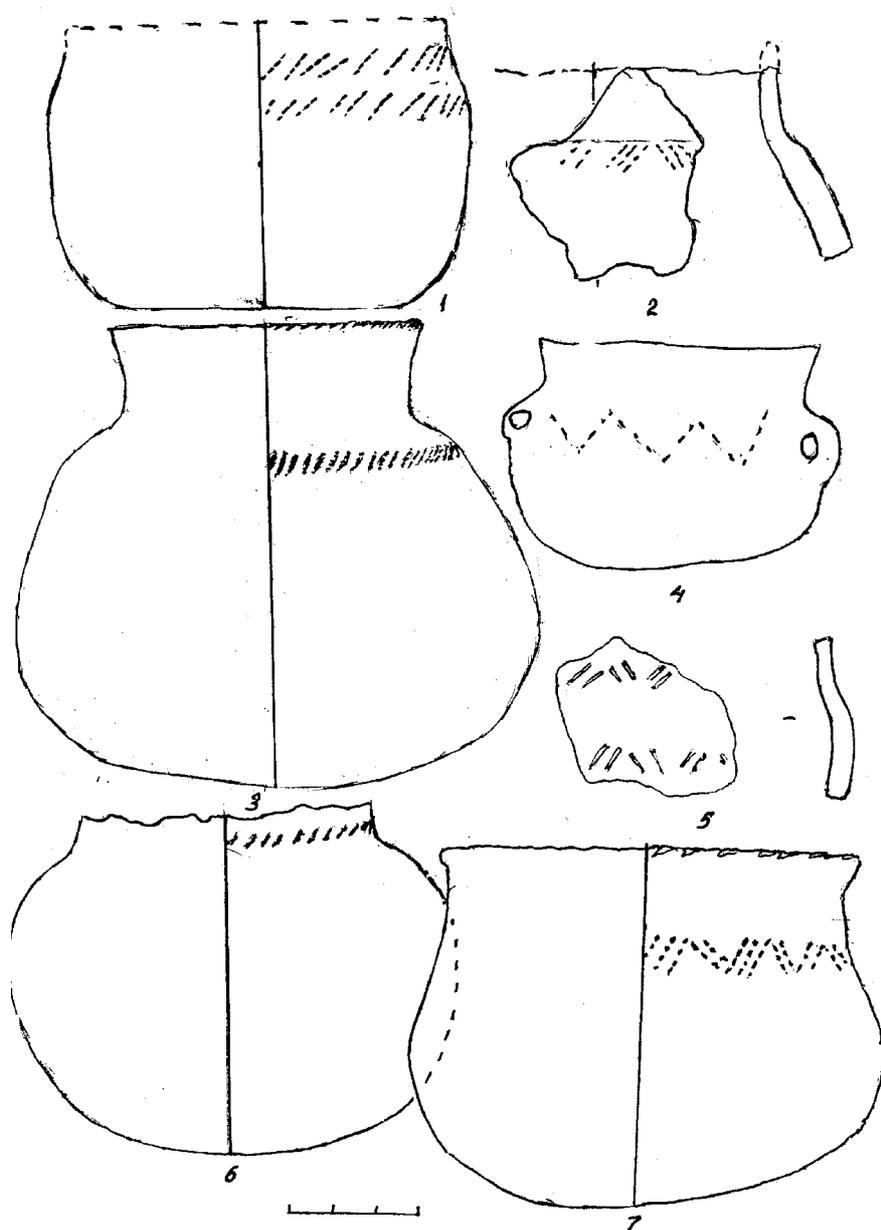

Рис. 4. Керамика Танкеевского могильника. 1 – погр. 624; 2 – погр. 542; 3 – погр. 47; 4 – погр. 1032; 5 – уч. Б/3, р. XII; 6 – погр. 103А; 7 – погр. 546.

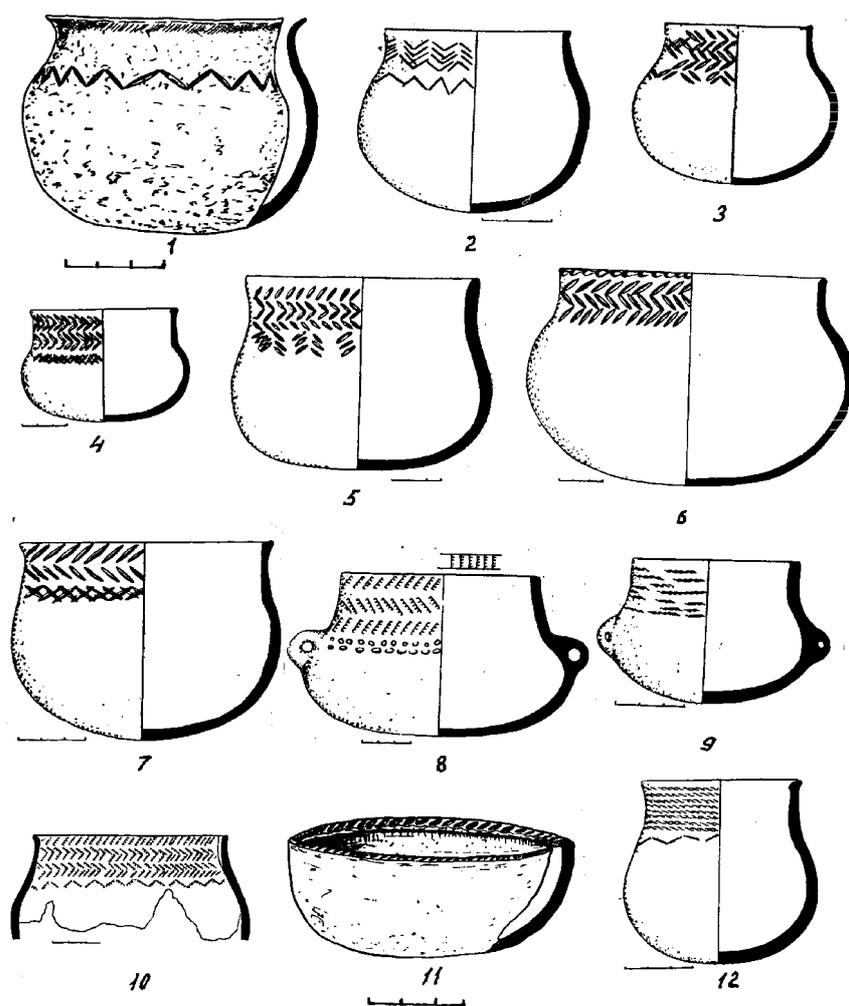

Рис. 5. Керамика Неволинского могильника (по В.Ф.Генингу, Р.Д.Голдиной, Н.В.Водолаго).

Евгений Казаков

О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии

В исторической науке большой интерес исследователей вызывают процессы, происходящие в Среднем Поволжье, да и во всем Урало-Поволжье, в раннеболгарское и предболгарское время. С того времени, как начали археологически активнее изучать болгарские памятники превалировала точка зрения, что пришедшая с юго-востока Европы орда тюркоязычных кочевников подчиняла местные оседлое население и создала первое в регионе государство. Такие, близкие к автохтонным, представления базировались на малоизученности памятников, малоинформативности лепной плоскодонной керамики, отсутствию сравнительного материала и т.д. Имелись точки зрения, что города в стране болгар существовали с IX в. (Якубовский, 1948, с. 264-270).

В 60–90-е годы XX в. В.Ф.Генинг, А.Х. и Е.А. Халиковы, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин и другие широко изучали некрополи раннеболгарского времени. Богатые комплексы их позволили выявить хронологию древностей данной территории и данного времени, что позволило кардинально изменить наши представления о происходящих здесь процессах. Так выявлено, что плотно заселявшее лесостепь Урало-Поволжья оседлое население именьковской культуры с лепной плоскодонной посудой в VII в. было вытеснено пришедшими с востока кочевыми племенами кушнаренковской культуры с совершенно другим образом жизни, керамикой и другими проявлениями культуры в VIII в. в Среднее Поволжье переселились болгары, которые также имели четкие реперы культуры, в том числе кочевой образ жизни, ранее неизвестную в крае круговую посуду, характерную для салтовской культуры юго-восточной Европы, предметы одежды и украшения. Данные материалы отмеченные в двух десятках могильников свидетельствуют, что с VIII по первую четверть X в. болгары были язычниками и вели кочевой образ жизни.

В археологии Волжской Болгарии дискуссионной является проблема появления постоянных поселений, т.е. седентаризация населения и, в том числе, возникновение городов. Определенные данные для решения этого дают материалы столичных центров страны болгар: Болгара, Суvara, Биляра.

Используя метод сопоставления древностей вышеуказанных городов с синхронными памятниками их округа можно получить материалы по их ранней датировке.

Сведения о самых ранних городах волжских болгар по восточным источникам суммированы в работе Б.Н. Заходера. В них сообщается: « У болгар два города; оба города поблизости (или в двух дня пути) друг от друга; в обоих городах – деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане, по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными» (Заходер, 1967, с. 36). Эти

сведения исследователь отнес к постибнфадлановскому времени (Там же, с. 39). Из других источников следует, что жители этих городов в домах живут только зимой, а летом – в шатрах, что они воюют с « неверными », которые « кругом них » (Там же, с. 36-39).

Данные сведения интерпретировались многими авторами. В частности две работы им посвящены Р.Г. Фахрутдиновым в конце 70-х годов XX в. Он полагает, что такие сведения дает ал-Балхи и другие авторы первой четверти X в. Однако в отличие от материалов ибн-Фадлана, четко привязанных к времени, да и к месту, данные ал-Балхи и других дошли до нас в многократных переписках. Исследователь и сам указывает их спорность, хотя и пытается объяснить это (Фахрутдинов, 1977, с. 64-77; он же, 1987, с.8-31).

Археологические материалы по раннему Болгару стремилась представить Т.А.Хлебникова. В течение десятилетий этот исследователь проводила раскопы данного памятника. Ею описан наиболее ранний, VI слой городища, который она отнесла к рубежу IX–X вв. К сожалению, представленные данным автором материалы из этого слоя относятся не ранее, чем к измерскому времени последней трети X в. Среди этих вещей лимонки-бусы, ромбовидный наконечник стрелы, шиферное напрясло (Хлебникова, 1987, с. 50, рис. 4). Те же самые вещи приводит для доказательства ранней даты Болгара Ф.Ш. Хузин (Хузин, 2000, с. 400, рис.47).

Новые археологические материалы получены П.Н. Старостиным при раскопках поселения в Мало-Иерусалимском овраге на территории Болгарского городища. Здесь были изучены жилища с керамикой, относящиеся к концу первой – началу второй четверти X в. В составе ее исследователь выделил три группы: ломовско-ломоватовскую, болгарскую гончарную и горшковидную салтовомаяцкую с рифлением (Старостин, 2007, с. 140-144).

Первая группа (рис. 1, 1-2) относится к урало-прикамским уграм, переселившимся на Волгу во второй трети IX в. и участвовавшими в этногенезе волжских болгар. Отдельные фрагменты такой посуды встречались и на других раскопах г. Болгара. Лепная круглодонная с раковиной в тесте и шнуровым орнаментом выделяется она четко.

Данная посуда в массе представлена в погребениях Танкеевского могильника (рис.2). Наиболее поздние ее образцы датируются здесь второй четвертью X в. (Казаков, 1992, с. 110, рис. 38).

Где-то во второй-третьей четверти X в. данная керамика в памятниках Волжской Болгарии исчезает, в то же время, она появляется на многих памятниках Верхнего Поволжья (Голубева, Кочкуркина, 1991, с. 143, рис. 6; Макаров, 1983, с. 22-33 и др.). Такая ситуация, возможно, была определена религиозными войнами, о которых говорят письменные источники, сообщающие о том, что мусульмане городов Болгара и Суvara воюют с « неверными », которые вокруг них. Вследствие этого группы ломовско-ломоватовских мигрантов из Приуралья, не принявшие ислама, снова уходят на запад, теперь уже по Великому Волжскому

пути. Можно полагать их самыми западными уграми лесной зоны и их потомками, которые за сто лет прошли путь от Приуралья до Центральной России с остановкой в Волжской Болгарии (Казаков, 2007, с. 88).

В малоиерусалимском комплексе имеется одноручный кувшин с бомбовидным туловом (рис. 1, 3). Подобная керамика, привнесенная на Волгу первой волной болгар, также в массе представлена в Танкеевском могильнике, где преобладают кувшины с наибольшим диаметром тулова в нижней его части. Сосуды с таким диаметром, меньшим, чем высота тулова и такой конфигурацией, имеют параллели в захоронениях второй половины X в. – скорее всего третьей четверти этого столетия. Близок к нему кувшин из захоронения 406 Танкеевки (рис. 3, 7). Это погребение относится к третьей четверти X в. Оно находится на поздней части памятника и окружено мусульманскими могилами. Вещевой материал захоронения: крупная стеклянная бусина с большими округлыми многоцветными глазками, пластинчатый браслет с кружковым орнаментом, единственный в некрополе железный серп прогрессивной формы и горшковидный сосуд близкий к керамике с рифлением (рис. 3,3,4,6,8), вероятно, относятся к измерскому времени, которое начинается со второй половины 60-х годов X в. (время падения Хазарии под ударами печенегов и походов Святослава и приход новой волны болгар).

Кроме вышеотмеченного синхронизацию раннего Болгара и поздней части Танкеевского могильника подтверждает нумизматический материал. На Малоиерусалимском поселении встречены серебряные дирхемы 893-894, 907-914, 913-932 гг. (Определение Г.А. Федорова-Давыдова). Близкие к ним по времени монеты X в., 907-913, 924-932 гг. выявлены в поздних языческих погребениях Танкеевки.

Данные материалы свидетельствуют, что в округе г. Болгара (до д. Танкеевка отсюда по прямой всего 18 км) проживало языческой население, имевшее свое племенное кладбище. Между этими пунктами несомненно существовали связи. Сам город, скорее всего, возник как политический, военный и экономический центр племени болгар. Население округа могло участвовать в строительстве г. Болгара, а жители его, как язычники, так и мусульмане, могли хоронить умерших на древнем кладбище своих предков, возникшем, как культовый центр одного из этнокультурных объединений еще в IX в. (Казаков, 1992, с. 278).

Относительно города Суvara, который в письменных источниках отмечается вместе с г. Болгаром и который мог быть центром племени суаз (Казаков, 1967, с. 75-78), у нас нет обширных материалов. Но на нем имеются комплексы синхронны материалу Измерского селища (ранний материал его датируется последней третью X в.). Среди них масса общebolгарской керамики, появившийся на Волге в связи с переселением новой волны болгар с юго-востока Европы (причиной этого были глобальные военно-политические события, приведшие к падению Хазарии: нападение печенегов, походы Святослава), обломки дирхемов, бронзовые поделки, бусы последней трети X в. В отчете Т.А. Хлебниковой описан клад

серебряных дирхемов X в. Один из дирхемов с этого памятника, датируемый второй четвертью X в., известны еще с дореволюционного времени.

Таким образом, Болгар и Сувар могли возникнуть как центры племен, где начинает проживать оседлое население, в то время как основная масса болгарских и угорских племен до второй трети X в., оставались языческими кочевниками. Доказательством этого является материал более десятка языческих некрополей с сотнями погребений.

Определенную дискуссию вызывает датировка Биляра. Несмотря на многолетние раскопки городища, на нем не отмечены материалы раннего периода. Судя по комплексам Большеитиганского могильника, расположенного всего в 22 км от городища, по крайней мере до начала X в. (в некрополе встречена монета 900 г.) на данной территории проживали языческие подразделения кочевых угров.

Наиболее ранним памятником в округе Биляра является II Билярское селище (раскопки Е.А. Беговатого) аналогичное по времени Измерскому и Семеновским поселениям на Волге и Каме. Оно содержит накладки, обломки дирхемов и другие поделки, датированные не ранее последней трети X в.

Существует точка зрения, что это поселение оставлено переселенцами с Волги и Камы, где стало проживать небезопасно. Возможно, и Биляр, был построен, как столица, по этой же причине, в глубине болгарской территории по решению центральной власти.

Литература

- Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.
- Казаков Е.П. К вопросу об этническом составе и локализации населения раннеболгарского государства // Тезисы научн. конф. Казань, 1976. С. 75-78.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
- Казаков Е.П. К проблеме датировки столичных центров домонгольской Булгарии по археологическим материалам // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. Казань, 2003. С. 93-94.
- Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.
- Макаров Н.А. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района // КСИА, 1983. Вып. 175. С. 18-25.
- Старостин П.Н. Остатки древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Т. II. Казань, 2007. С. 140-144.
- Фахрутдинов Р.Г. Домонгольский Болгаро в письменных источниках // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 64-77.
- Фахрутдинов Р.Г. Болгар в письменных источниках // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 8-31.
- Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1978. С. 32-88.
- Хузин Ф.Ш. Болгарский период в X-начале XIII вв. Казань, 2000.
- Якубовский А.Ю. К исторической топографии Итиля и Болгара в IX–X вв. // СА, 1948. Т. X. С. 264-270.

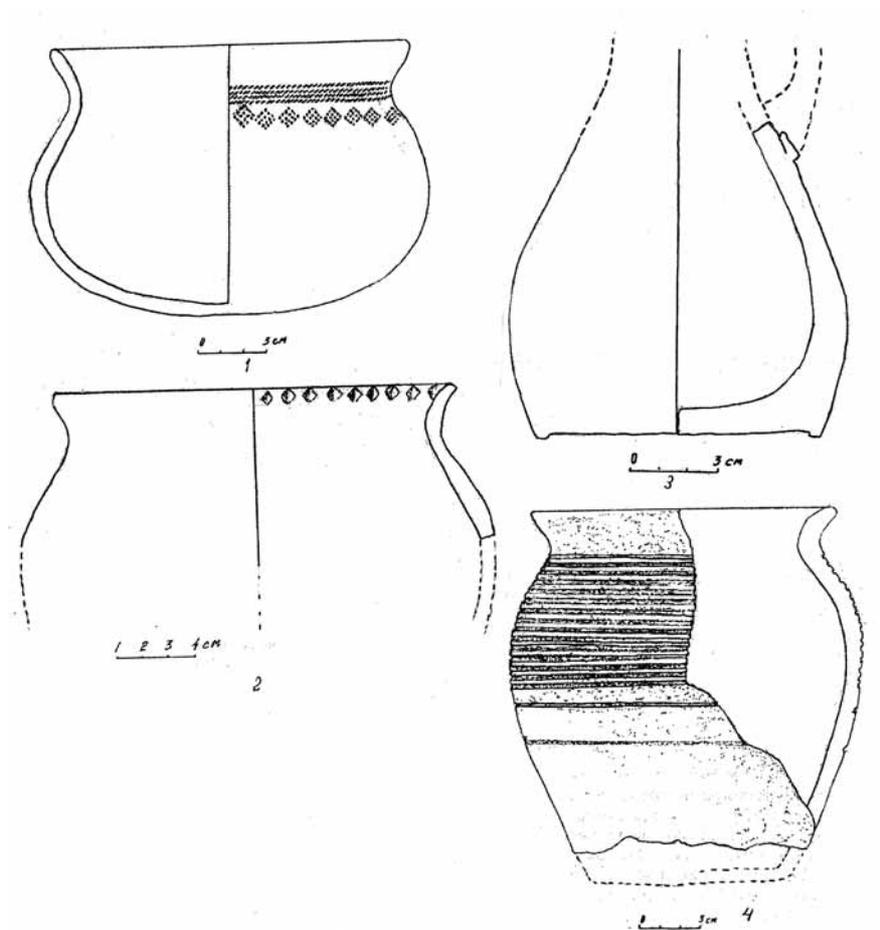

Рис. 1. Керамика из поселения у Малого Иерусалимского оврага.

Рис. 2. Поломско-ломоватовская керамика из Танкеевского могильника.

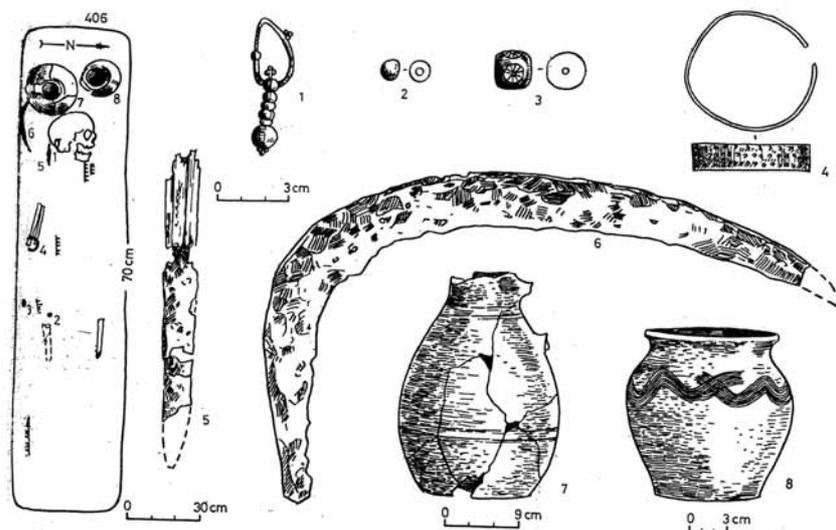
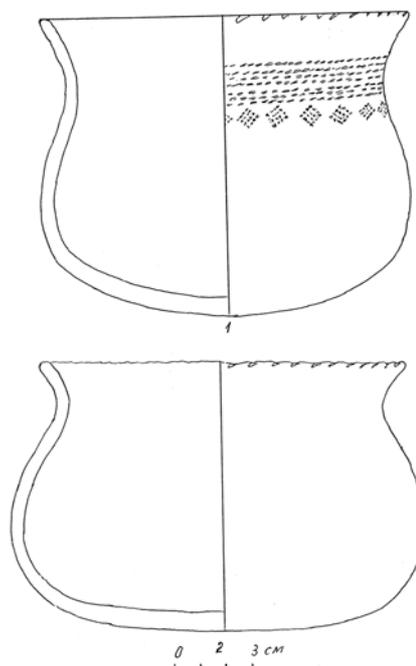

Рис. 3. План и вещевой материал погр. 406 Танкеевского могильника.
1, 4 – бронза; 2, 3 – стекло; 5, 6 – железо; 7, 8 – керамика.

Константин Руденко

**Этнокультурное взаимодействие кочевого и оседлого населения в Казанском Поволжье в XI–XIV вв.
(по археологическим данным)**

Этнокультурное взаимодействие оседлого и кочевого населения в Казанском Поволжье исследовалось многими учеными (А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, Е.П. Казаков, Р.Г. Фахрутдинов, Ф.Ш. Хузин, И.Н. Васильева и др.). Общие тенденции этого процесса с выделением нескольких этапов, имевших разное содержание и характер, исследовал Е.П. Казаков (*Казаков Е.П., 1992а; 1997; 1997а*). Исследователь анализирует материал, исходя из археолого-исторического деления средневековых древностей Казанского Поволжья на раннебулгарский, домонгольский и золотоордынский периоды. Основу его гипотезы составила миграционная концепция.

По мнению Е.П. Казакова, первый этап характеризуется появлением болгарских племен на Волге и складыванием, в результате их взаимодействия с угорским, а затем и финским населением народности волго-камских болгар, начало второго этапа – активным воздействием вновь образованного этноса на население пограничных зон и формирование «ареальных болгар». К началу XIII в. болгарское культурное воздействие уменьшилось вследствие миграционных потоков из Зауралья и Верхнего Поволжья. Е.П. Казаков считает, что на третьем этапе на этнокультурные процессы в регионе решающее значение оказывают политические события (смута и междоусобицы в Золотой Орде в 60-х гг. XIV в.).

Внутри этих периодов Е.П. Казаков рассматривает особенности этнокультурных процессов, по сути, определяя для каждого из них доминантное направление культурного развития. Основное внимание исследователь уделил периоду VIII–X вв. Построенная на солидной археологической базе эта периодизация отражает основные направления этнокультурных процессов в эпоху средневековья в Волго-Камье.

В данной статье рассматриваются домонгольский и золотоордынский периоды. На основе археологических материалов можно выделить три этапа взаимодействия кочевого и оседлого населения региона в XI–XIV вв.: первый этап – XI–XII вв.; второй этап – XIII в. – 1340-е гг.; третий этап – 1350-е – 1420-е гг.

Предварительно, дадим краткую характеристику предшествующей эпохе¹. Во второй половине I тыс. н.э. северную часть Предволжья и Предкамье занимали финские племена, восточное Закамье – угры; Закамье в основном было не заселенным. Именно эта лакуна и стала заполняться волнами кочевников-переселенцев с юга, теснившими продвигавшихся на запад угров.

¹ Подробно этот период охарактеризован Е.П.Казаковым (1992).

В VII – первой половине VIII в. в регионе появляются памятники новинковско-го типа (*Матвеева Г.И., 1997*), оставленные малочисленными группами тюркского населения, продвинувшимися в район Самарского Поволжья с территории Хазарского каганата. Несмотря на то, что их присутствие не сыграло заметной роли в культурогенезе народов региона, с новинковцев начинается счет последующих волн переселений и миграций в район казанского Поволжья.

Во второй половине VIII – на рубеже IX–X вв. не только Самарская Лука, но и более северные области становятся областью, освоенной тюрко-аланским (булгарским) кочевым населением юга (*Казаков Е.П., 1997, с. 61-64*). Археологические памятники этого периода (Большетарханский и Автозаводской могильники (*Казаков Е.П., 1992; Семькин Ю.А., Казаков Е.П., 2003, с. 115-139*)) можно охарактеризовать как северо-восточный вариант салтово-маяцкой культуры (*Плетнева С.А., 1981, с. 65*), близкий материалам Подонья. Население, оставившее их, характеризуется обособленностью в пределах степных участков Предволжья (Казанско-Ульяновское правобережье Волги) и почти полной культурной изолированностью от финских племен.

В это же время угорские этнические группы самостоятельно или в составе племенных объединений с востока осваивают территорию Закамья. Они активно вступают в контакты с тюрко, а затем и финноязычным населением региона, как в степной, так и в лесостепной полосе, сохраняя при этом (судя по погребальным памятникам) этнические особенности материальной культуры.

Несколько последних десятилетий IX в. стали переломными для тюркского населения Средней Волги. Сохранявшаяся изоляция в течение второй половины IX в. была сломана потоком верхнекамского населения (поломско-ломоватовского), продвинувшегося к югу в Закамье, инфильтрацией поволжско-финского населения из Приочья (мурома и мещера) на восток по течению Волги в район кочевок угорского населения в центральном Закамье (Большетиганский и XII Измерский могильники).

Первые десятилетия X в. характеризуются ассимиляционными процессами в районе казанского течения Волги (Ганкеевский и Тетюшский могильники), приведшими к складыванию здесь многокомпонентной угро-тюркско-финской общности, причем значительная часть угро-мадьярских племен передвинулись в это время к западу. В начале периода это было обусловлено активным взаимодействием (как культурного плана, так и этнического) различных этносов в южной (Подонье-Приочье) и северной (Прикамье-Таврика) зоне (контактной периферии).

Помимо сказанного, с последней трети IX в. и особенно активно в X веке сюда проникают группы огузо-печенежского населения (*Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001, с. 103*). Их присутствие обозначено характерными украшениями и керамикой (II этнокультурная группа по Т.А.Хлебниковой), сложившейся под их влиянием.

С середины X в. происходит массовое оседание булгар и формирование поселенческой структуры, включавшей города, торгово-ремесленные фактории и

сельские поселения. Эти процессы проходили уже в условиях существования болгарской государственности, что наложило свой отпечаток на этнокультурную ситуацию.

К концу X в. на территории Булгарского государства сложилась чрезвычайно пестрая этническая картина, археологические признаки которой оказались нивелированы общегосударственной болгарской культурой.

Первый этап (XI–XII вв.). В этот период происходит стабилизация этнических процессов в пределах границ Волжской Булгарии и ее ближнего зарубежья. Этнические доминанты, характерные для болгарской культуры в предшествующий период, начинают нивелироваться под влиянием процессов ассимиляции и аккультурации внутри булгарского государства. Следствием этого стало то, что культурные инновации в большинстве случаев являются результатом симбиоза, отразившегося как в форме изделий, так и в семантике образов на некоторых из них (особенно угорского происхождения).

Внешнее воздействие на болгарскую культуру выразилось в трансплантации новых предметных комплексов и технологий. Заимствовались прогрессивные технологии и изделия оседлых, государственных культур (например, аскизской (*Кызласов И.Л., 1983*)). Наиболее четко это зафиксировано на деталях конской упряжи, воинского снаряжения и некоторых предметах вооружения (*Руденко К.А., 2001*).

Воздействие кочевого мира на болгар в этот период было незначительным и не оказало существенного влияния на болгарскую материальную культуру. Не прослежены и следы болгарского влияния на кочевников.

Второй этап (XIII – 1340-е гг.). Начало его ознаменовалось увеличением в булгарском археологическом материале элементов кочевой культуры, что было связано с расселением этого населения в булгарские пределы в начале монгольских походов на Среднюю Азию и в восточноевропейские степи (с 1219–1220 гг.). Это украшения, характерные для восточноевропейских кочевников, предметы вооружения и конского снаряжения (*Руденко К.А., 2006*).

В конце XIII в. на территория завоеванной Булгарии попадает под влияние общеимперской культуры Золотой Орды (украшения, предметы быта и туалета, посуда), сочетавшей в себе традиции кочевников и оседлого населения земледельческих районов, завоеванных монгольскими армиями.

Определенная универсальность материальной культуры поселений Булгарского Улуса в первой половине XIV в. свидетельствует о процессах консолидации населения ордынской периферии, сильно пострадавшего после нашествия. Интеграционные процессы, прежде всего коснувшиеся угорской культуры, были характерны для бывшего булгарского пограничья. Вместе с тем, судя по характерным находкам, сохранялись и культурные особенности отдельных этнических групп, проживавших на булгарской территории (мордовских, русских, пермских).

Другая выразительная черта этого периода – это активное воздействие ислама как государственной религии государства на культурные традиции народов Золотой Орды.

Третий этап (1350-е – 1420-е гг.) представлен материалами поселений и могильников камско-волжской «татарской земли» – оставленных нижеволжскими и приуральско-сибирскими кочевыми и полукочевыми группами населения (Руденко К.А., 2002, с.154-165).

Подводя итог характеристики этих периодов, отметим, что взаимодействие кочевых и оседлых культур в урало-поволжском регионе в начале II тыс. н.э. носило не поступательный, а циклический характер, переживая периоды спада и подъема.

Этнокультурные процессы в *XI–XII вв.* можно рассматривать в следующих направлениях. К XI в. на территории Предуралья (включая казанское течение Волги и нижнюю Каму) образовалось несколько этнокультурных зон, где в единую систему были включены народы с разным хозяйственным укладом, этническими традициями и образом жизни. Интегрирующей и ведущей силой в данном случае стало государство волго-камских булгар, ставшее на 200 лет этноформирующим фактором в регионе. Уже на начальных этапах его становления наметилась тенденция к эволюции этнических доминант, обусловленных многокомпонентным этнокультурным фоном потестарной основы будущего государства.

Археологические материалы государственного булгарского периода содержат меньше информации об этнокультурных контактах. Господство монотеистической религии снивелировало особенности погребального культа, стандартизация и массовое производство предметов широкого потребления (керамика, украшения) потеснили традиционные элементы материальной культуры.

Тем не менее, имеющиеся на сегодняшний день данные (исследования А.П.Смирнова, Т.А.Хлебниковой, Е.П.Казакова и др.) позволяют говорить о наличии кочевого тюрко-угорского населения, как в пограничье, так и на территории булгарского государства, а также инфильтрации и интеграции финско-славянских групп в булгарскую среду в XI – начале XIII в.

Этнодиагностируемыми в этом отношении являются керамика (VII, VIII, XIV этнокультурные группы традиционной керамики по Т.А. Хлебниковой; керамика типа постпетрогром по Е.П.Казакову), украшения (шумящие и птицевидные подвески; застежки-сюльгамы, культовые предметы, железная ременная гарнитура и т.п.), отдельные типы жилых построек (срубные дома с земляным полом и печью каменкой).

Анализ их распространения и бытования позволяет рассматривать вариативную модель такого типа процессов для территории булгарского Поволжья в эпоху средневековья. Исходным положением (первый этап) ее является создание территориальной поселенческой структуры в X – первой половине XI в. на основе различных этнических групп:

– тюрко-угорской на территории Западного и Центрального Закамья (волжская археологическая провинция: Танкеевский могильник и Малоиерусалимское поселение, впоследствии г. Болгар; Большетиганский, XII Измерский),

– волжско и пермско-финской на территории Западного Предкамья и части Предволжья (казанская археологическая провинция: Борисковский могильник, городища Казанка I, II, городище Казанский Кремль)

– прикамско-финской в Восточном Предкамье и Заказанье (казанско-вятская археологическая провинция: II Елабужский могильник и Елабужское городище)

– тюрко-славяно-финской на нижней Каме и приустьевой части Волги (камская археологическая провинция: Мурзихинское, VI Алексеевское селища).

Смешанный характер населения в начале XI вв. отражается в погребальных культах и обрядах, и маркируется находками характерных вещей на поселениях.

На втором этапе (вторая половина XI–XII вв.) этническое районирование, исторически сформировавшееся в рамках государственной болгарской территории, становится более размытым и практически не заметным на археологическом материале, когда сложилась система поселенческих агломераций (*Руденко К.А., 2007, с.19-30*). Поэтому второй этап можно назвать урбанизационным.

Население крупных болгарских городов было смешанным, нередко с районами компактного этнического проживания (Билярское городище). Эта тенденция, очевидно, имела место и на селищах (Остолоповское, Измерское, VI Алексеевское, Мурзихинское). На состав населения болгарского государства, безусловно, оказывали влияние общие миграции в регионе (славянская колонизация, движение кочевников и т.п.), накладывавшиеся на естественные показатели демографического роста и внутреннее расселение, сопровождавшееся изменением этнической картины расселения (Западное Предкамье).

На территории Булгарии зафиксированы находки комплексов украшений поволжско-финских, верхнекамских, а за ее пределами (Пермское Предуралье) складывание периферийного культурного болгарского комплекса, получившего самостоятельное развитие в последующую эпоху на местной этнической основе. Это относится, в том числе к комплексам фигурно-прорезных поясных накладок, пряжек и т.п. Северо-западный финский субстрат явился здесь ведущим в формировании культурной традиции. Интересно, что при аналогичных условиях в Причье и Посурье победила финская традиция в развитии комплекса материальной культуры.

Как показывают археологические материалы, контакты кочевников и населения оседлых территорий в это время были разными по характеру. Так, в Притешье влияние кочевников выразилось в погребальной обрядности (захоронение туши коня), использование в погребальном инвентаре сбруйных украшений (уздечки с решмой и т.п.), а также специфических украшений, характерных для степной культуры. Есть здесь и особенности. Так в погребениях коней, на могильниках мордвы-мокши XII – XIII вв., встречаются захоронения черепов собак (*Мартыанов В.Н., 1992, с. 53, 56*).

Сопогребения человека и коня является яркой чертой погребального обряда муромы VIII–X вв. Однако здесь, как правило, были захоронены только части конской туши (Гришаков В.В., 1990, с.127-129). По мнению В.В.Гришакова, данная традиция имеет свои истоки в финской культовой традиции более раннего времени и доживает до середины X в. (Гришаков В.В., 1990, с.134). Однако видеть в мордовских захоронениях XI–XII в. только реминисценции ранних традиций, будет не совсем корректно. Отметим, что аналогии этому обряду имеются в среде тюркских кочевников, например печенегов (Плетнева С.А., 1990, с.18,22). Более вероятно, что именно этот обряд отразился в мордовских некрополях XI–XII вв. (Руденко К.А., 2008, с. 5-17).

На территории Булгарии – это находки единичных предметов (как правило, предметы вооружения и украшения).

Торговые пути так же стимулировали появление в болгарском предметном комплексе новых типов изделий связанных своими истоками с аскизской культурой Южной Сибири. Несмотря на то, что это в основном предметы конской упряжи и вооружения, они не связаны с кочевым миром. Погребения кочевников южнорусских степей, Предуралья и Зауралья XI–XII вв. таких артефактов не содержат.

Появление этих изделий связано с непосредственным этническим присутствием носителей аскизской культуры в Булгарии, инициировавших культурный импульс. Инновации закрепились, началось их тиражирование и копирование. Причем потребителями их стали не только болгары, но и финское население Поволжья и Прикамья. Причем, во второй половине XII в. происходит и обратный процесс, когда реплики аскизских изделий возвращались на болгарскую территорию, но с иной функциональной нагрузкой.

Таким образом, инновационный процесс в материальной культуре Волго-Камья в XI–XII вв. тесно связан с динамикой и интенсивностью торговых путей, а также определялся характером этнических процессов (ассимиляция, интеграция и т.п.) в контактных зонах.

Этнокультурная ситуация в XIII – середине XIV вв. была связана и обусловлена монгольским нашествием и образованием Империи Чингизидов. Появление монгольской империи в XIII в., объединившей огромные территории, вызвало глобальные изменения в этнополитической карте Евразии, в том числе и на болгарской земле. Существенные инновации в материальной культуре стали заметными, спустя несколько десятилетий после походов монгольских войск, под воздействием сложившегося в ордынских городах общеимперского стиля. Диспропорция в темпах и масштабах экономического развития центра и окраин империи, обозначившаяся в начале XIV в., привела к формированию локальных или периферийных ее вариантов к середине XIV столетия.

В конце XIII–XIV вв. на территории бывшего болгарского государства складывается периферийная ордынская культура (Руденко К.А., 1998б, с.23). Осо-

бенностью ее было наличие как «имперских» черт, присущих материальной культуре золотоордынского города (распространение определенного типа костюма и его аксессуаров, прически, предметов вооружения и конского убора (*Васильев Д.Д. и др., 1993, с.40-41*)), так и местных культурных элементов, заметно усиливавшихся в период наибольшего расцвета государства (например, захоронения в «Ханской усыпальнице» в Болгарах (*Смирнов А.П., 1951, с.65-66*)).

Специфику ей придавала и новая система территориально-экономических связей и определенный этнический «колорит», прежде всего среди поселений не городского типа, выразившийся в следующем: укрупнение размеров поселений (селищ) по площади и сокращение их в количественном отношении; территориальная обособленность; экономическая автономность, и одновременно, интегрированность в общую экономическую систему государства (*Руденко К.А., 1997, с.40-43*); эклектичность и многокомпонентность основных составляющих материальной культуры, причем, чем ближе располагалось селище к городу, тем ошутимее становилось влияние ремесленной городской культуры; и чем удаленнее от него, тем менее оно ощущалось (селище Чакма и Песчаный остров (*Руденко К.А., 1998а, 1999*)).

Элементы имперской культуры более всего распространяются среди правящей элиты оседлых обществ. Это, например, декоративные детали воинского пояса и некоторые аксессуары, предметы вооружения и конского убора (*Васильев Д.Д. и др., 1993, с.42*). Во всех слоях болгарского общества пользуются спросом престижные и модные предметы, такие как браслеты, серьги, зеркала (*Руденко К.А., 1998б, рис.1*).

Формировалась и новая культурная традиция, – общность мифологических представлений. Тиражирование определенных художественных сюжетов, имевших общедоступную семантическую нагрузку, стало одним из характерных признаков культуры болгарского улуса ордынского государства. Легкость, с которой новые инородные элементы проникали в мир сельского оседлого населения, как на уровне элементов бытовой культуры, так и на уровне этнокультурном (включение представителей иного этноса на равных правах в сферу «загробного», т.е. захоронения на одном сельском кладбище), характеризовала общую тенденцию развития социума этой части ордынского государства.

Показательными в этом отношении являются материалы селища и могильника Песчаный остров, поскольку они относятся к золотоордынскому периоду, и имеют достаточно узкую датировку. На этом памятнике по стратиграфии выделяются два слоя – верхний, почти без находок (к нему относится дневной уровень погребений), и нижний. Последний делится на два горизонта, верхний из которых относится к средневековью, а нижний к более раннему периоду (*Руденко К.А., 1998*).

Датировка поселения определяется по комплексу находок из раскопов. Это металлические изделия: фрагменты чугунных котлов, ключи и замки от замков типа «В», по Б.А.Колчину, бирюзовая биконическая бусина, «дольчатая» бусина глухого

стекла, наконечник стрелы типа «срезня», бронзовые зеркала. Все они дают дату в рамках XIII–XIV вв. Более узкая дата по вещам с учетом стратиграфии памятника, находкам в культурном слое и комплексам сооружений – конец XIII – начало XIV в. Дополняют эти данные находки из подъемного материала с селища Дамба I (Руденко К.А., 1994): 1) монеты конца XIII – 1361 г; 2), зеркала и их фрагменты; 3) части чугунных котлов; 4) наконечники стрел; 5) железные стремена и удила.

Относительную датировку селища определяют захоронения расположенного здесь же могильника. Дневной уровень погребений относится к верхнему слою отложений; могильные ямы перекрывают сооружения средневекового селища. Датирующие вещи из погребений: а) зеркало, б) бронзовые накладки, в) стремена, г) браслет пластинчатый (в засыпи). Общая дата – XIV в. Исходя из вышесказанного, по стратиграфии и вещевым комплексам селище датируется концом XIII – первой третью XIV века; могильник – XIV в. (Руденко К.А., 1994).

Интересно, что чугунные котлы из раскопов на селище относятся к типу Ч-4 и датируются первой третью XIV века; они отличаются от котлов которые найдены близлежащих поселений. Они относятся к типу Ч-1. 2, 11 датирующиеся с середины XIV в. (Руденко К.А., 2000, с. 40-41). Самые ранние керамические сосуды на селище – лепные чашевидных форм, с примесями в тесте: Р (растительность) + ТР (толченая раковина) или шамотные с примесью растительности. Они сменяются круговым или подправленным на круге сосудам разных форм, с примесями: КЗП (крупнозернистый песок) + ТР; КЗП; П (песок) + ТР. С середины XIV века отмечается появление славяноидных форм керамики с примесью толченой раковины (Руденко К.А., 2007а, с. 349-355).

Выводы, полученные при анализе материалов этого комплекса, следующие:

- материал селища Песчаный остров не имеет истоков в материале поселений предшествующего времени;
- формирование его материальной культуры происходит из нескольких этнических составляющих;
- установлено хронологическое различие в керамическом материале и некоторых типах вещей из металла.

Этот пример, показателен для характеристики этнокультурных процессов на периферии ордынского государства, отражая быстроту процессов культурного смешения в новых социо-политических условиях в новой природной и культурной среде.

Процессы этнокультурных контактов кочевого и оседлого населения в регионе в *середине XIV – первой четверти XV в.* можно реконструировать следующим образом. Формирование в течение XIV в. в Казанском Поволжье территориально-этнического массива («татарской земли») включавшего могильники, отдельные захоронения и поселения (Руденко К.А., 2002) и активные процессы внутренней миграции, особенно верхнекамского и поволжско-финского (мордовского) населения.

Остановимся на этом подробнее. Вопрос об этнической ситуации в Среднем Поволжье в позднеордынское время не раз становился объектом исследования историков. Обсуждались терминологические проблемы, приводились аргументы в пользу той или иной интерпретации исторических событий. Однако археологические материалы для решения этих вопросов использовались ограниченно. Практически были не известны погребальные памятники, а специфика сельских поселений ордынского времени в полной мере стала выявляться только в недавнее время. Таким образом, новые археологические данные, появившиеся в последние годы, позволили рассмотреть новые аспекты этой проблемы.

Среди археологических объектов ордынского времени выделяется группа памятников, которые исследователи связывают с кочевниками. Это Бальмерские курганы, Рождественское, Лебединское погребения. В последние годы этот список пополнился материалами из разрушенных погребений Байряки-Тамакского могильника (исследователь Е.П.Казаков), могильника Песчаный остров в Центральном Закамье, погребения у с. Алексеевское и погребения кочевника на Булгарском городище (исследователь И.Р.Газимзянов). Причем Песчаноостровный могильник, погребение у Алексеевского, а также отмеченные Т.А.Хлебниковой безинвентарные захоронения с северной (?) ориентировкой у с. Мокрые Курналы, видимо, составляли единый этнокультурный комплекс, связанный с поволжскими татарами XIV в. по письменным источникам (подробнее см.: Руденко К.А., 2002, с.154-165).

Могильник Песчаный остров, как и рядом расположенные одиночные погребения, были оставлены населением, связанным, видимо, с нижневолжским регионом. Наличие стационарных поселений в ближайших окрестностях некрополя, датированных по монетам серединой – второй половиной XIV в. свидетельствует, что это было население с непостоянной оседлостью. По формальным признакам песчаноостровный могильник ближе всего некрополям царевской группы Заволжья и западной группы курганов Южного Урала, а также погребениям в Самарском Заволжье, связываемых с кимако-кипчаками (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 60, 65, 66). Определенные аналогии он находит в могильниках близ Нового Сарая (Сарай ал-Джадид) (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с.31). Не исключено, что люди, оставившие могильник Песчаный остров, каким – то образом связаны с населением окрестностей Нового Сарая.

Можно предположить, что пойменная часть низовий реки Камы могла быть местом летних кочевок нижневолжских групп кипчаков, постепенно основывавших здесь более-менее постоянные (сезонные) стойбища (20-40-е гг. XIV в.). Данный процесс активизировался в конце 50-х гг. в связи с начавшимися смутами в Орде. И особенно в начале 60-х гг., когда ордынский хан Булат (Пулад) – Тимур в 1361 г. захватил власть в Булгаре. В принципе данное положение уже давно высказывалось в исторических исследованиях (Кузеев Р.Г., 1992, с. 84).

Характерно, что именно к 1361 г. (Хызр-хан) относятся значительные серии медных монет с поселений близ Песчаного острова. Постоянно нижеволжские пришельцы тогда здесь не жили, а основной контингент населения составляли собственно булгары («бесермяне»). В небольшом количестве кочевники могли входить в состав сельских общин (Рождественское погребение).

По данным письменных источников, среди ак-ордынских царевичей видное место принадлежало Хасану (Асану), одному из потомков хана Шейбана, который после бегства из Сарая в 1367 г. возглавлял болгарский улус вплоть до конца 1370-х гг. (*Сафаргалиев М.Г., 1996, с.388*). Видимо, часть людей, пришедших с ним, были выходцами из самого улуса Шибана (балымерские курганы) – отсюда и четко выраженные специфические черты погребальной обрядности. Вероятно, не случайна и близость балымерских курганов к г. Булгару – ставке нового хана и расположение их у р. Волги.

Вторая – из сторонников Хасана в самом Сараяе и его окрестностях. Об этом свидетельствует наличие черт мусульманского культа, разнообразие антропологических типов и вариантов погребальной обрядности. Вещевой инвентарь в деталях идентичен вещам из усадеб и могильников Нового Сарая. Скорее всего, отдаленное место в пойме Камы было этим людям известно давно и пришли они сюда к уже существующим «зимникам», в уже знакомую и не враждебную среду (Рождественское погребение). Обосноваться в пойме мог их заставить и период безвременья, когда власть над болгарским улусом переходила от одного правителя к другому – от ставленников Мамаю к Урус-хану, а затем (с 1380 г.) к Тохтамышу, и периодические волны чумных эпидемий (1364, 1374 г.).

Выделение поселений, соотнесенных с вышеописанными погребальными памятниками, довольно сложно. По сути, это не стационарные места обитания, а сезонные стоянки, впоследствии становившиеся постоянными селениями. Тем не менее, наблюдения на памятниках курналинского комплекса (*Руденко К.А., 1999, с.67-68*) позволили предположить, что связь поселений с могильниками была. Определяется она наличием на поселениях предметов, связанных со скотоводством, широкой распространенностью местонахождений предметов вокруг таких селищ. На них встречаются фрагменты чугунной посуды, монеты, керамика тарная (корчаги) и столовая (кувшины). Культурный слой не прослеживается. Хронологическим показателем является наличие керамики славяноидных форм, распространяющейся довольно широко во второй половине XIV – начале XV вв.

Кроме такого рода поселений определенная часть этого населения проживала в крупных городах, в частности в Булгаре, что подтверждается антропологическими материалами (*Газимзянов И.Р., 2001*). Анализ материала позволяет выделить несколько этнографических районов, где проживало как оседлое, так и кочевое население. Это курналинско-камский район (Песчаноостровный могильник, селища Дамба I,III) и балымеро-волжский (Балымерский курганный могильник и Полянское селище) (*Руденко К.А., 1999, с.61-76*). Территориально их можно ограничить следующим образом.

Ядро первого района составляла территория поймы Камы от слияния Курналинки и Архаровки и по течению Курналинки до начала надлуговой террасы. Здесь на гривках располагались как курганные могильники (Песчаный остров), так и одиночные курганы, возможно впускные в курганы эпохи бронзы. Следы их были выявлены разведками Т.А.Хлебниковой (ей было зафиксировано несколько разрушенных погребений без вещей у с. М.Курнали). В 2002 г. между Песчаным островом и р/п Алексеевское было зафиксировано разрушенное женское захоронение с вещами, близкое тем, которые были исследованы на Песчаном острове (Губин А.С., Писарев Т.Н., 2004, с.80-81).

Западную границу этого района можно условно определить погребением у с. Лебедино; северную – погребением на Рождественском могильнике и селищем Чахма; южную – селищем у с. Сухие Курнали; восточную – селищами у с.Алексеевское.

Второй район имеет менее четкие границы. В него, видимо, входила пойменная часть Волги от с..Полянок (Полянское селище и находки предметов вооружения на месте бывшей д. Зеленовки) и до Болгар. Ядром территории были Балымери. Не исключено, что район перекочевки захватывал и центральные районы Закамья – Билярск и его округу.

Группа памятников в курналинско-камском районе имеет аналогии в археологических материалах нижней Волги (округа Царевского городища) и среднего Дона. Памятники второго района тяготеют к центру региональной ордынской администрации – городу Булгару – и имеют аналогии в материалах Западной Сибири и северного Казахстана.

Наиболее вероятным местом первоначального обитания населения, оставившего памятники первой группы, можно считать район Среднего Подонья. Здесь выделяется особый тип археологических объектов (прежде всего могильников) ордынского времени (Новохарьковский, 2002, с.105), имеющий большое число соответствий в материалах камской группы некрополей. Обоснованно локализовать истоки памятников второй группы пока затруднительно.

Особенностью поселений, как первой, так и второй группы памятников является наличие своеобразного керамического комплекса, включающего сосуды славяноидных форм с примесью толченой раковины в тесте как круговых, так и правленных на круге, стандартный набор форм гончарной столовой посуды. Кроме того, на этих поселениях и в их окрестностях не редки находки чугунных котлов. Нумизматические находки, отмеченные здесь, относятся к концу XIV – началу XV в.

Стоит отметить, что эти поселения, хотя они и синхронны могильникам, принадлежат в большей степени оседлому населению края, сложившемуся из разных этнических компонентов на местной субстратной основе (Рождественское селище и могильник) во второй половине XIV в. Следы собственно кочевого населения, оставившего указанные могильники, были поселения без большого культурного слоя и фиксирующиеся в большинстве случаев в виде местонахождений.

В связи с этим стоит отметить и наличие отдельных мордовских захоронений на этой территории. Если на некрополях Булгара они занимают место непосредственно на кладбищах, выделяясь ориентировкой умерших и положением костяков, то в сельской местности мордовские захоронения, как правило, обособлены и расположены в отдалении от мусульманских кладбищ.

Вблизи курналинско-камской группы у с. Рождествено, где известно захоронение кочевника, на месте именьковского городища были зафиксированы следы разрушенных мордовских захоронений и собрана коллекция находок женских украшений. Типологически они относятся к началу XV в., что подтверждается и нумизматическим подъемным материалом.

Несомненно, что рассмотренные археологические памятники явились предшественниками многих поселений второй половины XV в. Причем, до середины XV в. они встречаются в Закамье и в по правому берегу Камы (Торецкое селище на Малом Черемшане, селище Красный Октябрь на р.Курналинке, Лаишевское селище), а во второй половине этого столетия фиксируются, в основном, в пойме правобережья Камы, в приустьевой части и среднем течении ее притоков (Меши и Казанки). Характерный керамический комплекс раннеказанского времени диагностируется на Бужинском и Русскоурматском селищах, на городищах: Камаевском, Арском, Казанский кремль.

Итак, взаимодействие кочевого и оседлого мира в Волго-Камье в средневековую эпоху было различным по своей форме и содержанию. Кочевники выступали как этнообразующие компоненты нового этноса (ранняя Волжская Булгария), как самостоятельные этнические группы в сложившемся этническом массиве, будучи носителями собственной этнической культуры и посредниками в трансляции инокультурных явлений (период волжско-булгарский и Золотой Орды).

Однако закономерно и то, что элементы кочевой культуры практически не «прививались» у оседлого населения, за исключением того момента, когда они становились частью государственной культуры, как это произошло в период Золотой Орды.

Кочевая культура, лишенная традиционной среды, ассимилировалась и растворялась среди оседлого населения, сохраняясь лишь реликтами, либо подавляла островки оседлой жизни, регенерируя кочевой образ жизни и соответствующий природно-ландшафтный комплекс.

Литература

- Васильев Д.Д. и др., 1993.* Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань. – С.33-44.
- Газимзянов И.Р., 2001.* Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов). Автореферат канд. дисс. М. – 34 с.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001.* Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем. – 212 с.

- Гришаков В.В., 1990.* Конские погребения VIII – первой половины X в. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Йошкар-Ола. – С.127-146.
- Губин А.С., Писарев Т.Н., 2004.* Новый могильник у поселка Алексеевское // Археологические открытия в Татарстане: 2002 г. Казань. – С.80-81.
- Иванов В.А., Кригер В.А., 1988.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) М.: Наука. – 94 с.
- Казаков Е.П., 1992.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука. – 336 с.
- Казаков Е.П., 1992а.* Этапы взаимодействия волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Выпуск 21. Йошкар-Ола. – С.42-50.
- Казаков Е.П., 1997.* Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы и Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // Татарская археология, №1. – С.61-77.
- Казаков Е.П., 1997а.* Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica, №1. – С.33-53.
- Кузеев Р.Г., 1992.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М. – 347 с.
- Кызласов И.Л., 1983.* Аскизская культура / САИ. Выпуск Е3-18. М.: Наука. – 128 с.
- Мартыанов В.Н. 1992.* Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Теши в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Труды. Выпуск 107. Саранск. – С.53-68.
- Матвеева Г.И., 1997.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара. – 226 с.
- Новохарьковский, 2002.* Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж. – 200 с.
- Плетнева С.А., 1981.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. М. – С.62-75.
- Плетнева С.А., 1990.* Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи. М. – 102 с.
- Руденко К.А., 1994.* Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Выпуск 23. Йошкар-Ола. – С.121-139.
- Руденко К.А., 1997.* Булгарское ремесло XII–XIV вв. (по археологическим данным) // Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана». 12 – 14 сентября 1995 года. Материалы. Казань. – С.40-43.
- Руденко К.А., 1998.* Хронология булгарских древностей. Часть II. Золотоордынское селище и могильник Песчаный остров // Проблемы хронологии волжских болгар. Тезисы научной конференции. Казань, 1998, с.14-15
- Руденко К.А., 1998а.* Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993-94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Выпуск 1. Йошкар-Ола. – С.60-71.
- Руденко К.А., 1998б.* К вопросу о взаимодействии волжских болгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII–XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica, № 1(2). – С.15-29.

- Руденко К.А., 1999.* Могильник на острове «Песчаный» // Татарская археология, № 1-2 (4-5). Казань. – С.61-76.
- Руденко К.А., 2000.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII – XIV вв. Казань: «Репер». – 155 с.
- Руденко К.А., 2001.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: «Заман». – 256 с.
- Руденко К.А., 2002.* «Татарская земля»: археологические памятники XIV – начала XV в. в Среднем Поволжье // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Выпуск 135. М. – С.154-165.
- Руденко К.А., 2006.* Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // Татарская археология / Кочевой мир Средней Евразии и Золотая Орда, №1-2 (16-17). – С.89-196.
- Руденко К.А., 2007.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: «Школа». – 244 с.
- Руденко К.А., 2007а.* Славяноидная керамика селищ низовой Камы XIV–XV вв. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино 5-10 августа 2006 года). Йошкар-Ола. – С. 349-355.
- Руденко К.А., 2008.* К вопросу о захоронениях с конем в Поволжье и Предуралье во второй половине I – первой половине II тыс. н.э. // Археология Степной Евразии: международный сборник научных трудов. – Кемерово: Изд-во КузГТУ. – С.5-17.
- Сафаргалиев М.Г., 1996.* Распад Золотой Орды. // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X – XIV вв. М.: «Инсан». – С.280-530.
- Семькин Ю.А., Казаков Е.П., 2003.* Исследования новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань. – С.114-138.
- Смирнов А.П., 1951.* Волжские Булгары / Труды ГИМ. Выпуск XIX. М. – 275 с., XVIII табл.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1994.* Золотоордынские города Поволжья. М. – 232 с.

Геннадий Гарустович, Владимир Иванов, Степан Шилов Средневековые могильники лесостепной зоны Западной Сибири

Начало изучения древностей эпохи средневековья в лесостепной зоне Западной Сибири было положено еще в XIX веке (Зограф Н.Ю. 1880). Но и на сегодняшний день, количество исследованных памятников не велико. Среди археологических объектов Курганской и сопредельных областей, практически не известны грунтовые могильники, да и другие виды погребальных памятников эпохи средневековья исчисляются единицами. В связи с этим, выявление и стационарное изучение новых грунтовых некрополей эпохи раннего и позднего средневековья представляет большой интерес для региональной археологической науки. Наша статья посвящена рассмотрению итогов раскопок трех могильников в Зауралье.

Грунтовый могильник Усть-Сурка IV расположен в 80 км к северу от г. Кургана, на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Тобол. Терраса распаивается, следов курганных насыпей не отмечалось. Под слоем пашни, на уровне материка расчищены три погребения (5 костяков) захороненные в гумусном слое. По этой причине контуры могильных ям не прослеживались. Человеческие останки сильно повреждены пахотой.

Погребение 1 (Рис. 1,1). Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Череп развернут на правый висок, лицом к югу. Руки и ноги вытянуты. Вдоль левой ноги (слева от нее) фиксировались остатки обгоревшего дерева, а рядом с правой (справа от нее) обнаружены мелкие угольки.

Вещи: вдоль левой руки, между ней и позвоночником, найдены сильно коррозированные куски железного предмета (может быть – сабли), на месте живота, поверх тела, лежал истлевший футляр из дерева и бересты, размером 30x10 см, здесь же расчищены остатки ремня, от которого сохранилась лировидная серебряная пряжка (Рис. 1,8), пять одинаковых бронзовых накладок (Рис. 1,9) и еще четыре бронзовые накладки различного вида (Рис. 1,4-7).

Погребение 2 (Рис. 1,3). Коллективное захоронение из трех костяков (2 – взрослых людей и ребенок) сопровождалось костями лошади.

Костяк 1 (северный) лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Череп развернут на левую сторону, лицом к северу. Руки и ноги вытянуты. Ступни ног скрещены, возможно они были связаны. Возле самой головы лежали кости ног лошади (рис. 1,3). Вещей нет.

Костяк 2 (центральный) размещен параллельно мужскому (?) костяку 1, рядом с ним. Покойная (?) лежала вытянуто на спине с ориентировкой головой к западу. Череп покоился на затылке, лицом кверху. Левая рука и ноги вытянуты. Правая рука полусогнута в локтевом суставе, кисть – на тазовых костях. Возле головы обнаружена крупная кость лошади.

Вещи: возле правого виска фиксировались остатки разрушенного бронзового украшения; на поясе расчищен тлен футляра из дерева и бересты, размером 13x7 см, с бронзовыми украшениями; в футляре помещались два бронзовых браслета диаметром 6,5 см из круглого в сечении дрота (диаметр 0,5 см) и два перстня (разрушены).

Костяк 3 (южный) разрушен при распашке. Кости подростка перемешаны. Вещей нет. Покойный ориентирован головой на запад или СЗ (рис. 1,3).

Погребение 3 (рис. 1,2). Костяк сильно пострадал при распашке. Ориентировка головы – к западу. Ноги вытянуты. На костях левой стопы расчищены серебряные и бронзовые накладки от обуви или ремня, которым были перевязаны ноги.

Находки представлены двумя серебряными накладками (Рис. 1,10-11), и двумя бронзовыми штампованными нашивками (Рис. 1, 12-13), а также двумя бронзовыми накладками (Рис. 1, 14).

Интересны особенности погребальной обрядности могильника Усть-Суерка – IV. Мы предполагаем, что погребения являются грунтового могильника, но исключить наличие курганных насыпей в древности также нельзя. Если насыпи ранее и были, то они полностью распаханы. Ориентировка покойных единообразная – к западу. Поза погребенных унифицированная – на спине, с вытянутыми конечностями. Выделим такие черты обряда: незначительная глубина захоронений, наличие отдельных костей лошади в головах костяков погребения 2. Названные элементы похоронной традиции (добавим сюда еще и западную ориентировку) находят аналогии в обряде захоронения кушнаренковской и караякуповской культур второй половины I тысячелетия в Приуралье. По всей видимости, данные черты следует считать признаками угорской погребальной обрядности.

Вещевой инвентарь могильника немногочислен и единообразен, это бронзовые и серебряные предметы поясной гарнитуры – пряжка и накладки ремня. Датирующим материалом погребений являются Т-образные, геральдические и ланцетовидные накладки. Р.Д. Голдина аналогичный «геральдический комплекс» Верхнего Прикамья объединяет в рамках агафоновской стадии ломоватовской культуры конца VI-VII вв. или бартымской стадии неволинской культуры (Голдина Р.Д. 1985. С. 126-128, рис. 16; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. 1990. С. 92-93. Табл. XXX и др.). Практически, этим же временем датирует геральдический комплекс Средней Волги А.В. Богачев. Поясная гарнитура аналогичного облика отнесена им к зинovieвской стадии степных древностей второй половины VI-VII вв. (Богачев А.В. 1992. С. 155, Рис. 27-28). Н.А. Мажитов на материалах Приуралья относит «геральдику» к VIII в. (Мажитов Н.А. 1993. С. 126-130, рис. 3), что представляется значительным омоложением комплекса. Т-образные и геральдические накладки в редких случаях «доживают» до начала VIII века (Генинг В.Ф., Зданович С.Я. 1986. С. 128), но растягивать время их бытования на все столетие нет никаких оснований.

Таким образом, могильник Усть-Суерка IV датируется концом VI-VII веками. Эта дата вполне подтверждается хронологией лировидных пряжек (Ковалевская В.Б. 1979. С. 33-35, Табл. XV-XVI).

В могильнике Усть-Суерка IV не найдена керамика, по этой причине сложно определить культурную принадлежность памятника, но можно отметить близость его Лихачевскому некрополю в Абатском районе Тюменской области. Именно здесь мы находим самые близкие аналогии геральдическим накладкам и лировидной пряжке могильника Усть-Суерка. Лихачевский грунтовый могильник относится к потчевашской археологической культуре (Генинг В.Ф., Зданович С.Я. 1986. С. 130), которая соотносится специалистами с самодийскими или угорскими племенами. Хронологические рамки бытования Лихачевского некрополя близки дате могильника Усть-Суерка IV: VI – начало VIII веков (Там же. С. 128).

Грунтовый могильник «Козырь» расположен в 2,5 км к юго-востоку от с. Прыгово Щадринского района Курганской области, в 1,5 км от дер. Осинки, на невысоком мысу левого берега р. Исеть. Могильник занимает часть юго-восточной оконечности мыса, образованного руслом реки Исеть и левым берегом р. Сор – притока Исети, Ровная площадка мыса задернована, с севера засажена соснами. К северу от могильника, находится средневековое городище «Козырь». Раскопки проводились в 1991 году.

На юго-восточной оконечности мыса заметна оплывшая яма, где ранее добывали песок. В этой траншее был найден череп взрослого человека и заложен раскоп площадью 64 кв.м (Рис.2,1). В раскопе обнаружено несколько зольников, керамика эпохи железа (Рис.3,10-11), обломки посуды и вещи боборыкинской культуры (Рис. 3,6-7). Вблизи очагов найдено несколько фрагментов лепной керамики эпохи средневековья (Рис.3,8-9), без орнамента.

Всего в раскопе обнаружено три погребения, расположенных в ряд вытянутый по линии С-Ю (Рис. 2,1).

Погребение 1 (Рис. 2,3). Обнаружено на границе квадратов 7 и 10, на глубине 0,67 м от точки 0, в слое погребальной почвы. Очертания могильной ямы не прослежены и определяются по остаткам деревянной рамы, размером 1,9х0,7 м, ориентированной по линии ЮЗЗ-СВВ.

Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на ЮЗЗ. Череп отсутствовал. Левая рука вытянута вдоль тела. Кости правой руки отсутствуют, но в области таза сохранилась кисть руки. Ноги скрещены в области берцовых костей (Рис.2,3). По всей видимости, перед нами угорская традиция связывания ног покойных. Бедренная кость правой ноги отрублена до суставной головки и эта часть конечности отсутствует.

Вещи: на плечевой кости левой руки лежал плоский железный наконечник стрелы с черешком и ромбическим в сечении пером (Рис. 2,5); возле локтя этой же руки обнаружено железное несомкнутое калачевидное кресало и два кусочка кремня (Рис. 2,11-13); у бедренной кости левой ноги лежала костяная трапецевидная пряжка с железным подвижным язычком (Рис. 2, 18-19); здесь же, у стенки могилы, помещались два железных плоских наконечника стрел, ромбические в сечении (Рис. 2, 6-7); у стоп лежала железная восьмерковидная пряжка; на костях таза расчищены остатки круглой железной поясной пряжки.

В 0,2 м к северу от могилы, на глубине 0,4 м от точки 0, напротив коленей погребенного, обнаружен жертвенный комплекс состоящий из челюсти, костей ног лошади и обломков горшка (Рис. 2,3).

Сосуд лепной, плоскодонный, кострового обжига. Основной отощительной примесью в тесте глины был сеяный песок. Диаметр венчика по наружному контуру – 14,4 см, высота – 12,3 см, диаметр дна – 8,8 см, максимальная ширина тулова – 15,4 (Рис. 3,1). Край венчика отогнут наружу, верхний его срез уплощен. Горшок украшен по венчику и на плечиках поясками из оттисков овальной в сечении палочки (Рис. 3,1). Оттиски гуще накальвались в поясках на месте перехода венчика в тулово и на верхней части плечиков.

Погребение 2 (Рис. 2,4) обнаружено над южной половиной погребения 1. Захоронение впускное.

Могильная яма подпрямоугольная, с вогнутыми длинными стенками, ориентирована по линии З-В, размером 1,8x0,55 м от точки 0 (Рис. 2,2). На глубине 0,85 м лежал костяк мужчины старческого возраста, в положении вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Голова запрокинута. Верхняя челюсть полностью атрофирована, отверстия от корней зубов заросли. Правая рука откинута от тела и положена ладонью наружу. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть ее лежала на головке бедренной кости. Правая нога полусогнута. Стопы ног сведены вместе. Мы предполагаем, что они были связаны при захоронении (Рис. 2,2). Вещей нет.

Судя по положению костяка, погребенный умер без присмотра и был обнаружен уже окоченевшим. Его могильная яма была впущена сверху и разрушила южную половину погребения 1, но срок прошедший между совершением этих двух захоронений был явно небольшой.

Погребение 3 (Рис. 2,1). Обнаружено на глубине 0,4 м от точки 0; в слое погребенной почвы.

Очертания могильной ямы прослеживались по контуру деревянной рамы, размером 1,3x0,56 м, ориентированной по линии З-В. Внутри рамы, на глубине 0,56 м обнаружен костяк подростка, который лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Череп раздавлен. Руки полусогнуты в локтевых суставах, кисти уложены на кости таза. Ноги вытянуты (Рис. 2,4).

Вещи: с левой стороны черепа обнаружены подпрямоугольная серебряная подвеска с пуансонным орнаментом по краям (Рис. 3,5). Справа от черепа найдена расколота кость животного. На шее покойного находится бронзовый круглый медальон с остатками ткани (Рис. 2,23). Рядом расчищены обрывки кожи от мешочка. Возле кисти левой руки обнаружены две железные округлые пряжки – кольца (Рис. 2, 8-9) от поясного ремня и обломки железных язычков (Рис. 3,12,15). Между левой бедренной костью и деревянной рамой лежали костяные срединные накладки лука (Рис. 2,24, 3,3). По всей видимости, к луку относятся костяной предмет с раздвоенным концом (рис. 3,2) и две костяные мелкие накладки-фикса-

торы (Рис. 2,14-15). Здесь же найден железный однолезвийный нож с черешком (Рис. 2,15), плохой сохранности. Возле колена левой ноги лежала прямоугольная костяная пластинка с четырьмя отверстиями (Рис.3,16). Около стопы левой ноги найден пучок из четырех плоских железных наконечников стрел, с ромбическими и треугольным пером (Рис. 2,17, 21-22), а также – две костяные стрелы (Рис. 2,20). Рядом лежала кучка астрагалов барана (Рис. 3,13-14,17), которые традиционно считаются детскими игрушками. В области ног, в заполнении ямы встречались угольки.

Перекрытие могилы состояло из двух, широких горбылей с корой, уложенных вдоль ямы. На перекрытии, в области живота ребенка, обнаружены фрагменты разбитого горшка (Рис. 3,4) без орнамента. Сосуд лепной, круглодонный, кострового обжига, с обильной примесью талька в глиняном тесте. Диаметр венчика – 9,2 см, высота – 8,7 см. Венчик невысокий, цилиндрический. Сосуд слабопрофилированный (Рис. 3,4).

Развал еще одного слабопрофилированного сосудика найден в 0,2 м к северу от могилы, напротив бедер покойного, на глубине 0,4 м от точки 0 (Рис. 2,4). Неорнаментированный сосуд, круглодонный лепной, неровного кострового обжига, с примесью крупнотолченого талька в тесте глины. Тулово горшка шаровидное (Рис. 3,9). Судя по обломку невысокого цилиндрического венчика, этот сосуд по форме напоминал горшок из погребения 3, но превосходил его размерами (Рис. 3,4,9).

При захоронении покойного в погребении 3 могильная яма прорезала зольник в котором встречались фрагменты керамики эпохи бронзы. Таким образом, до того как в эпоху средневековья мыс стал использоваться как кладбище, здесь в эпоху энеолита – бронзы и раннего железного века размещались береговые стоянки древних племен.

Погребальный обряд грунтового могильника Козырь единообразный. Захоронения совершались на небольшой глубине, они практически не прорезали материк. Как уже отмечалось, могильные ямы вытянуты по линии С-Ю (Рис. 2,1). Все три костяка разновозрастные – подросток, взрослый мужчина и субъект старческого возраста. При захоронении, покойные укладывались в деревянные гробовища, изготовленные в виде прямоугольных ящиков или рам из плах или горбылей. В погребении 3 отмечены остатки крышки гробовища или перекрытие из дерева. Костяки ориентированы головами на запад, лежали на спине, с вытянутыми ногами. Ноги покойных связаны, как это было принято у горских племен Приуралья (памятники мясимовского типа, чияликская культура). Руки \полусогнуты в локтевых суставах (кисти – на тазовых костях) или вытянуты вдоль тела. Судя по развороту лицевых частей черепов, среди исследованных захоронений следы исламской обрядности не фиксируются. Во всяком случае, ребенок поверну лицом кверху, а у покойника старческого возраста голова неестественно запрокинута (Рис. 2,2,4). Двое из трех покойных сопровождалась погребаль-

ным инвентарем. Набор вещей небольшой, но выразительный – предметы вооружения и украшения. Наборы железных и костяных наконечников стрел лежали слева от тела покойных, в ногах. По всей видимости, стрелы хранились в колчанах. Следы колчанов не отмечались, но наконечники лежали кучками, что позволяет предполагать наличие футляров для стрел. В колчане стрелы размещались остриями вниз. Лук, по всей видимости – наборный, также помещен слева от тела покойного (погр. 3). На груди подростка сохранилась дисковидная подвеска с ушком (Рис. 2, 23). Наличие подобных подвесок мы считаем «племенной» традицией угорских племен. Во всяком случае, они обязательно присутствуют в захоронениях чияликских некрополей Приуралья (Кушулевский, Азметьевский, Такталачукский, Кишертский) и Зауралья (Пылаевский) (Казаков Е.П. 1978. Рис. 33, 27; 44, 15; Кутаков Ю.М., Старков А.В. 1977. Рис. 15-17). Хотя подобные украшения встречаются также в могильниках финских племен (Иванова М.Г. 1992. С. 41-43, Рис. 12, 37, 1-4, и др.).

Интересна находка двух колец-пряжек в погребении 3. У чияликских племен Приуралья поясами, у которых пряжки заменялись зажимом из двух колец, обычно связывали ноги покойных.

Предметы быта представлены железным ножом, кресалом, обломками кремня и астрагалами-игрушками. Хозяйственные предметы (кресало, нож) лежали в погребениях 1 и 3 рядом с локтем левой руки.

Покойные хоронились в одежде, во всяком случае, куски ткани фиксировались на груди костяка погребения 3. В этом же захоронении рядом с виском найдена серебряная подвеска крепившаяся ранее к шапочке или налобной повязке (Рис. 3,5).

Следы огненного ритуала отмечались лишь в погребении 3, где в области ног, в заполнении могилы фиксировались угольки.

Кости животных (лошади?) встречались в могиле (погр. 3) у головы человека и в жертвенном комплексе вблизи погребения 1 (Рис. 2,3). Использовались трубчатые кости и нижняя челюсть коня (?). Можно еще предположить, что костяные пряжки (погр. 1 и 3) обнаруженные рядом с левыми ногами скелетов являлись подпружными. Но это лишь предположение, поскольку они могли крепить портупей колчанов или налучья (Рис. 2,10; 3,16).

В состав жертвенного комплекса, расчищенного рядом с погребением 1, входил, помимо костей животного сосуд (Рис. 2,3). Еще один горшок составил жертвенный комплекс вблизи захоронения 3 (Рис. 2,4). В обоих случаях, жертвенные комплексы размещались к северу (слева) от могильной ямы, на уровне коленных суставов. Еще один сосуд найден на перекрытии (в засыпи) могилы № 3, на уровне живота подростка.

Обращает на себя внимание различие формы сосудов: рядом с погребением 1 обнаружен плоскодонный горшок, а в заполнении могилы № 3 и возле нее лежали круглодонные сосудики. Оба этих вида керамики встречаются на памят-

никах первой половины II тысячелетия в Зауралье. Плоскодонный горшок, схожий с рассматриваемым нами, найден (раскопки В.Ф. Генинга и Е.И. Морева 1968 г.) в погребении 3 кургана 1 Миаского II могильника. Встречается схожая посуда на городищах (Ермаково на р. Тагил) Западной Сибири (Кипарисова Н.П. 1956. С. 115). Круглодонные сосуды обнаружены нами на городище Усть-Терсюк в Курганской области в 1991 году. Но самые массовые аналогии плоскодонная посуда находит в Приуралье (Шиповский (поздний) могильник, Гумеровское городище). Здесь, на территории Башкортостана, известны селища в культурном слое, которых встречались оба вида керамики – круглодонная и плоскодонная (Горновское, Востоковское селища). Памятники с плоскодонными горшками локализуются вдоль всего западного склона Южного Урала в лесостепной зоне. Мы выделяем данную керамику в особый тип, названный «селеукским» (Гарустович Г.Н. 1998. С. 23).

Завершая наш обзор погребального обряда могильника «Козырь», отметим захоронение 1, в котором погребен мужчина погибший в бою (?). У него были отрублены (?) голова и бедренная кость правой ноги.

Датирующие вещи могильника невыразительны. Наконечники стрел узкой даты не имеют, они используются с конца I тысячелетия и до XIV–XV веков. Чаще всего их обнаруживают на памятниках XII–XIV веков. То же самое можно сказать о кресале и костяной «подпружной» пряжке. Несколько уточняет дату могильника дисковидная подвеска (Рис. 2,23). Подобные украшения бытуют в XI–XIV веках, но подвески малого диаметра наиболее типичны для XII–XIII веков (Иванова М.Г. 1992. Рис. 47). Именно временем XII–XIII вв. мы предварительно датируем грунтовый могильник Козырь.

Грунтовый могильник на территории селища Замараево раскапывался еще в 1946 году К.В. Сальниковым. В процессе стационарного исследования стоянки эпохи поздней бронзы, в Шадринском районе Курганской области, вблизи с. Замараево (Рис. 4,1), в раскопках II и IV были вскрыты шесть захоронений эпохи средневековья (Сальников К.В. Отчет 1946 г. С. 15-16). В раскопе II расчищено четыре погребения, в раскопе IV – еще два. Три погребения в раскопе II составляли ряд вытянутый по линии С-Ю.

Погребение 1 (раскоп II). Контуры могильной ямы выявлены на глубине 0,98 м от уровня современной поверхности, у дна ямы. Могила овальная, простая, ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ, размером 1,2х0,45 м. Вдоль северной стенки ямы лежал костяк ребенка 7 лет, вытянуто на спине, ориентирован головой на ЮЮЗ. Череп слегка склонен на правую сторону, к югу. Правая рука и ноги вытянуты. Левая рука полусогнута в локтевом суставе, кисть – у головки бедренной кости. Под скелетом фиксировались остатки подстилки в три слоя бересты. Вещей нет.

Погребение 2 (раскоп II). Располагалось в одном ряду с погребением 1, к югу от него. Могильная яма овальная, простая, ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ,

размером 1,6x0,65x0,5 м от уровня современной поверхности. Вдоль северной стенки ямы лежал скелет подростка, вытянуто на спине, ориентирован головой на ЗЮЗ. Руки и ноги вытянуты. Череп склонен лицевой частью на грудь.

Костяк был накрыт поперечными жердями поставленными наклонно, в два слоя. По всей видимости, это было оригинальное перекрытие из жердей начинающихся от северной стенки и опирающихся на дно у южной стенки. Во втором ряду жерди размещались продольно. Перекрытие напоминает заклад подбоя в мусульманских захоронениях. С правой стороны от скелета, начиная от плеча и до пояса, располагался ряд мелких галек. Вещей нет.

Погребение 3 (раскоп II). Разрушено грабителями. Могильная яма деформирована и имела округлую форму, глубиной 0,85 м, ранее она была ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Кости человека перемешаны. Вещей нет.

Погребение 4. На территории раскопа II в культурном слое найдены детские черепа. Контуры могильных ям не фиксировались. Кости конечностей и позвоночника не сохранились. Вещей нет.

Погребение 5 (раскоп IV). Контуры могильной ямы не прослежены. В культурном слое селища, на глубине 0,45 м от уровня современной поверхности расчищены кости ребенка перемешанные грабителями. На костях и между ними обнаружены куски обожженной глины – обмазки в виде лепешек. Грунт на месте захоронения пропитан каким-то веществом серо-зелено цвета. Вещей нет.

Погребение 6 (раскоп IV). Могильная яма прямоугольной формы, простая ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ, размером 2,25x0,7 м. Углублена в материк на 0,25 м.

Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на ЗЮЗ, лицом налево (к северу). Руки полусогнуты в локтевых суставах, кисти покоились на тазовых костях. Ноги вытянуты (Рис. 4,2).

Ноги покойного посыпаны золой и кусочками обожженной глины. Под скелетом фиксировался слой берестяной подстилки. На левом плече покойного расчищены остатки тканного украшения, расшитого серебряными нитями орнаментом в виде крестов и коньков.

Стенки могильной ямы обложены досками (рама?). Деревянный склеп перекрыт сверху поперечным деревянным настилом из плах.

В культурном слое селища в разных местах встречались фрагменты гончарной красноглиняной керамики болгарского типа, обломки обожженных кирпичей (Рис. 4,3), глиняное грузило (Рис. 4,4), и другие вещи эпохи средневековья. Керамика с примесью песка в глиняном тесте, украшена многорядной волной.

В погребальном обряде Замараевского грунтового могильника фиксируются черты продиктованные исламскими канонами. Причем, эти черты абсолютно идентичны элементам раннемусульманского обряда чияликских могильников Приуралья (Такталачукский, Азметьевский, Дербешкинский, Горновский и др.): преобладание юго-западной ориентировки костяков, небольшая глубина захоро-

нений; безинвентарность костяков; наличие следов огненного ритуала, присутствие пережитков язычества; редкое использование гробовищ-табутов; захоронения в одежде. Под пережитками язычества мы подразумеваем нарушение требований шариата об обязательном повороте лица на кыблу (в сторону Мекки). При западной ориентировке костяков, покойные должны быть повернуты лицом к югу, то есть на правую сторону. В погребении 6 череп развернут на левый висок (к северу лицом), в погребении 2 череп ребенка лежал на затылке и был склонен на грудь. Лишь в погребении 1 Замараевского могильника фиксируется разворот лица на кыблу.

К разряду языческих пережитков можно еще отнести наличие берестяных подстилок (погр. 1,6) и куски обмазки в погребении 5. Прокалы и глиняные обожженные лепешки встречались в захоронении Верхне-Спасского могильника на западе Челябинской области (раскопки В.И. Фоминой 1951 г.). В погребении Замараевского могильника не отмечены такие исламские черты, как полуоборот тела покойного на правый бок, нет здесь подбоев-ляхедов. Кроме того, в погребении 6 расчищены остатки вышитой одежды, а не мусульманского савана (кефена).

Таким образом, перед нами могильник с раннемусульманским похоронным обрядом, который по аналогии с некрополями Приуралья (где встречались монеты) можно отнести к XIV в. Для уточнения датировки мы привлекаем комплекс станковой керамики Замараевского селища. К.В. Сальников писал в дневнике о том, что аналогичная гончарная керамика ему встречалась среди находок 1938 г. на правом берегу р. Синары, у дер. Сигряны в Челябинской области. Действительно, среди материалов с территории селища у дер. Сигряны еще В.Я. Толмачевым были найдены фрагменты сосудов изготовленных на станке и украшенных многорядной волной (Эрмитажная коллекция 1080). В 1949 г. сам К.В. Сальников вновь собрал здесь керамику (Сальников К.В. 1949) аналогичного облика В архиве К.В. Сальникова в г. Уфе хранятся фотографии этой керамики. По внешнему виду комплекс можно датировать XIII–XIV вв. Но если учесть, что В.Я. Толмачев, вместе с керамикой, нашел обломок чугунного котла (не ранее XIV в.), а Константин Владимирович в 1949 г. обнаружит образец (с серо-белой поливой), украшенный черной полоской), а также фрагменты горшков глазурованных голубой и синей поливой (с черными полосками), дату селища можно уверенно отнести к XIV в. По аналогии, к этому же времени мы относим находки на территории Замараевского селища и грунтовый могильник. Наличие могильников с исламским похоронным обрядом в лесостепной зоне Западной Сибири никого не должно удивлять. Напоминаем о том, что вблизи с. Замараево в 1866–67 и 1870 годах раскопки проводил А.Н. Зырянов, и в «мелких» курганах им были выявлены безинвентарные мусульманские захоронения (Зырянов А.Н. 1883. С. 73–86). К сожалению эти материалы описаны очень кратко.

Таким образом, материалы рассматриваемых нами грунтовых могильников со всей определенностью позволяют говорить о том, что на протяжении второй

половины I и первой половины II тысячелетий н.э. лесостепная зона Южного Урала, по обе стороны хребта, была заселена близкородственными племенами, связанными своим происхождением с угорским этническим миром. Данное население вошло в состав башкирского народа, этнические группы которого живут в Приуралье и в лесостепной зоне Западной Сибири до сих пор. Проникновение ислама на данные территории происходило в XIV веке. По всей видимости, значительный вклад в распространение мусульманской религии в зауральской лесостепи внесли болгарские купцы и чиновники государственного аппарата золотоордынской империи.

Литература

- Богачев А.В. 1992. Процедурно-методологические аспекты археологического датирования. Самара.
- Гарустович Г.Н. 1998. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс. к.и.н. Уфа.
- Генинг В.Ф., Зданович С.Я. 1986. Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
- Зырянов А.Н. 1883. Курганы и городища в Шадринском уезде и находки в них. // ЗУОЛЕ. Т. VII. Екатеринбург.
- Зограф Н.Ю. 1880. О раскопках курганов в Шадринском уезде Пермской губернии // Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. Ч. 1 – Известия ОЛЕАЭ. Т. 35. Ч. 1. Вып. 1. М.
- Казakov Е.П. 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.
- Кипарисова Н.П. 1956. Новые данные об археологических памятниках Тагильского края // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. II. – УэМолотГУ. Т. XI. Вып. 3. Харьков.
- Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки – САИ. Вып. E12. М.
- Кутаков Ю.М., Старков А.В. 1997. Пылаевский грунтовый могильник. // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. I. Екатеринбург.
- Мажитов Н.А. 1993. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XIV вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Сальников К.В. Отчет 1946 г. – Архив УНЦ РАН (г. Уфа).
- Сальников К.В. Отчет 1949 г. – Архив УНЦ РАН (г. Уфа).

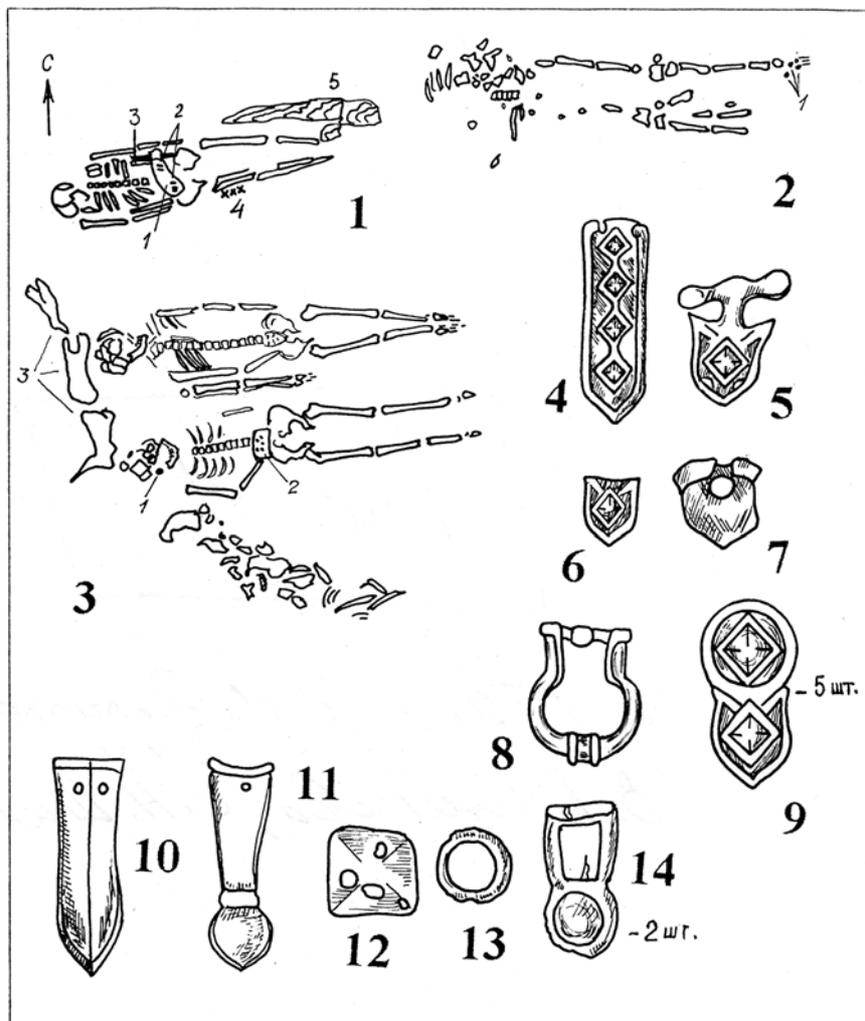

Рис. 1 Могильник Усть-Суерка IV: 1 – план погребения 1 (1 – остатки бересты и дерева от футляра, 2 – украшения, 3 – железный коррозированный предмет (м.б. сабля), 4 – уголь, 5 – обгоревшее дерево); 2 – план погребения 3 (1 – остатки бронзовых и серебряных украшений); 3 – план погребения 2 (1 – разрушившееся бронзовое украшение, 2 – футляр с бронзовыми украшениями, 3 – кости лошади, 4 – разрушенный пахотой третий скелет), 4-7,9 – бронзовые накладки пояса из погребения 1; 8 – серебряная пряжка из погребения 1; 10-11 – серебряные ланцетовидные накладки из погребения 3; 12-14 – бронзовые накладки из погребения 3.

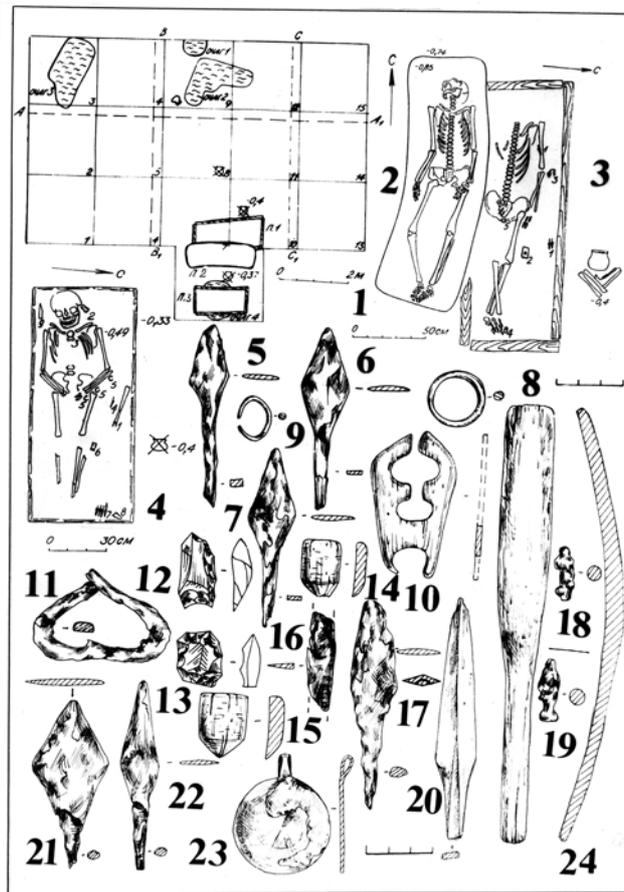

Рис. 2. Могильник Козырь: 1 – план раскопа; 2 – план погребения 2; 3 – план погребения 1 (1 – наконечники стрел, 2 – костяная пряжка, 3 – кресало и кремни, 4 – железная прямоугольная пряжка, 5 – железная круглая пряжка); 4 – план погребения 3 (1 – костяной предмет с раздвоенным концом и костяная накладка лука, 2 – серебряная подвеска с выпуклинами, 3 – бронзовая дисковидная подвеска – медальон, 4 – железный нож, 5 – железные кольца (пряжки?), 6 – костяная пластинка с отверстиями (пряжка?), 7 – два костяных и четыре железных наконечника стрел, 8 – астрагалы барана, 9 – кость животного); 5-7 – железные наконечники стрел, из погребения 1; 8-9 – кольца-зажимы от поясного (?) ремня из погр. 1; 10 – костяная пряжка из погр. 1; 11 – кресало из погр. 1; 12-13 – кремни из погр. 1; 14-15 – костяные накладки-фиксаторы (?) от лука из погр. 3; 16 – обломок железного ножа из погр. 1; 17, 21-22 – железные наконечники стрел из погр. 3; 18-19 – обломки язычка (?) от пряжки из погр. 1; 20 – костяной наконечник из погр. 3; 23 – дисковидная бронзовая подвеска-медальон из погр. 3, 24 – костяная накладка лука из погр. 3.

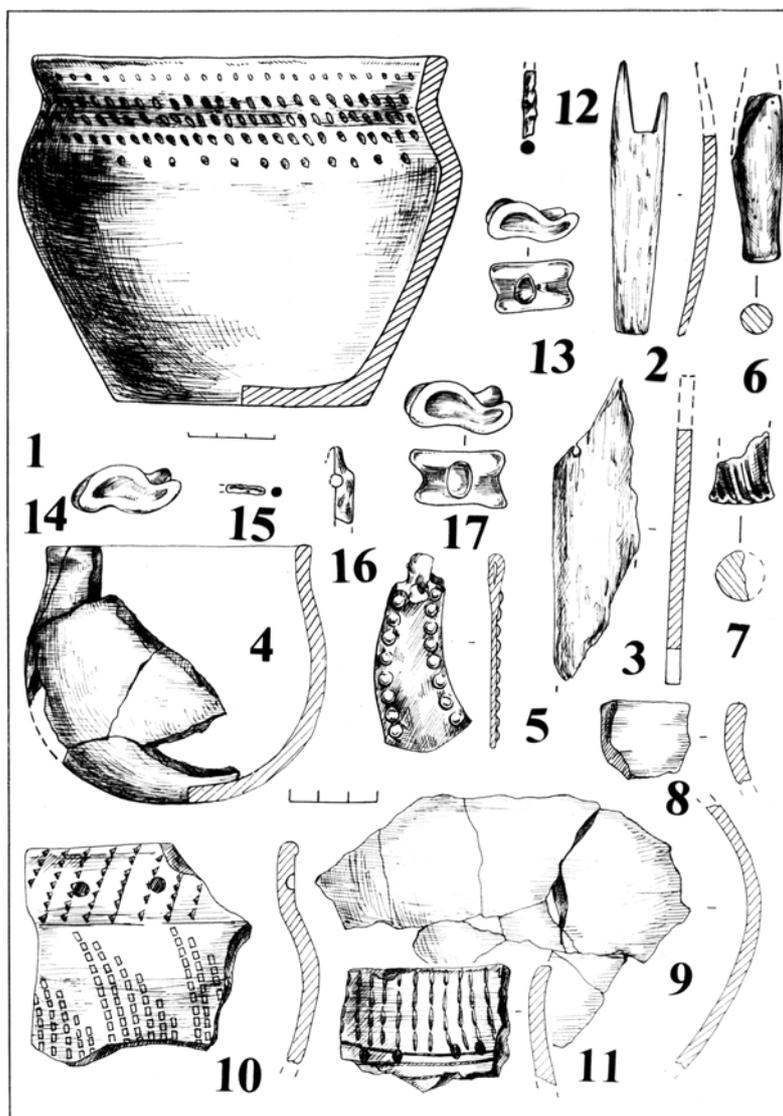
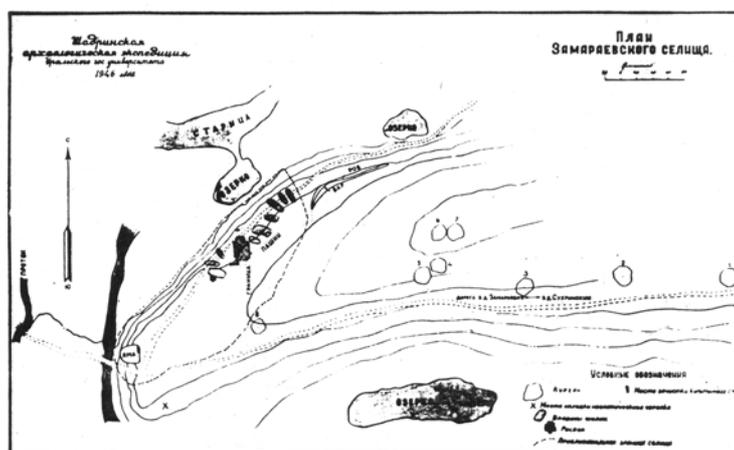
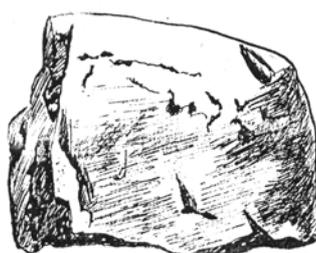

Рис. 3. Могильник Козырь: 1 – сосуд из жертвенного комплекса погр. 1; 2-3 – костяная накладка лука из погр. 3; 4 – сосуд из засыпи погр. 3; 5 – серебряная подвеска из погр. 3; 6-7 – глиняные изделия с территории раскопа; 8-9 – фрагменты сосуда из жертвенного комплекса погр. 3; 10-11 – венчики сосудов с территории раскопа; 12, 15 – обломки железных язычков (?) пряжек из погр. 3; 13-14, 17 – астрагалы из погр. 3; 16 – обломок костяной пластины (пряжки?) из погр. 3.

1

2

3

4

Рис. 4. Замираевский грунтовый могильник (чертеж, фотография и рисунки К.В. Сальникова): 1 – план селища (1946 г.); 2 – фото погребения 6; 3 – обломок обожженного кирпича с территории раскопа; 4 – глиняное грузило с территории раскопа. 3-4 – масштаб, предположительно 1:1.

Рис. 5. Гончарная керамика Синарского селища (по К.В. Сальникову).

Геннадий Гарустович

**Некрофагия и чаши из черепа человека
(анализ сообщений письменных источников)**

Если бы предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ... выбрал бы свои собственные. Так, каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни некоторым образом наилучшие.

(Геродот. III, 38)

Объектом нашего внимания в данной статье стали древние ритуальные действия, зафиксированные у совершенно разных народов на огромной территории. При этом с точки зрения современного человека, обряды некрофагии, то есть поедания тел умерщвленных людей, а также изготовление сосудов для питья из человеческого черепа, назвать вещами приятными никак нельзя. Но тут все дело в приоритетах, мы относимся к ним как фактам научной фактологии необычного явления. Нами движет стремление понять мотивацию одной из интереснейших традиций в человеческой истории, связанной с языческим мировосприятием наших предков. Начнем с сообщений средневековых авторов.

В 971 г., изрядно потрепанная византийцами дружина киевского князя возвращалась из Болгарии. Святослав поднимался вверх по Днепру на ладьях, но печенеги, подстригаемые греками, перекрыли водный путь в районе порогов. Дальнейшие события коротко описаны в Повести временных лет (по Лаврентьевской летописи 1377 г.), под 972 г. *«Весне же приспевши, в лето 6480, поиде Святослав в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенежский иубита Святослава, и взяша главу его, и во лбе сделаша чашю, оковавшие лоб его, и пяху изнего»* [ПВЛ. 1996. С. 35]. В сборнике Российской национальной библиотеки (F.IV.214, летопись сходная с Тверской) отмечено следующее дополнение: *«И есть чаша сия донине хранима в казнах князей печенезких, пяху же из нея князи со княгиню в чертозе, егда поимаются, глаголющее еще: каков был сий человек, его же лоб есть, таков буди и родившея отнас. Тако же и прочих вой его лбы изоковаша сребром и держаку у себе, пьюще з них»*. В комментариях, Д.С.Лихачев относил составление этой записи к XI–XII векам [Там же. С.447], поскольку печенеги последний раз упоминаются в русских письменных источниках под 1169 г. (Ипатьевская летопись).

В средневековых письменных источниках имеется еще целая серия сообщений об использовании человеческих черепов в качестве чаш для питья, но эта информация касается народов восточной части Азии. Например, из подобной чаши на пирах пил Чингисхан. Сосуд был сделан из головы правителя керейтов

Он-хана (Ван-хана), первоначально – многолетнего союзника и покровителя Темучжина, а в последствии – соперника и побежденного врага [Путешествия... 1957. С.234. Прим. 172 к тексту Рубрука]. Правда, Рашид-ад-дин говорит о том, что чашу из головы Ван-хана (а он был «уважаемым государем древнего рода») приказал изготовить Таян-хан найманский: *«Он повелел обделать голову Он-хана в серебро и [в течении] некоторого времени клал ее на свой престол, ради [приобретения] почета и для выражения величия»* [1952. Т.1. Кн.2. С.134, 252].

Данный случай очень близок примеру с посмертной судьбой князя Святослава, но следующие сообщения о традициях азиатских народов, дают нам несколько иную причинно-следственную зависимость. Здесь четко проявляется взаимосвязь чаш из человеческих черепов с жертвоприношениями родственникам, и даже с некрофагией. Гильом Рубрук сообщал о подобных обычаях у тибетских горцев: *«Тибетцы, люди, пожиравшие прежде своих, умерших, родителей, так как по чувству сыновней любви они не признают для них другой могилы, кроме своих внутренностей. Теперь, однако, они это оставили, так как стали возбуждать отвращение у всех народов. Однако они все еще делают красивые чаши из голов родителей, чтобы при питье из этих чаш вспоминать о родителях во время своего наслаждения. Это рассказал мне очевидец»* [Там же. С.131].

Рубрук возглавлял посольство французского короля Людовика IX в Монголию в 1253–1255 гг. Из текста монаха-минорита становится понятным, что в XIII веке фиксируются уже пережиточные формы затухающего древнего языческого обряда, осуждаемого всеми соседями. По всей видимости, данному сообщению можно доверять, хотя бы по тому, что схожая информация содержится у других западноевропейских путешественников. Посланнык папы Иннокентия IV – францисканец Плано Карпини (поездка 1245–1247 гг.) писал об *«удивительном, а вернее сказать, достойном сожаления обычае»* язычников Тибета: *«Когда чей-нибудь отец свершает долг человеческой природы, они собирают всю родню и съедают его, как нам говорили за верное»* [Путешествие... С.42]. Об этом же говорит итальянский купец Марко Поло (кон. XIII в.): *«Если случилось, что приходил сюда какой-нибудь красивый, либо знатный человек (выделено мною – Г.Г.), или иной какой, что им нравился, и приставал у кого в доме ночью, они его или отравляли, или как-нибудь убивали, только он погибал. Не думайте, что убивали с тем, чтобы ограбить его деньги: делалось это для того, чтобы его красота, доброта, ум и душа остались в доме (выделено мною – Г.Г.). И пока не покорил их великий хан, убивали они ради этого многих. А с тех пор как... покорил их великий хан, перестали они так злодействовать»* [Книга... 1990. С.127].

В целом, поеданием «себе подобных» грешили не только «дикие тибетцы», но и монголы, и некоторые племена Китая [Путешествие... С.87, 162, 163, 165]. Плано Карпини утверждает даже, что подобное нетрадиционное «продовольственное обеспечение» войска санкционировалось самим Чингисханом, для чего *«...они брали тогда для еды одного из 10 человек»* [Путешествие... С.35, 40].

Китайские горцы – «это самые жестокие в свете люди. Что ни день, убивают они людей, и кровь пьют, и мясо съедают» [Книга... С.152]. О том, что некрофагия идолопоклонников была общественным мероприятием становится понятным из слов М.Поло: «...сзывают ... своих родных и друзей: «Приходите, – говорят им, – к нам в дом обедать». Убивают они тут пленного и вместе с родными сжигают его. Варят они его и, знаете, человеческое мясо почитают за самую лучшую еду» [Там же. С.158].

Средневековые авторы прямо не говорят о том, что людоеды руководствуются религиозными мотивами, но это совершенно определенно вытекает из самого контекста их информации. Только у Рубрука прозвучала мысль об органической взаимосвязи ритуального каннибализма с традицией использования чаш из черепов людей. Некрофагия явно имела более широкое распространение. Причем, поедание людей никоим образом не было «вопросом питания» (по образному выражению В.С.Высоцкого). Марко Поло подчеркивал: «...а кто умрет своею смертью, того никогда не едят», или «...коли человек не своей смертью помер, а железом убит, такое мясо считается отличным» [Книга...С.87, 152]. Сами участники кровавого действия объясняли его очень просто – заботой о душе покойного (иначе «грех будет и вред ей») [Там же. С.163]. Это была обрядовая практика, связанная с представлениями о загробной жизни, с необходимостью жертвоприношений душам предков, основанная на идее покровительства родственников ушедших в мир иной.

Из приведенных сообщений средневековых письменных источников вытекает наличие двух вариантов, или двух направлений в ритуальных действиях: а) объектом коллективного поедания становился родственник, как правило, человек пожилой (а значит – уважаемый). Чаша напоминала детям об их самоотверженном предке, «добровольно» ушедшим в мир духов; б) в отдельных случаях, можно было съесть (или просто, воспользоваться головой) иноплеменника. Но в таком разе, он должен быть авторитетным, смелым, родовитым, или хотя бы красивым. Примеры с князем Святославом и Он-ханом, относятся ко второму варианту обрядовых действий. При кажущемся сходстве двух направлений древнего ритуала, по нашему мнению, в основе их лежат разные сакральные идеи. В первом случае (I), это стремление иметь общего семейно-родового заступника, а во-втором (II) – желание вождя заполучить личного (династического) покровителя. Мы называем **I вариант** «общественно-родовым», считаем его более ранним, связанным своими корнями с родовыми, первобытно-общинными отношениями (правда, на стадии их разложения). **Вариант II**, более развитый, условно назван «вождистским» (подразумевающим достаточно развитую дифференциацию общества, наследственную власть, и идею сверхъестественной санкции власти). Подробнее об этом мы поговорим ниже, а пока обратимся к еще одному пласту интересующей нас информации.

Здесь наше внимание привлекает серия известий относительно некрофагии скифов и их соседей, содержащаяся в «Истории» Геродота из Галикарнаса (втор. пол. V в. до н.э.). Он пишет: *«Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет... С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников (если поссорятся с ними и когда перед судом царя один одерживает верх над другим). При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа ...Такой поступок у скифов считается доблестным деянием».* [Геродот. 2006. Кн.IV, 64-65].

«Об обычаях исседонов рассказывают следующее, – далее пишет Геродот, – когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают устраивают пиришество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому как это происходит на поминальном празднике у эллинов. Этих людей также считают праведными» [Геродот. 2006. Кн.IV, 26].

Геродот знает об исседонах очень немного, они живую далеко к северо-востоку от причерноморских степей занятых скифами, где-то вблизи с территориями савроматов и массагетов [1,201]. Когда-то исседоны вытеснили с этих земель скифов на запад [IV, 11]. Их обычаи во многом напоминают обычаи и нравы массагетов. «Отец истории» пишет о традициях родственных скифам племен массагетов: *«[Никакого] предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, но придают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву»* [I, 216]. Обычай ритуального поедания старцев отмечены Геродотом также у индийских племен падеев и каллатиев [III, 38,99], а умерщвления чужеземцев – у тавров [IV, 103].

Структура информации: Далее мы обратимся к рассмотрению деталей фактологии, содержащейся в письменных источниках. Начнем с более ранних (в стадийном, а не в хронологическом смысле) сообщений I варианта. Ознаком-

ление с текстами позволяет отметить наличие таких черт: 1) люди пожирали родственников (родителей); 2) обряд, в первую очередь, касался стариков, и они шли на это «добровольно»; 3) побудительной причиной являлось сыновнее чувство любви (для уходящих это было «величайшее блаженство»); 4) ушедших стариков считают праведными; 5) в отдельных случаях из черепа принесенного в жертву человека делали чашу; 6) данной чашей пользовались лишь родственники; 7) сосуд становится «священным кумиром»; 8) его украшают драгоценными оковками (лишь бедные просто обтягивают их кожей); 9) при питье из черепных чаш вспоминают родственников; 10) этим они приобщают предков к своему удовольствию («наслаждению»); 11) кумиру приносят ежегодные жертвы; 12) часть людей рода не приносят в жертву, их хоронили в земле, или как-то по другому (идея избранничества); 13) обряд отмирает, он был «прежде» (этот пункт отмечен у средневековых народов). Данные черты отмечены Геродотом у скифов, массагетов, исседонов, а также Рубруком, М.Поло, П.Карпини.

Но уже у М.Поло, фиксируются новые черты: 1) объектом поедания мог быть чужой человек; 2) он должен обладать какими-то положительными качествами (например, знатностью); 3) акт поедания был общественным мероприятием («сзывают родных и друзей»); 4) человеческое мясо считается «лучшей едой»; 5) людей съедали не из-за корысти; 6) целью было задержать душу хорошего человека в доме.

Важным показателем двойственности проявления обрядовых действий могут служить обычаи скифов. Чаши они делали из голов родственников (проигравших соперничество перед глазами царя), а также из черепов врагов-чужеземцев. Но не каждый враг был достоин сакрального действия, а «только самые лютые». Здесь начинают проявляться черты свойственные уже для II варианта, но направленные пока еще не на личные интересы вождя, а на «благо» семьи (естественно, патриархальной).

II вариант. В целом, из текстов летописей мы узнаем: а) князья языческих степных племен (конкретно, тюркоязычных кочевников – печенегов или монголов) эпохи средневековья из черепов своих врагов делали ритуальные чаши для питья; б) для такого «сосуда» использовались головы не всех противников, а лишь исключительно воителей-героев. Воинская слава князя Святослава (победителя волжских булгар, хазар, дунайских болгар, печенегов) и его ратников, была хорошо известна всем соседним народам; в) чаши изготовлялись не только вождями печенегов, но и рядовыми воинами. Ознакомление с археологическими материалами тюрков-печенегов не позволяет назвать данное действие ординарным явлением, но мы должны помнить слова летописца: «также и прочих вои...пьюще з них». Видимо, головы ветеранов Святослава, также были частью славы князя-воителя; г) использование голов русских воинов печенегами, не преследовало целей осквернения трупов. Наоборот, это было способом преклонения перед героизмом и воинской доблестью противника; д) чаши наделялись эзотеричес-

кими функциями. Ритуальное питье из такого сосуда должно было сакральными методами приобщить ее владельца к «сверхъестественной» силе и смелости погибшего героя; е) нельзя считать чаши простыми воинскими трофеями, поскольку из нее пил не только сам хан, но и его жены. Ритуальный смысл использования таких сосудов, заключался в том, что женщины после подобных возлияний будут рожать сыновей – будущих воинов-героев; ж) чаши оформлялись оковками. Надо думать, что для этих целей в первую очередь применялись благородные металлы («изоковаша серебром»); з) чаша из княжеского черепа долго хранилась у печенегов («в казнах»), в княжеском роду она передавалась по наследству.

Несмотря на внешнее сходство ритуальных действий, в них прослеживается разная основная направленность: а) в I варианте, цель – общественное благополучие, через привлечение дополнительного плодородия; б) во II варианте – сакрализация личной власти вождя (и благоденствие его семьи). Таким образом, письменные источники отображают комплекс взаимосвязанных обрядов (некрофагия и культ черепов) в динамике их развития.

Понимание данных фактологических посылок является первым шагом для рассмотрения смыслового значения необычных ритуальных действий. С нашей точки зрения, проблема имеет несколько различных познавательных аспектов: 1. достоверность источников; 2. территориально-этническое распространение обряда, и его хронологическую обусловленность (стадиальность); 3. самый сложный аспект – семантика.

1 аспект. Проблема достоверности источников имеет две стороны, которые кратко можно выразить так: а) можем ли мы доверять самому автору? (критика текстов); б) чем доказываются приведенные автором слова? (проблема подтверждения практикой). Вопросы не праздные, учитывая, например, то, что многие историки к информации Геродота относятся с большой долей скепсиса. Причем, такие взгляды вовсе не новы. Еще Плутарх написал специальное сочинение «О злокозненности Геродота», общая мысль которой сводится к обвинению «отца истории» в том, что он «уже многих ввел в заблуждение» [см.: Лурье С.Я. 1947. Приложение 1]. В наши дни попытки бросить тень на Геродота как на серьезного историка уже не предпринимаются, недоверию подлежат лишь отдельные приведенные им сюжеты (часть из которых были заведомо сказочно-фантастическими). Например, В.В.Струве подчеркивал: «Рассказ же о том, что массагеты убивали своих стариков и затем, подобно исседонам, пожирали, сварив их вместе с мясом разного скота, вряд ли заслуживает доверия. Он, очевидно, относится к злостным измышлениям со стороны соседних народов (выделено мною – Г.Г.), подобно рассказу Онесикрита о том, что бактрийцы кидали своих стариков и больных живыми на растерзание собакам» [Струве В.В. 1968. С.30]. Л.А. Ельницкий вообще относил информацию об исседонах к мифологическим представлениям с «гиперборейскими» чертами [Ельницкий Л.А. 1961. С.38–39]. Поскольку, гипербореи мифический народ, следовательно – слова Геродота об исседонах

следует отнести в счет его богатой литературно-мифотворческой фантазии. Такие сомнения возникали по поводу слишком многих «недостоверных» сюжетов греческого историка.

Но вот что интересно, чем шире проводятся археологические раскопки (а это именно та практика, которой нужно проверять достоверность информативной фактологии источников), тем больше возникает подтверждений справедливости слов выдающегося греческого историка. Давно уже не считаются фантастическими сообщения о снятии скифами скальпов с врагов. Практическое подтверждение нашли слова Геродота об изготовлении скифами колчанов из кожи поверженных противников [Федоров В.К., Горшкова В.Е. 2001]. Объективно, археологические находки служат ярким доказательством того, что сообщения Геродота вполне достоверны (конечно, с учетом научной критики отдельных фантастических деталей). «Несмотря на многие погрешности, по мере развития археологического изучения скифских древностей достоверность свидетельств Геродота находила все большее и большее подтверждение» [Нейхардт А.А. 1982. С.225]. Конечно нужно помнить, что «...древние писатели не могли освободиться окончательно от свойственного их времени мифологического мышления, и это постоянно сквозит из их произведений, где вымысел зачастую неотделим от реальности» [Ельницкий Л.А. 1961. С.42], но превращать критику в самоцель также ненужно. Геродот не скрывает того, что он часто использовал вторичную информацию («об этом рассказывают...»). Конечно, у специалистов больше доверия к аутопсии (т.е. виденному своими глазами) или к информации очевидцев (например, у Рубрука: «это рассказал мне очевидец»). Объем данной работы исключает возможность подробного рассмотрения в ней археологических материалов, отметим лишь что они уже достаточно представительны. В свою очередь, обращаться к семантике некрофагии и культа черепов без привлечения данных археологии бессмысленно. Этим целям мы решили посвятить особую работу.

2 аспект (стадиальность). Возникает вопрос – насколько корректно объединять для анализа выдержки из источников, которые разделяет «временная пропасть» в 1500 лет, а места действия людей находятся в тысячах километров друг от друга? Все правильно, древние писатели говорят о различных народах, живших в разные эпохи (в первом случае, это средневековье; во-втором – ранний железный век), даже в разных регионах, но информация содержит очень много общего. Это явно схожие идеологические воззрения, выразившиеся в аналогичных ритуальных действиях.

Территориально-хронологическая градация примеров некрофагии и связанного с ней обычая изготовления чаш из человеческих черепов, очень широк. Мы здесь не будем говорить о людоедах Океании, тех самых, которые «съели Кука». Хотя можно отметить, что южнее – австралийские аборигены превращали в сосуды для питья черепа своих уважаемых людей, в первую очередь, родителей и других близких родственников [Воеводский Л.Ф. 1877. С.21]. Посмотрим, как об-

стояли дела в нашем евразийском регионе. Рассказы Геродота стали отправной точкой для многочисленных сообщений античных авторов о андрофагии скифов и людях пьющих из черепов. Эти мрачные истории стали штампом при описании скифов и сарматов, ярко подтверждающим их «дикость и беспричинную воинственность». Но при этом, античные писатели добавляют очень немного к информации Геродота, чаще всего констатируя сам факт наличия у разных народов некрофагии и изготовление ими чаш из черепов родственников или соседей. Такая информация сообщается Исигоном Никейским [XLIX] у скифов-андрофагов; Аполлодором; Плинием [NH. VII, 2.12] у скифов; в «Александрийских пословицах» – у эседонов, тиссагетов и тавроскифов; Страбоном – у скифов [VII, 3.6], массагетов [VII, 29.6; XI, 8.5-6], казского племени дербиков [XI, 11.8], согдов, бактриан и каспиев [XI, 11.3; см. также: XV, 1.56]; Гаем Плинием Секундом [V, 49; VII, 9] – у скифов-антропофагов (людоедов); Валерием Флакком – у языгов; Плутархом [II, 13] – у скифов и кельтов. Данный перечень можно продолжать долго.

Выделим лишь информативные новации черт древней обрядности. В рассказе Геродота, у индийского народа падеев [III, 99] съедают: 1) не только мужчин, но и женщин; 2) эта участь является у них следствием болезни (т.е. неполноценности, такой же, как стариковская слабость). Страбон, наоборот, говорит о том, что массагеты «...умерших от болезни выбрасывают как нечестивых» [VII, 29.6]. Согласно Плутарху, варвары такие обряды объясняли тем, что таким образом они «...признавали богов, находящих наслаждение в крови убиваемых людей и считающих это совершеннейшей жертвой, священно служением» [II, 13]. Заведомо легендарной следует считать информацию Страбона о вегетарианстве сарматов, противопоставляемых скифам-людоедам [VII, 3].

Из анализа нарративных источников можно сделать вывод о нескольких ареалах распространения подобной культовой традиции: Тибет, Гималаи, Алтай (отсюда происходит археологическая находка чаши), Южный Урал («страна исседонов»), скифские земли Северного Причерноморья, территории Западной Европы заселенные кельтами. Рамки данной работы не позволяют подробно рассматривать факты с «кельтских территорий». Мы лишь констатируем наличие сообщений античных авторов об изготовлении кельтами чаш из черепов побежденных врагов. Ливии говорит о том, что галлы (бои) превратили в чашу голову убитого римского полководца Луция Постумия [Amm. XXIII, 24.12]. Страбон приводит аналогичный пример действий ирландцев [IV, 5.4]. Тиберий Катий Силии Италик эмоционально восклицал: «А кельты – о ужас! – охотно обделывают в золото кости очищенной от мозга головы и сохраняют такие чаши для пиров» [XIII, 482-487]. Известен факт наличия аналогичного обряда у германцев-лангобардов [Воеводский Л.Ф. 1877. С.41-44]. Представительный перечень «культы черепов» у кельтов приведен в работе В.Е. Радзиевской и Б.А.Шрамко [1980. С.186-187]. Причем, информативность этих материалов повышается за счет находок из святилищ, исследованных археологами.

Приведенные примеры со всей очевидностью показывают несостоятельность выводов Дж. Болтона и Томашека, о том что исседоны с их каннибализмом едва ли были индоевропейцами, некрофагия, якобы, более свойственна тибетцам и гималайским народам [см.: Пьянков И.В. 1967. С.178; Мищенко Ф.Г. 1896. С.119, и др.]. Подспудная мысль авторов ясна – не могли наши «культурные» предки – индоевропейцы заниматься подобными жуткими делами, а вот «дикие» азиаты – это конечно! А разве германцы, скифы и кельты не были индоевропейцами? Анализ письменных источников позволяет со всей определенностью говорить о том, что манипуляции с черепами людей и некрофагия не могут считаться этническим маркером, небыли они также хронологическим показателем. Это было **стадиальное** явление, присущее совершенно разным по происхождению народам, на определенном этапе их общественного развития. Но считать «культ черепов» универсальным явлением также нет никаких оснований. Подобные нравы возникали вовсе не у всех племен стоящих на одинаковой ступени развития. Мало того, в рамках одного этноса, подобные ритуалы небыли всеобъемлющими, и существовали как экстраординарное отступление от общенародных погребальных обрядов. Как сопутствующие традиционным похоронным традициям, но никак не альтернатива им. Дело тут в сложности механизмов формирования обрядности. «Туманные образы религиозной фантазии постоянно обнаруживают тенденцию расплываться и сливаться друг с другом. Поэтому далеко не всегда можно провести отчетливую грань между анимистическими образами разного происхождения, между духами умерших, духами природы,... и пр. ...Классовые формы религии не вырастают, конечно, из ничего: они развиваются на основе всего предшествующего развития религии, впитывают в себя и перерабатывают все совокупность унаследованных от более ранних стадий религиозных представлений, воспроизводят, с новым осмыслением, старые обряды. В религии вообще мало что создается заново» [Токарев С.А. 1990. С.188, 373].

Стадиальность, в нашем понимании, подразумевает не универсальность, а возникновение рассматриваемых обрядов на совершенно определенном уровне развития общества. Специалисты по истории религий единодушны в том, что «...все известные истории примеры принесения в жертву людей относятся не к примитивным племенам, а к народам достигшим относительно высокого уровня общественного развития, с отчетливо классовой структурой» [Токарев С.А. 1990. С.596-597]. Вот вам и «дикость»! Их существование, свидетельствует: о деформации родовых отношений, выделении патриархальных семей, становлении вождизма, об окончательно сформировавшемся культе предков, повышении роли личности (идея воздаяния, в ущерб коллективно-родовых критериев всеобщего равенства), высокая стадия зрелости идей анимизма, и уровня развития религии в целом.

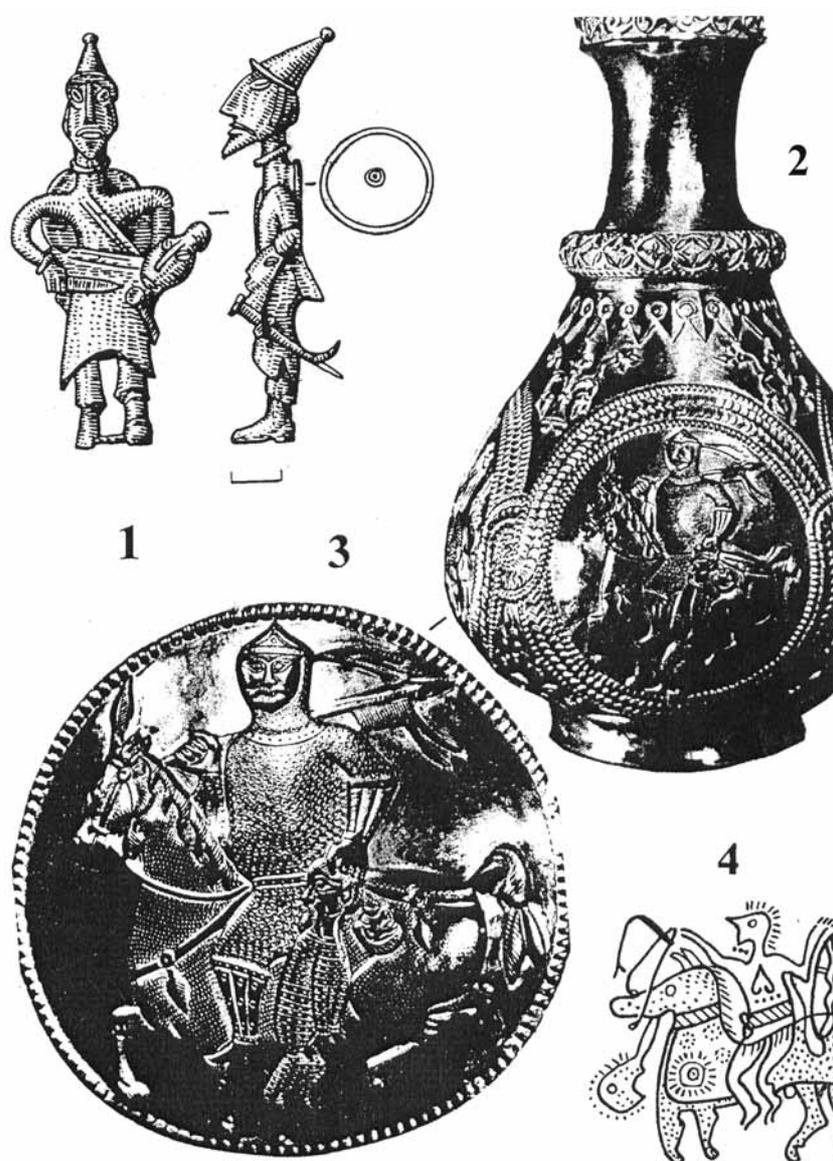
Култ предков и преклонение перед героями (даже если это были враги) характерен для многих сообществ эпохи «позднего варварства», на стадии разложения первобытно-общинных отношений, и эти верования имели разные формы проявления, вплоть до самых экзотических.

Литература

- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Белецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
- Воеводский Л.Ф.* Этнологические и мифологические заметки. Одесса, 1877.
- Геродот.* История. Перевод и примеч. Г.А. Стратановского. Кн. IV («Мельпомена»). М., 2006.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.
- Карпини П.* (Джиованни дель Пано Карпини) История монгалов // Путешествия в восточные страны Пано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Книга Марко Поло* о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от р.х. Алма-Ата, 1990.
- Лурье С.Я.* Геродот. М.-Л., 1947.
- Мищенко Ф.Г.* Известия Геродота о внескифских землях // ЖМНП. 1896. декабрь.
- Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1972.
- ПВЛ – Повесть* временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996.
- Пьянков И.В.* Рец. на кн. Дж. Болтона...// ВДИ. 1967. №4.
- Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А.* Усадьба с косторезной мастерской на Вельском городище // СА. 1980. №4.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т.1. Кн.2. М.-Л., 1952.
- Рубрук Г.* (Гильом де Рубрук) Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Пано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Струве В.В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
- Федоров В.К., Горшкова В.Е.* Колчан из человеческой кожи в погребении раннего кочевника из башкирского Зауралья // УАВ. Вып. 3. Уфа, 2001.

Чаша из черепа человека с территории Башкортостана (Южный Урал). Салиховский курганный могильник кон. IV–V вв. н.э.

Человеческие головы как военные трофеи, в торевтике: 1,4 – в эпоху РЖВ (1 – фигурка скифского времени из Дагестана, 4 – изображение скифского (?) воина на пластине из могильника Тли, погр. 76, Кавказ); 2-3 – в эпоху средневековья (серебряный сосуд с территории Венгрии).

Рашо Рашев

Этнический аспект материальной культуры Первого Болгарского царства*

Формирование болгарской народности – одна из основных проблем, которая стоит перед современной болгарской историографией. Для ее решения привлекаются данные из различных исторических дисциплин. Сложность проблемы и фрагментарность источников часто искушают исследователей к формулированию категоричных выводов, во имя которых вольно или невольно прикрываются противоречия в различных источниках и отсутствие связывающего звена между ними. Так, далекий от нас, сложный по своей сущности процесс восстанавливается иногда с позиции современного представления межэтнических отношений. Очень часто он исследовался заранее обремененный политическими и эмоциональными (патриотическими) основаниями. Одной из причин недостаточного объективного подхода к проблеме является и неполная обработка отдельных видов источников и проистекающее из этого преувеличение их значения и информативности.

Материальная культура – важный и очень информативный источник в попытках определить присутствие на данной территории одного или нескольких разных этносов. Поэтому данные археологии широко использовались историками, занимавшимися проблемой образования народности¹. В целом в болгарской историографии вопрос этнической интерпретации культуры времен Первого болгарского царства (681–1018 г.) решался неоднозначно. Декларационные постановления ведущего и решающего значения праболгарской культуры в исследованиях периода между двумя мировыми войнами были заменены после 1944 г. подобными постановками о значении славянской культуры. С открытием праболгарского могильника у г. Нови Пазара и раннеславянского поселения около деревни Попина была поставлена крепкая основа для объективной характеристики культуры двух основных этносов будущей единой народности. После 60-ых гг. XX века появились исследования, содержащие объективную оценку характера материальной культуры славян и праболгар и ее значения как источника формирования болгарской народности². Надо особо отметить, что это было в немалой степени результатом влияния работ некоторых русских археологов, исследовавших культуру праболгар (болгар) на территории Хазарского каганата³ и Волжской Болгарии⁴. Особо следует отметить работы Е.П. Казакова, целиком выполненные на основе археологических материалов⁵. В сравнительном плане надо

* Настоящая работа является отредактированным и дополненным вариантом статьи, опубликованной 10 лет назад на болгарском языке, см. **Р. Рашев**. Материал на култура и етнос в Първото българско царство. – Этническият проблем и националният въпрос на българите. Пловдив, 1994, с. 69-79.

сказать, что раннесредневековые культуры Восточной Европы дают более четкие данные о комплексах, которые можно отождествлять с конкретными этносами. Это дополняется данными письменных источников, в которых, в частности для Волжской Болгарии⁶, есть прямые и очень категорические указания на разнотнический состав населения. На территории Средней и Юго-Восточной Европы (Балканский полуостров) это гораздо труднее. Поэтому абсолютизация материальной культуры как этноопределяющего фактора может серьезно деформировать историческую картину. Из-за своего надэтнического характера ее проявления не содержат достаточно полноценные данные, чтобы рассматривать ее как этнический индикатор. Торговый обмен, выплата договорных даней в натуре, военные трофеи и подарки могут быть причиной попадания единичных или серийных предметов в чужую этническую среду, не обязательно отражая присутствие соответствующего чужого этноса. При подборке памятников материальной культуры следуют считать в этом плане настоящим источником только те, которые имеют реальное этнографическое содержание. Можно сказать, что в болгарской археологии этот подход в основном соблюдается, но иногда можно наблюдать отклонения из-за стремления сохранить схему историков о формировании народности из трех основных этносов – фракийцы, славяне, праболгары⁷. Для некоторых групп предметов уже утвердились соответствующие этнические характеристики, хотя и не всегда возможно определить к какому из двух основных этносов принадлежит данный памятник. Этот вопрос усложняется обстоятельством, что с приходом на Балканский полуостров материальная культура славян и праболгар, знакомая из их первоначальных территорий, занимаемых до VII в., круто переменялась. Шел быстрый процесс формирования новых элементов, у которых не было конкретных этнических характеристик. Поэтому не всегда и не везде возможно ставить резкую границу между «славянское» и «праболгарское». Даже когда памятники материальной культуры позволяют это сделать, внутри этих двух групп прослеживаются детали, свидетельствующие об их негомогенности – культурной, а вероятно и этнической.

Имея ввиду изложенное выше, попытаемся дать оценку некоторым группам памятников материальной культуры с точки зрения их этнической принадлежности. Следует воздержаться от рассмотрения памятников монументальной архитектуры и искусства в столицах государства Плиске и Преславе, чья оценка с этой точки зрения значительно сложнее. Несмотря на то, какие культурные традиции и влияния выявляются в них, надо считать их прежде всего памятниками официальной государственной культуры Первого болгарского царства.

Оборонительные сооружения. С конца VII в. до начала IX в. единственный тип оборонительных сооружений в Болгарии были земляные валы и рвы – линейные пограничные, и замкнутые (городища) преимущественно правильной четырехугольной формы, во внутренности центральной области (рис. 1). По традиции, изложенной в болгарской историографии 20-ых и 30-ых гг. XX в. их и до сегод-

нышнего дня называют иногда «праболгарские». Автор этого тезиса Г. Фехер указывал аналогичные, более ранние, как он считал, подобные сооружения на территории Волжской Болгарии⁸. Эти аналогии неточные, так как сегодня известно⁹, что земляные валы Волжской Болгарии домонгольского времени появляются значительно позже построенных в Дунайской Болгарии, а в более раннее время, на территории Великой Болгарии, они вообще неизвестны. Действительно земляные сооружения Нижнего Дуная появляются с приходом праболгар и образованием государства праболгарами, но это еще не решает вопрос этнической принадлежности земляной оборонительной традиции. Балканские славяне, занявшие земли будущего государства еще до прихода праболгар, не укрепляли свои поселения рвом и валом. Римские земляные сооружения располагались в западной части нижнедунайской равнины, далеко от центра болгарского государства, и были оставлены еще в III в. и никогда позже не возобновлялись и не использовались, чтобы считать их источниками болгарского оборонительного строительства. Будем ближе к реальному решению вопроса, если примем, что укрепительные сооружения, связанные с обороной болгарского государства, появились спонтанно, как выражение срочной необходимости подготовить охрану государственной территории со стороны Византии и из-за этого в их строительстве принимали участия все этнические группы, проживавшие на этой территории. Этот способ строительства не требует специальных технических умений и может зародиться у любого этноса, когда появляется необходимость оборонять определенную территорию. В Дунайской Болгарии это строительство было организовано государственным аппаратом для обороны границ и территории государства, и поэтому оно не имеет этническую характеристику. Если их вообще нужно характеризовать народностным именем, земляные сооружения нельзя назвать ни славянскими, ни праболгарскими, а болгарскими¹⁰.

Массовое жилище. Традиционно принимается, что праболгарское жилье – юрта, славянское – полуземлянка. В принципе этот тезис не может оспариваться, но он содержит нюанс, который обычно не берется во внимание, так как расширяет удобную схему. Юрта – это специфичное по плану и конструкции жилье, оно связано с восточными народами (и до сегодняшнего дня) и на Балканском полуострове могло бы появиться единственно с праболгарами. Правильное представление об объеме, форме и пропорциях этого типа жилья дает каменная модель юрты, найденная в раннесредневековом поселении около Девни, восточнее Плиски (рис. 2)¹¹. Представляет наземную круглую постройку со входом, слегка поднятым над площадкой. Крыша конусовидная, с бороздами радиальных линий, показывающих деревянные прутья, из которых строится горная часть этого жилья. Две параллельные борозды ниже означают веревки, прикрепляющие полотно к деревянному каркасу юрты. Пока что эта модель единственное скульптурное изображение юрты в евразийской степной зоне. Археологические останки этого типа жилья известны из ряда поселений раннесредневековой Болгарии, но это не

наземные, а вкопанные в землю юрты по подобию полуземлянок. В плане это круглые, овальные или эллипсовидные ямы 0,4 – 0,8 м глубиной, по периферии которых иногда открываются дырки от деревянных колов, которые оформляли стены жилища. В основе этой существенной отметки – вкапывания, как и неправильная круглая форма, эти жилища считаются юртами, но некоторые авторы прямо называют их овальными полуземлянками¹². Это определение подкрепляется фактом, что в некоторых из них есть остатки печей, и нет характерных для юрт очагов, расположенных прямо на полу в центре жилища, а также тем, что они исследованы в поселениях, с которыми связаны могильники с типичным для славян погребальным обрядом трупосожжения. Жилища из поселения возле Дуранкулак по существу тоже надо определять как полуземлянки круглой формы¹³. Пока только восьмеркообразная юрта из Плиски со своей особенной конструкцией, со своим естественным котлованом (рис. 3) является переходной формой между наземной и вкопаной юртой, и приближается к настоящему кочевническому жилищу¹⁴. Из этих примеров видно, что настоящая кочевническая юрта имела в раннесредневековой Болгарии ограниченное распространение, скорее всего сооружались жилища полуземляночного типа круглой формы или вкопанные юртообразные жилища типа исследованных на Правобережном цимлянском городище¹⁵. Может ли этот факт толковаться как признак отсутствия праболгарского населения в Северо-Восточной Болгарии и что Добрудже – основная территория государства? Такой вывод был бы неточным. В ряде похожих поселений при Варне, Девне, Ножарева и Тополе, где исследованы могильники праболгарского типа, известны только четырехугольные полуземлянки. Подобная ситуация наблюдается в Плиске. В ранних горизонтах поселений вокруг ханской резиденции пока известны только полуземлянки, нет следов ни от наземных, ни от вкопанных юрт. Эти полуземлянки вполне сходны по форме, размерам, устройству и конструкции с полуземлянками, открытыми в поселениях без сомнения связанных со славянскими по обряду трупосожжения, как например поселение Гарван, где, наоборот, известны юртообразные полуземляночные жилища¹⁶. По-видимому данные о массовом жилье нужно осторожно использовать как этнический показатель, так как южнее Нижнего Дуная жилье не имело четких этнических признаков. Слабое распространение юрты может объясняться кратковременным сохранением кочевнических бытовых обычаев у заселенной на Дунае праболгарской группы и непригодностью юрты к местным климатическим условиям. Более подходящей для этих условий оказалась полуземлянка. Называть ее только славянской было бы неточно. Правда, славяне принесли ее со своей первоначальной территории, но вероятно праболгары и без посредничества славян выбрали бы, быстро оседая, именно этот тип жилища, так как он в полной степени отвечал их новому быту, экономическим возможностям, менталитету. С другой стороны, местный климат, отличавшийся значительными колебаниями сезонных температур, требовал жилье, наполовину скрытое в земле.

После образования государства этот тип жилища уже не имел четкой этнической характеристики. Славяне и праболгары жили схожим образом и обитали в схожих жилищах. Кстати, это можно отнести и к другим регионам раннесредневековой Средней и Восточной Европы. Авары и славяне в Аварском каганате, болгары и аланы в Хазарском каганате используют полуземлянки как почти единственный тип жилья. Данные о жилье можно использовать для обособления региональных различий в рамках общих этнических массивов на основании типа и конструкции отопительных сооружений или некоторых деталей устройства полуземлянок. Но эти различия вряд ли можно считать этническими признаками.

Керамика. Определения «славянская керамика» и «праболгарская керамика» уже несколько десятилетий утверждены для обозначения двух основных типов керамики раннего болгарского средневековья. Славянской определяется керамика из коричнево-красной песчанной глины с украшением в виде прорезанных и волнистых линий, выработанная на ручном гончарном круге. Эту керамику в конце 40-ых гг. Кр. Миятев, которому принадлежит первая попытка изучения керамического материала периода раннего средневековья в Болгарии, назвал славянской из-за ее сходства с керамикой других славянских стран и не без влияния политической конъюнктуры того времени¹⁷. Вне его поля зрения остался тот факт, что в этих странах ее использовали позже, чем в Болгарии, а настоящая славянская (раннеславянская) керамика времен расселения славян совершенно другая. Она, как известно, представлена выработанными от руки горшками из глины с грубой песочной примесью, пропеченными в домашних печах. С другой стороны праболгарскими определяются сосуды из серой очищенной глины с украшением из пролощенных полос (рис. 4)¹⁸. Они получили это название на основании их присутствия в ряде праболгарских могильников, а также на основании сходства с керамикой восточной группы праболгар, которые приняли участия в формировании салтовской культуры – культуры Хазарского каганата. Еще в первом исследованном могильнике возле Нови Пазара были найдены и «славянские» сосуды, что стало поводом для уточнения, что данная керамика также встречается у болгар в салтовской культуре, и следовательно ее можно считать характерной и для дунайских праболгар¹⁹. Собственно праболгарская керамика из погребальных комплексов VI–VII в. в Северном Причерноморье выглядит совершенно иначе. В случаях, когда она не является привозной из соседних районов с оседлой культуры, она представлена грубыми горшками без декора, выработанными без помощи гончарного круга²⁰. Таким образом, первоначально гончарное дело славян и праболгар не могло быть прямым источником гончарной продукции, производимой только на гончарном круге, которую они начали производить после их объединения в общую державу. Этот быстрый переход (не было параллельного сосуществования ручной и гончарной продукции), по-видимому, являлся результатом внешнего влияния. В отношении горшков с врезанным орнаментом его можно искать на западе, в керамике Аварского каганата, а в отношении сосудов с пролощенными

полосами – на востоке, в Хазарском каганате, где получила распространение керамика аланского типа. На Нижнем Дунае эти две группы керамики появились и распространились одновременно во всех поселениях и некрополях, несмотря на их этническую принадлежность. В славянских могильниках, где практиковался обряд трупосожжения, большие серые «праболгарские» горшки и кувшины использованы соответственно для погребальных урн и в качестве гробного инвентаря, а «славянские» горшки широко использовались как гробный инвентарь и погребальные урны в биритуальных праболгарских некрополях наряду с собственно «праболгарскими» сосудами. Из-за существенных технологических различий два типа сосудов были выработаны в разных мастерских, продукция которых однако употреблялась обоими этносами. Это не позволяет ее использование как этноотличительный признак в прямом смысле слова. Поэтому термины «славянская» и «праболгарская» керамика в последнее время не без основания замещаются использованием самого характерного технологического признака – цвета обожженной глины – для обособления двух типов керамики – красной и серой²¹.

Одежда и украшения. Одежда – исключительно устойчивый этнографический признак, но обычно очень редко сохраняется в археологических комплексах. Для периода раннего болгарского средневековья она представлена крайне ограниченными по количеству и качеству данными. Славянский погребальный обряд трупосожжения является причиной полного уничтожения органических останков одежды, а металлические украшения к ней были редкостью. Трупоположение у праболгар не предоставляет большей информации из-за полного уничтожения органических останков в условиях местных почв. Отсутствуют оригинальные изображения домашней и массовой одежды. Изображения болгар в византийских хрониках конвенциональны и как правило сделаны несколько веков позже иллюстрируемого события. Изображения болгарских властителей на оловянных печатях дают более аутентичное представление об одежде, но в этих случаях она была копией одежды византийских императоров. В количественном отношении украшения предлагают более различную картину. Из могильников на Нижнем Дунае VIII–IX вв.²² происходят несколько видов украшений для одежды. Мы знаем несколько типов серег, перстней и браслетов, распространенных преимущественно на севере от реки. Но они не характерны только для этого района, встречаются также в области Среднего Дуная и Далмации. В этом же регионе открываются украшения, подобные нижнедунайским пряжкам, бубенчикам и амулетам. Некоторые из них известны на востоке в салтово-маяцкой культуре. В формах и технологии украшений и частей для ремней прослеживается влияние ранневизантийских образцов, переработанных в согласии с модой времени. Собственно византийские предметы среди материалов с Нижнего Дуная открываются редко. Если делать общую оценку украшений как этнического индикатора, то нужно сказать, что болгарские находки имеют сходство с подобными находками прежде всего из Среднего Дуная. Рисуются контуры одной общей дунайской культурной зоны, которую подсказали еще

венгерские и чешские археологи при обозначении характерного горшка с врезанным орнаментом как «дунайский тип». Украшения, амулеты и другие мелкие предметы из цветных металлов вряд ли можно без сопоставления с другими данными использовать для обособления этнических групп.

Погребальный обряд. Благодаря своей консервативности погребальный обряд, как известно, устойчиво сохраняет на долгий период свойственные только определенному этносу черты. В границах Первого болгарского царства известны две группы могильников: 1. Монообрядные, только с применением обряда трупосожжения; 2. Биритуальные (одновременное трупосожжение и трупоположение), которые соответственно связываются со славянами и праболгарами²³. Некоторые авторы допускают, что сожжения во второй группе могут принадлежать славянам²⁴, но более вероятной считается возможность приписать их также праболгарам²⁵. Допускается в этой связи, что праболгарская религия не требовала использования только одного погребального обряда, хотя сейчас мы не в состоянии установить реальные основания этого предположения²⁶.

Определение биритуальных могильников полностью праболгарскими позволяет на основе данных погребального обряда сохранить схему «славяне – праболгары», созданную на основе письменных источников. Существуют однако некоторые факты, которые говорят о значительно большей пестроте даже в рамках этих могильниках. Сожжение трупов представлено двумя основными разновидностями – в ямке и урне, что связано с региональной особенностью Южной Добруджы и Варны, где установлено положение сожженных костей в кирпичную или каменную кассету. По этим признакам они вполне схожи с сожжениями из монообрядных могильников по двум берегам Дуная и в Трансильвании. То, что их отличает – это более высокий процент костей животных – обоженных и необоженных, и наличие некоторых вещей погребального инвентаря, которые, вне сомнения, результат влияния обряда трупоположения. Таким образом, есть некоторые основания не снимать вопрос о вероятной славянской принадлежности обряда трупосожжения.

Трупоположения группируются на основе ориентации. На юге от Нижнего Дуная преобладает северная ориентация с отклонением от северо-запада до востока (рис. 5). К северу от Дуная, кроме северной ориентации, засвидетельствована и западная, несвязанная с требованиями христианских погребальных обрядов, как это установлено еще в Хазарском и Аварском каганатах того же времени. Так обособляются три разновидности обряда: сожжение, трупоположение с северной ориентацией, трупоположение с западной ориентацией. Разнообразие обряда увеличивается с засвидетельствованием, пока, что только в некрополе при Истрии (Румыния), сожжения в корытообразных ямах с обгоревшими стенами и трупоположения с восточной ориентацией, установленного как в Истрии, так и в других биритуальных могильниках Северо-Восточной Болгарии. Это по всей вероятности означает, что погребальная практика отражает присутствие немонолитного в этни-

ческом плане населения. Во всяком случае существуют хотя бы два варианта интерпретации этого факта: 1. Праболгары практикуют одновременно два обряда погребения. 2. Среди праболгар, практикующих только труположение, живут в общих с ними поселениях славяне, использующие трупосожжение. Первый согласуется со сведениями из письменных источников, из которых следует сохранение обособления славян и праболгар почти до крещения в середине IX в., на этой основе создана современная формула болгарского народообразовательного процесса «фракийцы – славяне – праболгары». Второй, со своей стороны, подкрепляется данными материальной культуры, где почти не открываются характерные только для одного из двух основных этносов вещи, жилье, сооружения; и это может толковаться как подтверждение более высокой фазы взаимопроникновения между этносами, которое началось на уровне материальной культуры и продолжилось в сфере духовной, в случае погребального обряда. Только при подобном активном сожительстве в двух сферах может стать ясным быстрый и безконфликтный процесс формирования болгарской народности. Этот финал отмечен крещением и утверждением славянской письменности, то есть активным вмешательством и ведущей ролью государства в духовной сфере. Этот процес первоначально выразился саморегулированием отношений между двумя этносами на материально-бытовом уровне через создание общего типа жилья, общих типов керамики и обособление общих могильников – последнее, по-видимому, было облегчено сходством языческих верований двух этнических групп. Вполне сходная картина наблюдается в могильниках Аварского каганата, где славянские сожжения VII в. совершались рядом с собственно аварскими труположениями.

Есть еще один факт в пользу второго варианта. Речь идет о составе праболгар, которых Аспарух привел на Нижний Дунай. Традиционно считается, что это было компактная масса тюрков – собственно турки или хотя бы тюркоязычное население. Археологические данные о составе населения в Северном Причерноморье позволяют утверждать, что в рамках Кубратовой Великой Болгарии еще перед расселением продолжали жить потомки старого местного ираноязычного населения – сарматов, которые, по-видимому, составляли немалую часть народа Аспаруха. Свидетельство этому – целая серия деталей сарматского погребального обряда в обряде труположения в биритуальных могильниках, которые не могли быть воспроизведены на Нижнем Дунае в VIII–IX вв., если бы не было реального физического присутствия – того населения²⁷. В VII в. часть этого населения, проживавшая на северной границе степи активно смешивалась с проникающими с севера славянами в рамках пеньковской культуры. Эта культура²⁸ перестает существовать к концу VII в., то есть как раз в то время, когда Аспарух переселяется на запад. Есть серьезные основания допускать, что часть населения, под давлением хазар вынужденная уйти со своих земель, присоединилась к Аспаруху и вместе с группой, которую он вел с территории Великой Болгарии, пошла на поиски новой родины. В ходе переселения образовался по существу новый народ, который мы сегодня

называем праболгары, пытаясь иногда представить его как монолитный во всех отношениях этнос. Он мог быть составлен хотя бы из трех основных частей – тюркоязычная группа, сарматы и славяне. Во всяком случае о подобной возможности говорят данные из биритуальных могильников. Но эти этнические характеристики возможно проследить только на основании погребального обряда, в то время как находки материальной культуры такого разделения сделать не позволяют. Тезис, что до X в. на территории Первого болгарского царства еще существовали, сохраняя свою самостоятельность и автономность, две разные археологические культуры – славянская и праболгарская, и что вторая исчезла, не оставив никаких следов после себя, а первая стала основой для последующего культурного развития болгар²⁹, надо считать выражением уровня исследований полвека назад, когда было известно очень мало памятников.

Примечания

- ¹ **Ангелов, Д.** Образуване на българската народност. София, 1971. Более современный, комплексный подход к проблеме см. у **Божилев, И.** Българската народност през средновековието. – В: Этническият проблем и националният въпрос на българите. Пловдив, 1994, с. 80-94.
- ² **Станчев, Ст.** Старобългарската култура през VIII–X век. Кратка археологическа характеристика. – Трудове на ВПИ «Братя Кирил и Методий» – В. Търново, т. I, кн. 3, 1963 – 1964, с. 19-54; **Милчев, Ат.** Формирование старобългарской культуры. – В: Славяните и средиземноморският свят VI–XI в. София, 1973, с. 105-133, **Въжарова, Ж.** Славяни и прабългари (по данни на некрополите от VI–IX в. на територията на България). София, 1976; **Ваклинов, Ст.** Формиране на старобългарската култура VI–XI в. София, 1977; **Димитров, Д.Ил.** Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1985; **Vážarova, Ž.** Zur Frage des bulgarischen Volkes (zwei Nekropolen aus Nordost – Bulgarien). – In: Culture et art en Bulgarie médiévale VIIIe – XIVe s.). Sofia, 1979, p. 5-30; **Fiedler, U.** Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Teil 1, 2. Bonn, 1992.
- ³ **Ляпушкин, И.И.** Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. – МИА СССР, № 62, 1958; **Плетнева, С.А.** От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. Москва, 1967; **она же.** Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. – Плиска-Преслав, 2, 1981, с. 9-19; **она же.** Древние болгары в восточноевропейских степях. – Татарская археология, 1997, 1, 31–60. Очень много сделали в этом направлении археологи, активно работавшие в последней четверти XX в. и по настоящее время как В.К. Михеев, И.А. Баранов, В.С. Флеров, К.И. Красильников и др.
- ⁴ **Геннинг, В.Ф., Халиков, А.Х.** Ранние болгары на Волге. Больше-Тарханский могильник. Москва, 1964; **Хлебникова, Т.А.** Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. Москва, 1984.
- ⁵ **Казаков, Е.П.** О болгаро-салтовском компоненте в погребальных инвентарях ранней Волжской Болгарии. – Плиска-Преслав, 2, 1981, с. 127-132; **он же.** Культура ранней Волжской Болгарии. Москва, 1992.
- ⁶ **Хузин, Ф.Ш.** Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII века). Казань, 1997, с. 45-47.

- ⁷ **Ангелов, Д.** Ук. соч., с. 47 сл.
- ⁸ **Фехер, Г.** Паметници на прабългарската култура. – ИБАИ, III, 1925, с. 38-39.
- ⁹ **Фахрутдинов, Р.Г.** Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975, с. 26 сл.
- ¹⁰ **Рашев, Р.** Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII – XI в.). Варна, 1982, с. 124-125.
- ¹¹ **Рашев, Р.** Модел на юрта от Девня. – Археология, 1976, 1, с. 39-45.
- ¹² **Fiedler, U.** Op. cit., S. 337.
- ¹³ **Х. Тодорова.** Архитектура на средновековното селище. – В: Дуранкулак. Т. 1. София, 1989, с. 34 – 37, обр. 2, 3, 18.
- ¹⁴ **Рашев, Р.** К ранней истории праболгар на Нижнем Дунае. – В: Новое в средневековой археологии Евразии. Сборник в честь С. А. Плетневой. Самара, 1993, с. 185 – 186, рис. 1, 2.
- ¹⁵ **Флеров, В.С.** Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. – МИАЭТ, IV, 1994, с. 466 сл., рис. 10, 11. О юртообразных жилищах на территории России, Украины и Болгарии см. **В.С. Флеров.** Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. Москва, 1996.
- ¹⁶ **Въжарова, Ж.** Средновековното селище с. Гарван, Силистренски окръг VI–XI в. София, 1986, обр. 96/1; 99/1; 114/1; 129/1; 148/1.
- ¹⁷ **Мнятев, Кр.** Славянската керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балкана. София, 1948.
- ¹⁸ **Дончева-Петкова, Л.** Българска битова керамика през ранното средновековие. София, 1977; **Ангелова, Ст.** Традиции в прабългарската керамика на Североизточна България. – ГСУ, т. 74, 1982, с. 31 сл.
- ¹⁹ **Артамонов, М.И.** К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае. – В: Въжарова, Ж. Славянобългарското селище край с. Попина, Силистренско, София, 1956, с. 7.
- ²⁰ *Археология Украинской ССР.* Т. III. Киев, 1986, с. 225 – 231; **Рашев, Р.** Прабългарите през V–VII в. Второ допълнено издание. София, 2004, с. 100 – 101, табл. 57.
- ²¹ **Fiedler, U.** Op. cit., S. 121 sq.
- ²² **Ibidem,** S. 171 sq.
- ²³ **Въжарова, Ж.** Славяни и прабългари..., с. 423 сл.
- ²⁴ **Димитров, Д.Ил.** Ук. соч., с. 213.
- ²⁵ **Въжарова, Ж.** Славяни и прабългари ..., с. 427; **Артамонов, М.И.** Тюрко-болгары и славяне в Западном Причерноморье. – В: Славяните и средиземноморският свят VI–XI в. София, 1973, с. 268; **Fiedler, U.** Op. cit., S. 305-307.
- ²⁶ **Fiedler, U.** Op., S. 305.
- ²⁷ **Рашев, Р.** За произхода на прабългарите. – В: *Studia protobulgarica et medievala europensia.* В чест на проф. Веселин Бешевлиев. В. Търново, 1993, с. 23-33; **Ангелова, Е.** Сарматски елементи в езическите некрополи от Североизточна България и Северна Добруджа. – Археология, 1995, 2, с. 5-12.
- ²⁸ Последнее см. **Приходнюк, О.М.** Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998.
- ²⁹ **Артамонов, М.И.** Рец.: Ж. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI–XI век. София, 1965. – Археология, 1965, 2, с. 66.

Рис. 1. Разрез вала земляного городища у с. Дунавец, округ Силистра.

Рис. 3. Котлован восьмеркообразной юрты в Плиске (с севера).

Рис. 2. Известняковая модель юрты из Девни, округ Варна.

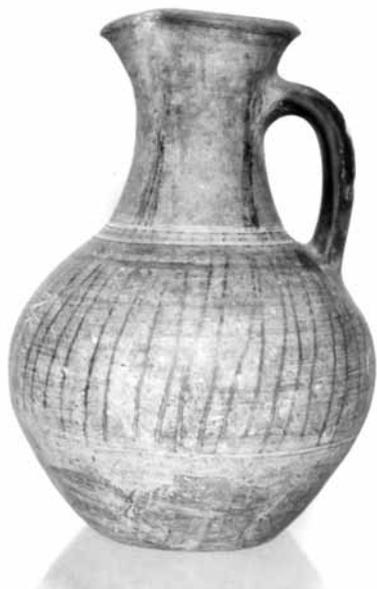

Рис. 4. Кувшин с пролощенными полосами, вероятно биритуальный могильник возле с. Риш, округ Шумен.

Рис. 5. Погребение № 15 из биритуального могильника возле с. Ножарево, округ Силистра.

Критика и библиография

Константин Руденко

Рецензия на книгу Е.П.Казакова

«Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.».

Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 208 с.: илл.

Рецензируемый труд Е.П.Казакова является первым комплексным исследованием проблемы угров в Предуралье и их роли в истории Волго-Камья. Значительную часть монографии занимает тема этнической идентификации обширного археологического материала, накопленного и изученного к началу XXI в.

Угорская проблематика лежит в основе научного творчества Е.П.Казакова. Если обратиться к списку работ ученого¹, то становится очевидным, что с самого начала его научной деятельности (с. 15) угорская тематика занимала в ней одно из главных мест, сохранившееся, по сути, до сего дня. На обширном фактическом материале и, прежде всего по результатам исследований могильников VIII–X вв. на Средней Волге, автор в ранее вышедших монографиях (№139, 147) убедительно показал не только наличие вполне определяемых «археологических угров», но и раскрыл процесс их включения в тюркскую и финскую среду, а также проследил их дальнейшую судьбу.

Угро-венгерская тематика для археологии Приуралья имеет довольно долгую историю. На протяжении только последних пятидесяти лет рассматривались как концептуальные вопросы, касавшиеся истории угро-мадьяр, так и региональные сюжеты (В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков и Е.А. Халикова; Е.П. Казаков; А.М. Белавин; В.А. Иванов).

Вместе с тем именно благодаря исследованиям Е.П.Казакова угорская теория, бытовавшая в научных кругах с XIX в., обрела свое выражение в археологической культуре (чияликская) и целом пласте древностей начиная с эксклюзивных находок – торевтики (Н.В.Федорова) и кончая массовым материалом – керамикой. Под влиянием идей Е.П.Казакова угорские черты были обнаружены в ряде считавшихся пермско-финскими культур Прикамья (А.Г.Иванов, А.М.Белавин). Эти положения в общих чертах изложены автором во Введении (с.4-6).

Начинается основная часть с рассмотрения письменных источников. Не делая специального анализа текстов сообщений, Е.П.Казаков приводит данные, которые свидетельствуют о проживании в IX–XIV вв. на территории Волго-Камья финского и угорского населения. Несмотря на разноплановый характер источников, на которые он ссылается (как например «Казанский летописец – с.8 или различные части

¹ Ссылки на работы Е.П.Казакова даются по: Казаков Евгений Петрович. Сборник материалов к 70-летию со дня рождения. Казань: Школа, 2004, с.17-53.

сочинения Плато Карпини – с.9) тем не менее, они являются весомым подкреплением археологических сведений. Вместе с тем, новые исследования средневековых текстов дают не столь однозначное их прочтение этих, в частности идентификации встреченных в сочинениях XIII в. «паросситов» и «паскатири».

В следующем разделе монографии делается акцент на археологические источники и принципы их изучения (с.10-13). Автор отмечает, что отличительным признаком материалов угорского круга является, округлодонная лепная посуда с примесью толченой раковины и веревочно-гребенчатой орнаментацией. До 1960-х гг. она считалась традиционной финно-угорской (финно-пермской) керамикой и связывалась в своих истоках с ананьинской культурой (А.П.Смирнов (с.21)). Суть проблемы заключается в подходе к этому материалу – в первом случае он воспринимается как отражение традиционного автохтонного элемента в материальной культуре болгарского средневековья (А.П.Смирнов) и во втором как один из элементов культуры – пришельца постепенно ставшей частью традиционной культуры болгар.

Описывая памятники, отнесенные им к угорскому кругу, автор ссылается как на материалы раскопок второй половины XX в., так и на исследования конца XIX – начала XX в. В этой связи вызывает сомнение однозначное отнесение к угорским древностям Балымерских курганов (с.10). Найденные в одном из курганов накладки, характерные для угорского круга древностей, еще не дают основание считать весь памятник, и даже это погребение относящимся к угорским. В большей степени его можно интерпретировать как финский, хотя долгое время (и до сегодняшнего дня) его относили к древностям руссов-варягов или славян (*Руденко К.А., 2002, с.70-77*).

В целом, этот раздел демонстрирует выразительную картину распространения специфических элементов материальной культуры угорской керамики и финские украшения на болгарских погребальных и поселенческих материалах VIII–XIV вв.

Методика выделения угорских элементов, изложена в историографической части монографии (с.15). Е.П.Казаков выделил два направления в исследовании этого вопроса. Проанализировав точки зрения и мнения ученых XIX – первой половины XX в. Е.П. Казаков пришел к выводу, что они рассматривали угорские материалы в Среднем Поволжье как часть финно-угорского компонента в болгарском этносе (с.14-15). Более сложную картину представляют концепции второй половины XX в. Здесь речь идет не только и не столько о самом факте присутствия финского и угорского населения в регионе, а об его археологическом выражении в отдельных категориях вещей и шире – в интерпретации археологических культур. Это относится, например, к керамике с примесью толченой раковины, специально исследовавшейся Т.А.Хлебниковой (с.17), к анализу кушнаренковской культуры (с.16: см. например, *Иванов В.А., 1999*), так же в вопросах интерпретации материалов раннеболгарских могильников (с.17-18). Уделив зна-

чительное внимание изучению угорских древностей, Е.П.Казаков кратко охарактеризовал и исследование материалов финского круга (с.19).

Глава II посвящена проблеме взаимодействия волжских булгар и угров (с.20-73). В первом разделе рассматриваются археологические свидетельства языческой культуры угров на памятниках волжских булгар (могильниках и поселениях). К ним автор отнес погребальные лицевые покрытия из металла (маски) и конские комплексы из шкуры и конечностей лошади в раннебулгарских могильниках (с.25). В этом отношении дополнительным весомым аргументом в пользу приводимых автором доказательств являются материалы чияликских памятников.

Чияликскую культуру выделил Е.П.Казаков, на основании исследования могильников и поселений в восточных районах Татарстана. Почти одновременно схожие памятники были исследованы Н.А.Мажитовым в башкирском Приуралье. Последний выделил их в особую мрясимовскую группу памятников, связав ее с тюркоязычным башкирским этносом (предки буляр-байлярских и айских башкир). По мнению Е.П.Казакова эти памятники оставлены угорскими племенами, подвергшимися со временем тюркизации (впоследствии составивших ядро башкирского народа). Последнюю точку зрения разделяют В.А.Иванов, Г.Н.Гарустович (*Гарустович Г.Н., 1998*) и др.

Особое внимание Е.П. Казаков уделит рассмотрению тех элементов угорской погребальной обрядности, которые прослежены в раннеболгарских могильниках. Автор отметил сочетание в ряде захоронений лицевых погребальных масок и конских комплексов, которые характеризуют, по его мнению, угорский компонент.

Е.П. Казаков считает, что, традицию помещать в могилы конские комплексы булгары, не знавшие такого обряда в Приазовье, заимствовали от поздних сармат (буртас), через земли которых они мигрировали на север (с.25). Это очевидно относится к материалам Больше Тарханского могильника, где погребальные лицевые покрытия не встречены.

Этот тезис кроме того подразумевает определенный и достаточно длительный период контактирования именьковцев – буртас – поздних сармат с болгарами. Однако этот сюжет остался нераскрытым, хотя автор вскользь касается его чуть позже, описывая кольцевидные украшения с утолщениями у именьковцев – буртас, и их поздние варианты в Танкеевском раннеболгарском могильнике (с.29).

Вместе с тем, эта проблема представляет несомненный интерес, поскольку автор придерживается точки зрения, согласно которой между памятниками ранних болгар и именьковцев был хронологический разрыв и непосредственного контакта болгарской и именьковской культур не было.

Продолжая тему об угорском компоненте в культуре волжских булгар, Е.П. Казаков отмечает наличие в болгарских и прикамских древностях значительного числа бронзовых украшений с изображениями коней (с.26-27).

В заключение этого раздела, Е.П. Казаков делает важный вывод о том, что *«широко применяемое определение того или иного явления как «финно-угор-*

ского» не может являться корректным, так как уже в раннем железном веке четко отделились не только угорские, но и финноязычные этнокультурные подразделения» (с.31).

В следующем разделе автор исследует вопрос о кушнаренковских материалах на территории, контролируемой ранними болгарами на Волге во второй половине VIII–IX вв. По его мнению, кушнаренковская культура в Нижнем Прикамье развивалась как единое целое, пройдя ряд этапов – раннекушнаренковский (вторая половина VI–VII вв.), маняжский (VIII в.), хусаиновский (конец VIII–IX вв.), танкеевский (последняя треть-первая половина X в.) с.35). Эта концепция отличается от гипотезы, которую выдвинул В.А. Иванов, где поздний этап кушнаренковской культуры выделен как караякуповский.

Детально Е.П. Казаков излагает историю угров и мадьяр на Средней Волге, их ухода на Дунай, прослеживая их путь по характерных изделиям, обнаруженных в захоронениях в Предуралье, на Дону и в Венгрии (с.42-44). По мнению автора языковые и этнические особенности угорского населения в Булгарии сохранялись, как минимум до начала монгольских завоеваний в Европе (с.44-45).

Интересен раздел о прикамских древностях, которые Е.П. Казаков считает в большей степени угорскими (с.45-51). По его мнению, полумская, неволинская и ломоватовская археологические культуры – все они оставлены уграми, переселившимися сюда не позднее второй половины VI в. (с.49). Причем население неволинской культуры являлось, по мнению исследователя, угризированным постсарматским населением. Основанием для этого являются кольцевидные подвески с напльвами и характерная керамика (с.45). Смена этнических доминант происходит, по мнению Е.П. Казакова во второй половине IX в. из-за угорско-печенежской конфронтации.

Неволинские племена в это время переселяются к булгарам, вступая с ними в непосредственный контакт, о чем, по мнению Е.П. Казакова свидетельствуют материалы Большетарханского раннеболгарского могильника. Так же на Волгу переселились и ломоватовцы и полумцы. Причиной этого так же являлись печенежские набеги. Следы военных столкновений, по мнению Е.П. Казакова фиксируются в материалах Игимского могильника (с.46).

Мигранты (население полумско-ломоватовской культуры) обосновались в основном, в пределах Западного Закамья в левобережье Волги, основав в дальнейшем и будущую столицу Булгарии – город Булгар в 40-х гг. X в. (с.47). Их следы имеются в материалах Большетарханского, но в большей степени Танкеевского могильника. Вместе с тем, и районы их первоначального обитания не пустеют, а население осталось там, но приобрело новые черты культуры, которых характеризуются Е.П. Казаковым как постполумские. По его мнению, полумская культура продолжает свое существование до X в., а памятники постполумского типа до XI в. (с.51).

Дискуссионной является выдвинутая Е.П. Казаковым гипотеза о постпетроградской культуре (с.51-59), которая, по его мнению, была оставлена в Волго-

Камье переселенцами из Среднего Урала из районов петрогромской культуры. Е.П. Казаков считает, что она оказала значительное влияние на культуру волжских болгар домонгольского времени. С конца X в. главным признаком постпетрогромской культуры является специфическая керамика с примесью толченой раковины и веревочной орнаментацией. О ее происхождении имеются разные точки зрения (с.53).

В этой связи Е.П. Казаков обращается и к вопросам формирования собственно классической домонгольской культуры Волжской Булгарии, предполагая, что основу ее составили переселившиеся в 60-е гг. X в. из Азово-Прикубанского региона болгары, двигавшиеся через современный Пензенский край (с.53).

Это замечание весьма интересно, поскольку археологические памятники Посурья, несмотря на многие совпадающие элементы материальной культуры, не содержат керамики, которую Е.П. Казаков характеризует как постпетрогромскую. Это является весомым аргументом в пользу мнения автора. Вместе с тем, в последующем Е.П. Казаков утверждает, что эти своеобразные памятники сформировались в Посурье только в XI в. или в конце X в. (с.82).

Специально Евгений Петрович рассматривает вопрос, связанный с истоками постпетрогрома. Эта тема не разработана, и специально проведенный Е.П. Казаковым анализ материалов Среднего Урала, дополняет нарисованную им общую картину в рамках гипотезы петрогром-постпетрогром. Автор несколько раз останавливается на этой теме (например, с.62-63) уточняя отдельные тезисы гипотезы.

Причиной движения петрогромского населения, по мнению автора, могли быть военно-политические события «в одном из претендующих на первую роль в Южной Сибири тюркских государств» (с.55). С этим кругом памятников Е.П. Казаков связывает находки подобной посуды на чепецких памятниках и культовое место Чумайтло (с.57). История постпетрогрома заканчивается, как считает Е.П. Казаков в XVI–XVII вв. (с.58).

В историческом плане постпетрогромское население он идентифицирует с упоминаемым у Плано Карпини народом паросситов. Эта идентификация не бесспорна, хотя автор приводит много аргументов для доказательства этой атрибуции. А.Г. Юрченко, исследовавший этот текст, предполагает, что сюжет о паросситах в этом сочинении и его протографе был вымышленным, а сам термин не обозначал реально существовавшего народа (Юрченко А.Г., 2006, с.442-448).

Кроме керамики, каких либо других предметных комплексов постпетрогрома автор не рассматривает, оговариваясь, что в целом материальная культура постпетрогрома имеет много заимствований из общеполгарской культуры. Вместе с тем стоит отметить, что поиск, вероятно, нужно вести в самой болгарской материальной культуре. К таким сюжетам можно отнести защитные пластины на запястье лучника, рисунок на некоторых из них явно имеет угорское происхождение (Руденко К.А., 2005, с.27-35). Анализ других категорий бытовых предметов так же может дать интересные в этом отношении результаты (Руденко К.А., 2006, с.91-113; он же, 2007, с.112-124).

Детально и аргументировано, изложена автором история открытия и суть чияликской, угорской культуры (с.59-65). Интересен вопрос о взаимодействии постпетрограда и чиялика. Е.П. Казаков разделяет их хронологически, относя чиялик к эпохе Золотой Орды, а постпетроград преимущественно к домонгольскому периоду. Эта точка зрения не совпадает с мнением Г.Н. Гарустовича, исследовавшего чияликские памятники Предуралья, который включает постпетроград в чияликскую культуру, определяя ее как домонгольский этап (с.61). Е.П. Казаков считает, что эти культуры оставлены разными племенами угров (с.62).

В историческом аспекте Е.П. Казаков связывает население чияликской культуры с упоминавшимися в европейских источниках XIII в. (П. Карпини и В. Рубрук) народом паскатиру.

В разделе посвященном роли угров в формировании этноса и культуры волжских болгар (с.65-73) подробно рассматривается предыстория вопроса и современное состояние проблемы. Здесь дается достаточно подробное объяснение сюжету о мадыарско/угорской – печенежской конфронтации второй половины IX в. (с.68), которая по мнению Е.П. Казакова заканчивается только в 70-х гг. X в. после волжских походов Святослава (с.69).

В сущности, этот раздел является итоговым – обобщающим изложенные выше сюжеты в единое целое. Не очень понятна точка зрения автора на Суюндюковское городище в Ульяновской области как на летописный город Ошель (с.71). Ошелем традиционно считается Богдашкинское городище или (по мнению Н.Ф. Калинина, Кирельское городище).

Третья глава посвящена проблемам взаимодействия волжских болгар с поволжскими и пермскими финнами. Эту тему Е.П. Казаков рассматривал в многочисленных публикациях. В данном разделе есть несколько неожиданных сюжетов, которые требуют особого комментария. *Первый* это тезис о том, что волжские и пермские финны « не были органической частью этногенеза болгар на Волге» (с.74). Автор считает, что приоритетным для Прикамья были процессы взаимодействия прикамско-финского населения с уграми, и затем, опосредованно с булгарами (VI–IX вв.) (с.76). В отношении прикамских финнов данный сюжет детально изложен в отдельном разделе (с.91-95).

Несколько иная ситуация с поволжскими финнами. Их следы в раннеболгарских и угорских материалах (Танкеевский и Большеитиганский могильники) прослежены (с.77). Более того, явные следы контактирования последней волны болгарских переселенцев и финского населения в Посурье и Приочье так же вполне очевидны. Имеются этому свидетельства и в Танкеевском могильнике. Однако автор считает это лишь отражением связей мордвы с салтовским миром, но не с булгарами (с.80). Тем не менее, обилие болгарских изделий у поволжских финнов в X в. Е.П. Казаков трактует как свидетельство активной болгарской торговли (с.80-81) и не более того.

Однако находки однотипных изделий на болгарских и финских памятниках не могут быть свидетельством не только торгового характера этих контактов.

Второе. Весьма спорен тезис о сурских болгарях (с.83), пришедших в Посурье по мнению Е.П. Казакова в конце X или в XI в. (с.82-83). Учитывая территориальный разрыв между средневековыми поселениями на Суре и собственно болгарской территорией, а также специфику вещевого поселенческого комплекса Посурья вряд ли можно говорить о включении этого региона в государственную территорию Волжской Булгарии (с.82) и называть их булгарами. Это мордовское население, которое в конце X или в XI в. восприняло многие элементы болгарской культуры (Руденко К.А., 2007а, с.8-9).

Процесс близкий по характеру, но иной в этническом плане наблюдается в Притешье, где в материальную культуру мордвы имеются элементы культуры торкоязычных кочевников. В эпоху Золотой Орды границы расселения мордовского этноса, как отмечает Е.П. Казаков, существенно расширяются.

Третье. При рассмотрении связей болгар с другой группой поволжских финнов – марийцев Е.П. Казаков так же отдает предпочтение версии об одностороннем влиянии болгар на них. При этом болгары выступают как главный источник поступления товаров на потребительский рынок Поволжья. Вместе с тем, автор приводит свидетельства проживания марийцев в IX–X вв. на болгарской территории (с.86), что, в сущности, позволяет предполагать более активную роль марийского этноса в этнокультурных процессах в Булгарии (Руденко К.А., 2004, с.105-115; он же 2004а, с.148-159).

О торговой гегемонии Булгарии на Верхней Волге с первой половины X в. (!) (с.88,91) и о характере связей как преимущественно культурно-экономических (с.89-91) речь идет в следующем разделе монографии. Аналогичную точку зрения Е.П. Казаков высказывает и при анализе материалов связанных с пермскими финнами в XI–XIV вв. Для начала X века такая оценка болгарской торговой деятельности кажется слишком сильной. Основная масса болгарского импорта приходится все же на вторую половину X столетия.

В **Заключении** Е.П. Казаков подводит итоги исследования, отмечая, что «финно-угры так же в значительной мере влияли на болгар» (с.96). Интересно замечание автора, что необходимо исследовать эмоционально-психологическое и эстетическое воздействие культуры болгар на их соседей (там же). Охарактеризовав ситуацию в раннеболгарское время, автор останавливается на последующем периоде, отмечая, что Волжская Булгария являлась в то время «своеобразным ремесленным цехом Восточно – Европейского региона» (с.98).

Есть в Заключении несколько новых сюжетов, в частности об окраинных административных единицах на финских землях с болгарскими наместниками, например, в Елабуге (с.101). Главный вывод автора заключается в том, что угры и финны непосредственно участвовали в формировании этноса и культуры волжских болгар как нового народа в Среднем Поволжье (с.105). Причем сама Волж-

ская Болгария до конца своего существования (начало XV в.) выступает как часть не только тюркского, но и финно-угорского мира, о чем свидетельствуют как археологические, так и письменные источники (с.106).

Книга проиллюстрирована большим числом рисунков, карт и схем, что придает весомость и наглядность излагаемому материалу. К сожалению, есть и небольшие технические погрешности. Например, на с. 28, ссылка на рисунок 12-2 ошибочна. Описываемого в тексте предмета на нем нет.

Книга Е.П. Казакова является огромным вкладом в изучение этногенетических проблем Волго-Камья, впервые доказательно представленных и обоснованных многочисленными археологическими источниками.

Литература

- Гарустович Г.Н., 1998.* Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореферат канд. ист. наук. Уфа.
- Иванов В.А., 1999.* Древние угры, мадьяры в Восточной Европе. Уфа: «Гилем».
- Руденко К.А., 2002.* Исследования археологических памятников у с. Балымери в 1996-1998 гг. // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань.
- Руденко К.А., 2004.* Волжская Булгария, северо-восточная Русь и Прикамье: проблемы исследования этнокультурных контактов и взаимовлияний в XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье / АЭМК, выпуск 27. Йошкар-Ола.
- Руденко К.А., 2004а.* О роли финно-угров в сложении культуры волжских булгар XI–XIV вв. (по данным археологии) // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов / Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола.
- Руденко К.А., 2005.* Защитные пластины Предуралья и Зауралья // Finno-Ugrica, 2005, №1 (7-8).
- Руденко К.А., 2006.* К вопросу о болгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrica, №9.
- Руденко К.А., 2007.* Об атрибуции некоторых бронзовых украшений из Билярского городища // Finno-Ugrica, №10.
- Руденко К.А., 2007а.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: «Школа».
- Юрченко А.Г., 2006.* Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. – СПб.: Евразия.

Хроника

Георги Владимиров, Пламен Павлов, Фаяз Хузин
Памяти профессора Рашо Рашева

В расцвете творческих сил ушел из жизни наш друг и коллега Рашо Рашев – крупный ученый, профессор, доктор исторических наук, директор Национального археологического института с музеем при Болгарской академии наук (БАН). Он погиб при страшной железнодорожной катастрофе, произошедшей 28 февраля 2008 г. В этом году ему исполнилось бы только 65.

Рашо Рашев родился 12 ноября 1943 г. в с. Тича, обл. Сливен, Болгария. В 1969 г. окончил Великотырновский университет по специальности «история». Будучи еще студентом начал заниматься средневековой археологией, в частности, под руководством выдающегося болгарского археолога проф. Ст. Ваклинова принимал участие в раскопках царского дворца в Великом Тырнове – древней столице Второго Болгарского царства. После окончания университета, в 1969–1975 гг., Р. Рашев работал научным сотрудником Археологического музея БАН в Великом Преславе и Исторического музея в Силистре. К этому периоду относятся его первые самостоятельные раскопки известных средневековых памятников Болгарии. С 1975 г. научная и научно-организаторская деятельность Р. Рашева связана с Шуменским филиалом Археологического института с музеем при БАН (в 1992–1993 гг. – руководитель филиала). В течение многих лет он самостоятельно или в составе различных экспедиций проводил исследования уникальных памятников древнеболгарской столицы Плиски, земляных и каменных укреплений средневековых поселений Болгарии, плодотворно сотрудничая при этом с крупнейшими отечественными и зарубежными археологами (Ст. Ваклинов, Г. Атанасов, С. Станилов, Д. Димитров, С.А. Плетнева, К.И. Красильников и др.). В 1980 г. прошел стажировку в совместной Советско-Болгарско-Венгерской археологической экспедиции, проводившей широкомасштабные раскопки известного Маяцкого городища на Дону.

В 1977 г. Р. Рашев защитил кандидатскую диссертацию, посвященную раннесредневековым фортификационным сооружениям (позднее она была опубликована в виде монографии), в 2001 г. стал доктором исторических наук и старшим научным сотрудником I степени. В 2007 г. он был избран директором Национального археологического института с музеем при БАН.

Крупнейшие полевые исследования ученого, проводившиеся им с 1976 г., связаны с городом Плиска, где он на протяжении многих лет изучал Дворцовый комплекс, другие архитектурные сооружения внутреннего и внешнего города первой столицы Дунайской Болгарии. Уникальный материал по археологии и истории Первого Болгарского царства дали разведочные поиски и раскопки средневековых памятников в окрестностях Силистры, Разграда, Варны и Шумена. Его интересовали также древнеболгарские некрополи на территории Молдовы, Украины и России, материалы которых, тщательно проанализированные, нашли отражение в многочисленных публикациях, посвященных этногенезу болгар. Благодаря этим исследованиям, Р. Рашев по праву был признан ведущим специалистом по археологии праболгар, истории и культуре Первого Болгарского царства.

Долгие годы профессор Р. Рашев преподавал археологию в Шуменском университете «Епископ Константин Преславский», Великотырновском университете «Св. Кирилл и Мефодий», Варненском свободном университете «Черноризец Храбр». Он любил студентов, не жалел времени и сил в деле подготовки молодого поколения археологов.

Перу Р. Рашева принадлежит более 200 научных работ, в том числе 6 книг. Широкой известностью у российских археологов пользуются фундаментальные монографии ученого «Древнеболгарские укрепления Нижнего Подунавья VII–XI вв. (Варна, 1982) и «Праболгары в V–VII вв.» (В. Тырново, 2000; последнее, пятое издание увидело свет в 2007 г.), а также серии сборников «Плиска – Преслав», «Проблемы праболгарской истории и культуры», изданные под редакцией проф. Р. Рашева.

Профессора Рашо Рашева хорошо знали, искренно уважали и любили в Татарстане. В Казани он побывал неоднократно, посещал со своими коллегами Билярское, Болгарское, Джукетауское городища, рассказывал о своих новых открытиях. Он являлся членом редколлегии журнала «Татарская археология». В казанских изданиях опубликовано около десятка статей ученого. Для второго тома семитомной «Истории татар», вышедшем в 2006 г., Р. Рашевым написаны два крупных раздела, посвященные археологии праболгар и истории Первого Болгарского царства.

В последний раз Р. Рашев был в Казани в феврале 2007 г. Он участвовал в Учредительном съезде Международной научной конференции «Археология евразийских степей». Его доклад, посвященный результатам недавно завершенных раскопок второй круглой деревянной постройки в центре Плиски, вызвал у его коллег огромный интерес. Никто тогда не предполагал, что этот визит болгарского ученого в наш город будет последним...

Личный вклад профессора Рашо Рашева в изучение истории археологии средневековых болгар, укреплений научных контактов между болгарскими и российскими археологами огромен. Его труды уже вошли в золотую сокровищницу болгаристики. Хорошая память о нем надолго сохранится в наших сердцах.

Список сокращений

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АО – Археологические открытия
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ВПИ – Висш педагогически институт (Велико Тырново)
ГСУ – Годишник на Софийския университет
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗУОЛЕ – Записки Уральского общества любителей естествознания
ИБАИ – Известия на Българския археологически институт (София)
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА – Материалы и исследования по археологии (Москва–Ленинград)
МИАЭТ – Материалы и исследования по истории, археологии и этнографии
Таврики (Симферополь)
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, археологии и этнографии
(г. Москва)
ПВЛ – Повесть временных лет
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СПб. – Санкт-Петербург
УАВ – Уфимский археологический вестник
УзМолот ГУ – Ученые записи Молотовского государственного университета
(г. Пермь)
УНЦ РАН – Уфимский научный центр РАН

Сведения об авторах

Владимиров Георги – доктор истории, специалист по средневековой истории Болгарии (г. София, Болгария)

Бернц Вероника Александровна – научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья при Удмуртском государственном университете

Гарустович Геннадий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (г. Уфа)

Иванов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы (г. Уфа)

Казakov Евгений Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Павлов Пламен – доктор истории, доцент Великотырновского университета «Св. Кирилл и Мефодий» (Болгария)

Рашев Рашо – доктор исторических наук, профессор, директор Национального археологического института с музеем при Болгарской академии наук (БАН)

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Национального музея РТ (г. Казань)

Старостин Петр Николаевич – кандидат исторических работ, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Хузин Фаяз Шарипович – доктор исторических, член-корреспондент АН РТ, заведующий кафедрой истории Татарстана Татарского государственного гуманитарного университета

Шилов Степан Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент Курганского педагогического государственного университета

Чижевский Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ